

Религиозная организация
— духовная образовательная организация высшего образования
**«МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»**

На правах рукописи

священник Сухарев Александр Валерьевич

**ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
ГЕРМАНИИ (1913–1943 гг.)**

История западных исповеданий и сравнительное богословие

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословия**

Научный руководитель:
кандидат богословия,
доцент кафедры Церковной истории
священник Антоний Борисов

Сергиев Посад

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИСТОРИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.....	19
I.1. Определение литургического движения. Проблемы периодизации, природы и наименования.....	19
I.2. Краткая история литургического движения.....	22
I.2.1. Литургическое движение и бенедиктинские монастыри.....	22
I.2.2. Литургическое движение и приходская жизнь.....	26
I.2.3. Рецепция идей литургического движения в Католической Церкви.....	28
I.2.4. Богословие литургического движения.....	29
I.2.5. Богослужение Католической Церкви конца XIX — начала XX вв. Проблема литургического благочестия.....	35
I.2.6. Литургическое движение и национальные государства.....	39
I.3. Литургическое движение и II Ватиканский собор.....	41
I.4. Выводы.....	43
ГЛАВА II. ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ.....	45
II.1. Введение в проблематику литургического движения Германии. Периодизация.....	45
II.2. Академический этап литургического движения.....	47
II.2.2. История формирования и содержание понятия «Liturgiewissenschaft».....	50
II.2.3. Основные концепции «науки о литургии».....	54
II.2.4. Вопрос о литургическом образовании.....	75
II.2.5. Литургические исследования в бенедиктинских монастырях.....	80
II.2.3. Выводы.....	83
II.3. Переходный этап литургического движения. Образование центров литургического апостолата.....	85
II.3.1. Католическая Германия после окончания Первой мировой войны.....	86
II.3.2. Католическая ассоциация выпускников высших учебных заведений.....	89

II.3.3. Центр литургического апостолата в аббатстве Мария Лаах.....	93
II.3.4. Литургическое движение и политические процессы в Европе.....	105
II.3.5. Литургическая деятельность Романо Гвардини.....	109
II.4. Приходской этап литургического движения.....	124
II.4.1. Пий Парш. Община св. Гертруды в Клостернойбурге.....	124
II.4.2. Лейпцигский ораторий.....	126
II.4.3. Кризис литургического движения и его разрешение.....	134
II.4.4. Выводы.....	137
ГЛАВА III. ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.....	138
III.1. Литургическое движение Германии и энциклика «Mediator Dei»..	138
III.2. Литургическое движение Германии и II Ватиканский собор.....	140
III.3. Литургическое движение и богослужебные реформы Католической Церкви.....	154
III.4. Романо Гвардини и литургическое богословие Бенедикта XVI.....	156
III.4.1. «Конец нового времени» и проблема «способности к литургии»	157
III.4.2. Литургическое богословие Бенедикта XVI.....	160
III.5. Выводы.....	163
IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	165
Список источников и литературы.....	170
Приложение 1. История литургического движения в Германии. Хронологическая таблица.....	182
Приложение 2. «О литургическом вопросе». Письмо Романо Гвардини архиепископу Майнца Альберту Штору.....	184
Приложение 3. Евхаристический канон традиционной латинской мессы и немецкой мессы Лейпцигского оратория. Сравнительная таблица.....	196

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AA — «Apostolicam Actuositatem» (Декрет об апостольстве мирян)

AG — «Ad Gentes» (Декрет о миссионерской деятельности Церкви)

DV — «Dei Verbum» (Догматическая конституция о Божественном Откровении)

GS — «Gaudium et Spes» (Пастырская конституция о Церкви в современном мире)

KAV — Katholischer Akademikerverband (Католическая ассоциация выпускников высших учебных заведений)

LG — «Lumen Gentium» (Догматическая конституция о Церкви)

MD — «Mediator Dei» (Папская энциклика о литургии)

PC — «Perfectae Caritatis» (декрет об обновлении монашеской жизни применительно к современным условиям)

SC — «Sacrosanctum Concilium» (Конституция о священной литургии)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Организация приходской жизни имеет огромное значение для осуществления спасительной миссии Церкви. «Единственной конечной и неизменной целью всей Церкви Христовой, а значит и прихода, является приведение людей к общению с Богом, обретение ими спасения. Господь возжелал, чтобы мы достигали спасения не в одиночку, но сообща в общине Его последователей»¹. Христос изливает полноту Своих благодатных даров в общине и через общину: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:19–20). Совместная молитва, возносимая умом и сердцем прихожан, дает им возможность непосредственной встречи со Христом, соединяет Главу Церкви и Его члены в единое целое. Приход «вырастает» из богослужения, поэтому участие в нем должно быть сознательным. «Забота о том, чтобы чтение и пение за богослужением соответствовали высокому предназначению храма как дома молитвы (ср.: Мф. 21:13), — это наша священная обязанность, — сказал Святейший Патриарх, выступая на епархиальном собрании города Москвы 2017 г. — Мы должны делать все необходимое для того, чтобы служба Божия была понятна народу, чтобы люди в ней участвовали с разумением»².

Воссоздание общинного строя приходской жизни — одно из приоритетных направлений деятельности Русской Православной Церкви. Тема прихода и приходского богослужения постоянно звучит в выступлениях Святейшего Патриарха Кирилла и епархиальных архиереев³.

---

¹ Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Епархиальном собрании города Москвы (23 декабря 2014 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3889092.html> (дата обращения: 02.09.2018).

² Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Епархиальном собрании города Москвы (21 декабря 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/109387.html> (дата обращения: 5.04.2018).

³ См., напр.: Святейший Патриарх Кирилл: На приходах должна быть правильно поставлена работа по приобщению к общине тех, кто только входит в храм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3888293.html> (дата обращения: 2.09.2018); Святейший Патриарх Кирилл: Внимание к приходящим в храм — наша обязанность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3748144.html> (дата обращения: 31.08.2018); Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на епархиальном собрании города Москвы (21 декабря 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/109387.html>. (дата обращения: 5.04.2018).

Насущные вопросы приходской и богослужебной жизни подробно рассматриваются в комиссиях Межсоборного Присутствия Русской Православной Церкви и являются предметом общецерковной дискуссии⁴.

Очевидно, что организация приходской и литургической жизни может осуществляться только в рамках церковной традиции. Именно традиция обеспечивает передачу способов организации приходской жизни и разнообразия богослужебных форм. Сохраняя все необходимое и полезное, она в то же время предоставляет ее носителям творческую свободу; оставаясь вне времени, продолжает свое течение в истории: «В стихии традиции беспрецедентно новая, точно найденная форма переживается как повтор: все верное было всегда»⁵.

Пожалуй, самым масштабным и представительным церковным органом Русской Православной Церкви, который занимался разработкой вопросов приходской жизни, является Поместный Собор 1917–1918 гг.⁶ Вне всякого сомнения, мысли отцов Собора об активизации деятельности мирян, возрождении приходской жизни, упорядочивании устава, исправлении литургических книг и богослужебном языке не потеряли своей актуальности⁷. Изучение наследия Собора (как протоколов заседаний соборных комиссий, так и корпуса подготовительных материалов) позволяет нам, современным христианам, быть участниками живого, творческого, непрерывного процесса, который называется церковной традицией.

---

⁴ Среди тем, рассматриваемых Комиссией по богослужению и церковному искусству: «Значение молебного пения»; «Вспомогательные средства для преодоления проблемы непонимания мирянами богослужения»; «Практическое руководство при совершении приходского богослужения». Подробнее об этом см.: Темы к рассмотрению комиссиями Межсоборного Присутствия Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/intersobor/temy> (дата обращения: 25.07.2018).

⁵ Седакова О.А. О времени. О традиции. О писаном и неписаном праве // Седакова О. А. Стихи. Переводы. Poetica. Moralia. В 4 т. : Т. 4. Moralia / О. А. Седакова. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 236.

⁶ Для работы в Соборном отделе о богослужении, проповедничестве и храме записалась почти треть делегатов Собора — 171 человек, включая 33 архиерея. Подробнее об этом см.: *Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001. 509 с.

⁷ «...значение Поместного Собора не до конца осмыслено и оценено церковным народом. Глубоко убежден в том, что его наследие нуждается в серьезном и вдумчивом исследовании, а многие из идей, высказанных тогда, были бы полезны и востребованы сегодня». См.: *Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси.* Патриаршее послание архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви по случаю отмечаемого 100-летия Поместного Собора 1917-1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4991606.html> (дата обращения: 5.04.2018).

В условиях быстро меняющегося мира, где от Церкви требуется постоянный поиск универсального языка свидетельства о Христе, изучение опыта иных христианских конфессий, особенно Католической Церкви, представляется особенно актуальным. Если многое из того, что планировалось сделать на Поместном Соборе Русской Церкви, в силу известных причин, не было доведено до конца, то литургическое движение (1909–1962 гг.), II Ватиканский собор (1962–1965 гг.) и следовавшие за ним богослужебные реформы представляют собой законченный и последовательный процесс возникновения, формирования и реализации программы литургических преобразований. С определенной долей погрешности, обусловленной временем, разностью вероисповеданий и внешними условиями существования, можно утверждать, что проблематика вопросов, стоявших перед нашими Церквями в начале XX века, во многом сходна. Именно поэтому положительный и отрицательный опыт Католической Церкви прошлого столетия в области литургического обновления должен быть нами учтен и подвергнут тщательному анализу.

В 2003 г., когда Католическая Церковь отмечала 40-летие принятия Конституции о священной литургии II Ватиканского собора «*Sacrosanctum Concilium*» (далее SC), префект Конгрегации вероучения, а впоследствии папа Римский Йозеф Ратцингер особо подчеркнул идейное единство соборных постановлений и литургического движения: «Собор принял далеко идущие решения, которые впоследствии существенно преобразовали облик Церкви. Отцы осознавали, что это был плод длинной предыстории. Разнообразные течения, достижения и опыт, созревшие внутри литургического движения, слились в единый образ, призванный открыть новый этап истории литургии»⁸.

Литургическое движение Германии 1913–1943 гг. — одно из самых интересных явлений в истории Католической Церкви XX века. Это сложный

---

⁸ Цит. по: *Heinz A. Die Liturgische Bewegung Zwischen dem Ersten und dem Zweiten Vatikanischen Konzil // Roczniki Teologiczne. Tom LXII, zeczyt 8-2015. S. 18.*

и неоднородный процесс, характер которого был обусловлен не только внутрицерковными причинами, но во многом зависел от культурной и общественно-политической ситуации, которая складывалась в Европе. Положение, в котором оказалась Католическая Церковь в начале XX века, потребовало выйти за пределы привычного, спокойного существования навстречу современному человеку, чтобы «заново» рассказать ему о Христе. Немецкие ученые и священнослужители оказались в первых рядах католиков, которые не только поставили перед Церковью новые задачи, но и трудились над их решением. Во многом благодаря немецким католическим богословам обогатилось понятие богослужебной традиции; одними из первых они обратили внимание на литургическое богатство Восточной Церкви. Тексты мессы и служб суточного круга стали предметом научно-исторического исследования, был поднят вопрос о народном литургическом образовании, сделаны практические шаги по адаптации богослужения к пониманию современного человека.

К сожалению, в отечественной историографии литургическое движение Германии не исследовано. Между тем, современные западные исследователи считают его важнейшим звеном в истории Католической Церкви XX века: «Германия принадлежит к тем странам, в которых было впервые осознано стремление к литургическому обновлению» (Т. Боглер)⁹. «После Первой мировой войны в Германии находился центр тяжести движения по обновлению литургической жизни» (А. Хайнц).¹⁰ «Возрождение католического богословия начала и середины XX века, когда оно освободилось от устаревшей и монотонной неосхоластики... многим обязано германоязычным богословам... В учении [II Ватиканского] собора отразились труды лучших немецких и французских богословов периода между двумя мировыми войнами» (Э. Николс)¹¹.

---

⁹ *Bogler T.* Deutschland // Liturgische Erneuerung in aller Welt. Verlag Ars Liturgica. Maria Laach 1950. S. 15.

¹⁰ *Heinz A.* Op. cit. S. 10.

¹¹ *Николс Э.* Контуры католического богословия. Введение в его источники, принципы и историю / пер. с англ. (Серия «Современное богословие») – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009. – С. 392.

В литургическом движении Германии 1913–1943 гг. отражены истоки, главные идеи, недостатки и даже последствия всего литургического движения. Современную жизнь Католической Церкви во многом определяет парадигма мышления, сформированная лидерами литургического движения Германии.

Цель, задачи и методология исследования

Цель настоящего исследования — рассмотреть историю зарождения и развития литургического движения в Католической Церкви Германии, определить его характер и особенности, систематизировать и обобщить полученные результаты, на основе которых показать взаимосвязь литургического движения с жизнью Католической Церкви второй половины XX века.

Для достижения цели были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

- описать ход, характер, природу, основные идеи литургического движения, дать общую характеристику его главных действующих лиц;
- установить, какое влияние оказывали друг на друга литургическое движение и общественно-политические процессы, происходившие в Европе;
- указать на разногласия, возникшие внутри литургического движения (в частности, по поводу различной интерпретации понятий религиозного благочестия и литургического образования);
- показать взаимосвязь литургического движения Германии с богослужебными реформами Католической Церкви второй половины XX века, обратив особое внимание на уникальный вклад немецких богословов и священнослужителей в содержание основополагающих документов Святого Престола и II Ватиканского собора.

Объектом настоящего исследования является литургическое движение Католической Церкви.

Предметом исследования является литургическое движение Католической Церкви Германии в 1913–1943 гг.

При написании данной работы использовались следующие общенаучные **методы** исследования:

- нарративный (с помощью которого последовательно описываются события, происходившие в исследуемый период);
- историко-генетический (используется для изучения происхождения, становления и результатов литургического движения Германии, а также для составления его периодизации);
- сравнительно-исторический (помогающий установить взаимосвязь и различие подходов к проблемам литургического движения — проблеме литургического благочестия, вариативному подходу к литургии, а также указывающий на соотнесенность литургического движения Германии с литургическим движением всей Католической Церкви);
- структурный (литургическое движение Католической Церкви представлено как открытая структура, в которой различные элементы взаимосвязаны и подчиняются общим законам развития, хотя могут вступать в противоречие друг с другом);
- биографический (на основании биографического материала показана огромная роль лидеров литургического движения и взаимосвязь их персональной судьбы с историей Католической Церкви Германии).

Хронологические рамки исследования охватывают значительную часть первой половины XX в. Годом рождения литургического движения Германии считается 1913 год, когда в монастыре Мария Лаах произошла встреча аббата монастыря Ильдефонса Хервегена с образованными

мирянами — будущими членами Католической ассоциации выпускников высших учебных заведений. Рассматриваемый в работе период заканчивается в 1943 году, когда национальная конференция немецких епископов получила официальное разрешение Святого Престола на использование т.н. «высокой мессы» («*Hochamt*») — особой редакции чинопоследования мессы для использования в диоцезах Германии.

Краткий обзор источников и литературы

Источниковая база определяется целью и задачами настоящего исследования. В качестве основных источников использованы работы лидеров литургического движения Р. Гвардини, О. Казеля, И. Хервегена, А. Хамменштеде, Б. Нойнхойзера, Х. Платца, а также официальные документы Католической Церкви: папские энциклики, конституции и декреты II Ватиканского собора, документы, подготовленные соответствующими ведомствами Римской курии (в первую очередь Священной конгрегацией обрядов и пришедшей ей на смену Конгрегации богослужения и дисциплины таинств). Кроме того, в работе использованы тексты чинопоследований, составленные и изданные лидерами Р. Гвардини и членами Лейпцигского орактория¹².

Литургическое движение было достаточно продолжительным (1909–1963 гг.), и первые исследования, посвященные этому явлению, стали появляться уже в 40–50-е годы XX в. (например, «История литургического движения» Оливье Руссо¹³). Их авторами были преимущественно деятели литургического движения, которые стремились показать, что идея об активном и сознательном участии в литургии находит все больше сторонников и последователей. По мере того, как идеи литургического движения стали реализовываться на практике, они были подвергнуты более тщательному анализу и критике (в качестве примера можно привести книгу

---

¹² Все переводы сделаны автором.

¹³ См.: Руссо О. История литургического движения. Париж: Дю Серф, 1945. 178 с.

Ива Конгара «Истинная и ложная реформа Церкви»¹⁴). Поскольку литургическое движение было международным, неоднородным (монашеским, «молодежным», «приходским») и включало в себя несколько параллельно происходивших процессов (научные и публицистические статьи, богословские и философские произведения, практическая деятельность на приходах), посвященные ему исследования также получили соответствующую специализацию.

То же самое может быть сказано и в отношении литургического движения в Германии. Неоднородность, многоэтапность, а иногда и противоречивость его процессов отразились на характере исследовательской литературы. Особое место в историографии занимают издания аббатства Мария Лаах, в которых представлен вклад бенедиктинского монашества в формирование и развитие науки о литургии. В период 1921–1935 гг. под редакцией О. Казеля выходил «Литургический альманах» («*Jahrbuch für Liturgiewissenschaft*»), в 1918–1939 гг. — «Историко-литургические исследования» («*Liturgiegeschichtlichen Forschungen*», «*Liturgiegeschichtlichen Quellen und Forschungen*»)¹⁵. Заслуживают внимания три сборника научных статей монахов-бенедиктинцев, в которых, помимо прочего, содержится подробный рассказ о ходе литургического движения: «Литургическое обновление в мире» («*Liturgische Erneuerung in Aller Welt*», 1950), «Молиться и трудиться» («*Beten und Arbeiten*», 1961)¹⁶, и «Церковь на озере» («*Ecclesia Lacensis*», 1993)¹⁷. Важнейшей фигуре литургического движения, аббату И. Хервегену, посвящены «Воспоминания монаха Мария Лаах» («*Errinerungen einer Laacher Mönches*»¹⁸) приора аббатства А.

¹⁴ См.: Congar Y. True and False Reform in the Church. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 2011. 132 p.

¹⁵ См.: *Jahrbuch für Liturgiewissenschaft*. Münster [West Ger.] : Verein zur Pflege der Liturgiewissenschaft, 1921-1941. 15 v.; *Liturgiegeschichtlichen Forschungen*. Münster, Aschendorff: Verein zur Pflege der Liturgiewissenschaft. 1918-1927. 10 v.; *Liturgiegeschichtlichen Quellen und Forschungen*. Münster, Aschendorff, 1928-1939. 9 v.

¹⁶ *Beten und Arbeiten*. Aus Geschichte und Gegenwart Benediktischen Lebens. Verlag Ars Liturgica. Maria Laach 1961. 112 S.

¹⁷ *Ecclesia Lacensis*. Beiträge aus Anlaß der Wiederbesiedlung der Abtei Maria Laach durch Benediktiner aus Beuron vor 100 Jahren am 25. November 1892 und der Gründung des Klosters durch Pfalzgraf Heinrich II von Laach vor 900 Jahren 1093 / Severus, Emmanuel von [Hrsg.]. — Aschendorff Münster, 1993. 614 S.

¹⁸ См.: *Hammenstede A. Errinerungen eines Laacher Mönches: Autobiographische Aufzeichnungen*. Maria Laach 1996. 256 S.

Хамменштеде, и две небольшие статьи, написанные Э. фон Северусом и А. Марселем¹⁹.

История Ассоциации выпускников высших учебных заведений, связанной с литургической миссией аббатства Мария Лаах и распространением католического мировоззрения в Европе (т.н. «*Abendland-Idee*»), отражена в работах В. Конце «Немецкая Европа» («*Das Europa des Deutschen*», 2005)²⁰, Р. Рихтера «Национальная мысль в католицизме Веймарской республики» («*Nationales Denken im Katholizismus der Weimarer Republik*», 2000)²¹ и в современных периодических изданиях (например, в журнале междисциплинарных исследований «*Renovatio*» и «Журнале истории Европейской интеграции» («*Zeitschrift für Geschichte der Europäischen Intergration*»))²².

Литургическое движение в Германии неразрывно связано с именем богослова, ученого, писателя, лидера молодежного движения, священника Романо Гвардини (1885–1963 гг.). Ему посвящено множество исследований, среди которых можно выделить монографии современных авторов — Р. Крига и Б. Герл-Фальковиц, докторскую диссертацию Р. Кёрнека «Концепция литургической реформы в работах Романо Гвардини и Йозефа Ратцингера» («*The concept of liturgical reform in the writings of Romano Guardini and Joseph Ratzinger*», 2016)²³, а также всесторонний анализ богословского подхода Гвардини, сделанный Х. Урс фон Бальтазаром в книге «Реформа из источника» («*The reform from the source*», 1995)²⁴.

---

¹⁹ Severus E. Herwegen, Ildefons [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd11855011X.html> (дата обращения: 2.09.2018).

²⁰ См.: Conze V. Das Europa des Deutschen. Ideen von Europa in Deutschland zwischen Reichtradition und Westorientierung (1920-1970). Institut für Zeitgeschichte. Oldenbourg Verlag München, 2005.

²¹ См.: Richter R. Nationales Denken im Katholizismus der Weimarer Republik. LIT Verlag Münster, 2000.

²² См.: Kurth H.H. Achtzig Jahre Katholischer Akademikerverband // Renovatio. Zeitschrift für das Interdisziplinäre Gespräch. Heft 1. 50 Jahrgang. März 1994. Ss. 1–6; Müller G., Plichta V. Zwischen Rhein und Donau. Abendländisches Denken deutsch-französischen Verständigungsinitiativen und konservativ-katholischen Integrationsmodellen 1923–1957 // Zeitschrift für Geschichte der europäischen Integration. 5 (1999). Ss. 17–23.

²³ См.: Kürnyek R. The Concept of Liturgical Reform in the Writings of Romano Guardini and Joseph Ratzinger: A comparative analysis. Ottawa, Canada, 2016. 271 p.

²⁴ См.: Balthasar H. U. von. Romano Guardini: Reform from the Source. A Communio Book, San Francisco: Ignatius Press 2009. 122 p.

Первым приходом, в котором идеи литургического движения были претворены в жизнь, стала община ораторианцев²⁵ при храме Божией Матери в Лейпциге. Деятельности Лейпцигского оратория посвящена обширная монография А. Пошманна («*Das Leipziger Oratorium*», 2001)²⁶.

Наиболее авторитетным источником, посвященным кризису литургического движения, является работа Т. Маас-Эверда «Кризис литургического движения в Германии и Австрии» («*Die Krise der Liturgischen Bewegung in Deutschland und Österreich*», 1998)²⁷.

Особый интерес представляют собой работы, посвященные осмыслению литургического движения Германии как части сложного общецерковного процесса, которому присущи некоторые национальные особенности. Среди авторов подобных исследований следует назвать Л. Шерцберг, А. Баумгартнера, Л. Херберг и А. Хайнца.

Среди литературы, посвященной рассмотрению взаимосвязи между идеями литургического движения, богослужебными реформами Католической Церкви и документами II Ватиканского собора, можно выделить монографию А. Рейда «Органичное развитие литургии» («*The organic development of the liturgy*», 2005)²⁸, статью Р. Качинского в т. 2 «Богословского комментария ко II Ватиканскому собору» (*Herders Theologischer Kommentar zum Zweiten Vatikanischen Konzil*, 2012)²⁹ и книгу Р. Гайардетца «Ключи к пониманию собора» («*Keys to the Council*»)³⁰.

Отдельного упоминания заслуживает научно-историческая работа, которой занимается Штефан Лангенбан, редактор «Литургического архива»

---

²⁵ Ораторианцы – члены старейшей (основана в 1558 г.) католической конгрегации священников, живущих в послушании, но не приносящих монашеских обетов. Цель этой конгрегации — возвращение к духу простоты апостольских времен в молитве, проповеди и совершении таинств.

²⁶ См.: *Poschmann A.* Das Leipziger Oratorium. Liturgie als Mitte einer lebendigen Gemeinde. Erfurter Theologische studien. Band 81. Keipzig: Benno Verlag 2001. 280 S.

²⁷ См.: *Maas-Ewerd T.* Die Krise der liturgischen Bewegung in Deutschland und Österreich: zu den Auseinandersetzungen um die "liturgische Frage" in den Jahren 1939 bis 1944. Verlag: Pustet Friedrich KG 1981. 724 S.

²⁸ См.: *Reid A.* The Organic Development of the Liturgy. The principles of liturgical reform and their relation to the 20-th century liturgical movement prior to the Second Vatican Council. 2nd edition. Ignatius Press, San Francisco 2005. 376 p.

²⁹ См.: *Herders Theologischer Kommentar zum Zweiten Vatikanischen Konzil*, hg. von P. Hünermann. Verlag Herder, Freiburg im Breisgau 2004.

³⁰ См.: *Gaillardetz R.R., Clifford C.E.* Keys to the Council. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 2012. 198 p.

(«*Archiv für Liturgiewissenschaft*»). Ему принадлежат работы, посвященные истории журнала «Литургический альманах», формированию «науки о литургии», взглядам и взаимоотношениям лидеров движения и одному из старейших его участников – Б. Нойнхойзеру, скончавшемуся в 2003 г. В 2017 г. под редакцией Лангенбана вышел сборник, посвященный 100-летию издания книги Р. Гвардини «Дух литургии», в котором статьи современных ученых соседствуют с тщательно воссозданной историей появления этого классического произведения и внушительным справочным аппаратом³¹.

Научная новизна исследования

- впервые в российской церковно-исторической науке сделано подробное и систематическое описание литургического движения в Католической Церкви Германии в 1913–1943 гг.;
- проведен анализ главных произведений лидеров литургического движения Германии и дана характеристика его главных действующих лиц;
- приведены доказательства идейной преемственности литургического движения и II Ватиканского собора, практическим следствием которого стали богослужебные реформы второй половины XX в.

Положения, выносимые на защиту:

- литургическое движение Католической Церкви Германии является неотъемлемой частью процесса обновления жизни Католической Церкви в XX веке. Существует глубокая и тесная взаимосвязь литургического движения Германии (и всего литургического движения) с идеями II Ватиканского собора, а также с содержанием богослужебных реформ второй половины XX века;

---

³¹ Автор приносит Ш. Лангенбану сердечную благодарность за всестороннюю помощь и поддержку.

- в своем развитии литургическое движение Германии прошло несколько этапов: академический, просветительский и пастырский. Огромную роль в литургическом движении Германии играли личности;
- литургическое движение Германии соединило в себе два представления о религиозном благочестии — литургическом (соборном) и индивидуальном;
- характер литургического движения Германии был во многом обусловлен общественно-политической средой, в которой находились европейские государства в период между двумя войнами. В свою очередь, литургическое движение оказало серьезное влияние на политические процессы, целью которых было объединение Европы.

Практическая значимость работы

Материал, содержащийся в представленной работе, может быть использован для дальнейшего исследования истории Католической Церкви XX века, а также в написании работ, посвященных сравнительному анализу процессов литургических преобразований в странах с различной конфессиональной принадлежностью (например, Германии и России начала XX века).

Церковная значимость исследования состоит в том, что результаты работы могут быть использованы в современном диалоге между Православной и Католической Церковью. Кроме того, работа может послужить дополнением к бакалаврской программе по Новейшей истории западных исповеданий, а также магистерским спецкурсам по истории и богословию современной Католической Церкви.

Апробация результатов исследования

Диссертация обсуждена в рамках предзащиты на кафедре церковной истории Московской духовной академии 21 июня 2018 года. По теме диссертации опубликовано четыре статьи (в том числе одна в сборнике, посвященном 100-летию книги Романо Гвардини «Дух литургии», изданном в диоцезе Кельн):

1. Сухарев Александр, свящ. Одо Казель и его учение о таинствах // Христианское чтение. 2017, №4. Сс. 85–112.
2. Сухарев Александр, свящ. О начале литургического движения в Германии // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. Октябрь-декабрь 2017. Том LXXXI. Сс.150–192.
3. Сухарев Александр, свящ. Немецкая «общинная» месса (Gemeinschaftsmesse) в контексте литургического движения XX века // Богословский вестник. 2018, №28-29. (принята к публикации).
4. Sukharev Alexander. Romano Guardinis „Vom Geist der Liturgie“. Anmerkungen eines Russischen Priesters // *Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung* / hrsgb. von S. Langenbahn. Erzbischöfliche Diözesan- und Dombibliothek. Köln, 2017. Ss. 50–53.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе речь идет об истории и проблематике литургического движения в

целом. Вторая глава, посвященная литургическому движению в Германии, включает в себя четыре раздела: в первом разделе рассматривается специфика литургического движения Германии и предлагается его периодизация; второй раздел посвящен формированию понятия «наука о литургии» и научно-исследовательской деятельности бенедиктинцев; третий раздел рассказывает об истории создания центров литургического апостолата в монастыре Мария Лаах и в молодежном движении «Источник»; в четвертом разделе содержится повествование о «приходском» этапе литургического движения Германии и его кризисе. В третьей главе рассматривается, как идеи литургического движения Германии отразились в основополагающих документах Католической Церкви второй половины XX века и в литургическом богословии Й. Ратцингера.

В конце работы помещены список используемых источников и литературы и три приложения: «Хронологический указатель основных событий литургического движения Германии», перевод письма Романо Гвардини епископу Майнца Альберту Штору «О литургическом вопросе» (*«Ein Wort zur liturgischen Frage»*) и сравнительная таблица, в которой части евхаристического канона классической латинской мессы сопоставляются с соответствующими частями канона мессы Лейпцигского оратория.

ГЛАВА I. ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИСТОРИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

I.1. Определение литургического движения. Проблемы периодизации, природы и наименования

Литургическим движением называется процесс обновления христианской жизни посредством активного и сознательного участия в богослужении. Целью литургического движения было вернуть представление о литургии как общей молитве Церкви и вновь сделать ее источником и основанием жизни каждого христианина. Зародившись в начале XX века, литургическое движение пришло к своему логическому завершению в декабре 1963 г., когда II Ватиканский собор одобрил конституцию о священной литургии «*Sacrosanctum Concilium*».

Начало литургического движения не было связано с какой-то одной конкретной страной. Зародившись в ученой среде бенедиктинского монашества, оно до некоторой степени сохраняло черты любого движения, направленного на внутреннее обновление Церкви: интерес к истории и чинопоследованию богослужения, попытка его адаптации к пониманию современных христиан, литургическое образование. Его идейной основой было желание возвратиться к истокам подлинной христианской жизни, основанной на Священном Писании, богослужении и творении святых отцов. Неофициальным девизом литургического движения было выражение Проспера Аквитанского «*Legem credendi lex statuat supplicandi*» («Закон веры

пусть определяется законом молитвы»), подчеркивающее взаимосвязь веры Церкви и ее богослужения.

Наиболее активное распространение литургическое движение получило в тех странах, где церковная жизнь была включена в общественно-политические процессы, формировавшие облик Европы начала XX века. Попав в фокус общественного внимания, внутрицерковная дискуссия о литургии вышла за свои пределы, поставив литургическое движение перед выбором: «изменить литургию или изменить мир»³².

В настоящее время известно несколько периодизаций литургического движения. Несмотря на некоторую условность, они помогают определить временные рамки этого процесса, понять причины его возникновения, основные направления, внутреннюю логику развития.

В письме, адресованном участникам III литургической конференции в Майнце 1964 г., священник и богослов Романо Гвардини описал четыре фазы литургического движения. Согласно Гвардини, первая фаза начинается с деятельности аббата Проспера Геранже по восстановлению римской литургии в ее первоначальном виде (конец XIX в.); вторая — с началом исследований истории литургии в академических кругах и монастырях (начало XX в.); третья — после окончания I Мировой войны, с образованием центров литургического апостолата и молодежного движения и началом активной приходской деятельности. Четвертая фаза, — фаза научения литургическому акту³³, — должна была начаться после II Ватиканского собора³⁴.

Деление литургического движения на «фазы», или течения, неизбежно ставит вопрос о его природе (или природах). Р. Бергер и Х.-К. Шмидт-Лаубер

---

³² Reid A. The Organic Development of the Liturgy. The principles of liturgical reform and their relation to the 20-th century liturgical movement prior to the Second Vatican Council. 2nd edition. Ignatius Press, San Francisco 2005. P. 94.

³³ «Литургический акт» у Гвардини означает сочетание созерцательного и деятельного аспекта богослужения, в котором молитвенное созерцание каждого и ритуальные действия всей общины составляют единое целое. См., напр.: Mitchell N. Liturgy and the Social Sciences. Collegeville, Minnesota 1999. P. 8.

³⁴ см.: Scherzberg L. Die Katholische Liturgische Bewegung – ein Diskurs über Form, Stil und Gestalt // theologie.geschichte, Nordamerika. Bd. 11, 2016. [электронный документ]. URL: <http://universaar.uni-saarland.de/journals/index.php/tg/article/viewArticle/840/884> (дата обращения: 29.01.2018).

говорят о двух литургических движениях, одно из которых относят ко временам романтизма, а второе — к началу XX века, когда бельгийский монах Ламбер Бодуен выступил с программой богослужебных преобразований³⁵. Б. Нойнхойзер, напротив, описывает литургическое движение как единый процесс, хотя период с 1909 г. по 1963 г. выделяет как «классическое литургическое движение». «Все литургическое движение... с самого начала имело пастырскую направленность и всегда стремилось к тому, чтобы в литургии обновлялась жизнь христиан»³⁶. Подготовительный период, который Нойнхойзер характеризует как «черную работу» узкого круга бенедиктинцев, сменяется периодом богослужебных реформ, вызванных практическими нуждами приходской жизни. За кризисом литургического движения (1939–1944 гг.) последовало его признание (в папской энциклике «*Mediator Dei*», 1947) и дальнейшая рецепция его основных идей на общецерковном уровне.

Очевидно, что процесс, целью которого является восстановление богослужения в его первоначальной чистоте и процесс, который предполагает его изменение, в каком-то смысле противостоят друг другу. Тем не менее, парадоксальное единство этих тенденций создает феномен, который называется литургическим движением XX века: «В недрах Первой мировой войны, которая выступила в роли катализатора и плавильного котла, возникло литургическое движение в более узком смысле, в формах и школах которого тесно связаны элементы отличных друг от друга течений»³⁷.

Литургическое движение часто рассматривается как одна из составляющих более масштабного процесса по обновлению жизни Католической Церкви. Помимо литургического, принято говорить о библейском, патристическом и экуменическом движениях (в частности, о движении «возвращения к истокам» во Франции). Тем не менее, эти

---

³⁵ Ibid.

³⁶ Neunheuser B. Die Klassische Liturgische Bewegung (1909–1963) und die Nachkonziliare Liturgiereform // *Mélanges Liturgiques Offerts au R. P. Dom Bernard Botte O.S.B de l'Abbaye du Mont César. À l'occasion du cinquantième anniversaire de son ordination sacerdotale (4 Juin 1972)*, Louvain 1972. S. 402.

³⁷ Scherzberg L. Die Katholische Liturgische Bewegung...

направления были тесно связаны, и в центре этого единого процесса обновления находилась литургия как наиболее полное выражение природы Церкви.

I.2. Краткая история литургического движения

I.2.1. Литургическое движение и бенедиктинские монастыри

Зарождение и распространение литургического движения связано с ученой деятельностью монахов ордена св. Бенедикта Нурсийского. Древний устав, который является основой уклада бенедиктинского монастыря, предполагает единство литургии и повседневной жизни. Под литургией понимается всякая деятельность, в центре которой находится Бог. Главные черты бенедиктинского (как и всего древнего) монашества – общежительная жизнь, единство духовной аскезы и телесного подвига, молитвенное чтение Писания, послушание игумену, ученые занятия – являются продолжением литургии и указывают на нее как на завершение общего стремления братии к единству с Богом. Ритм монашеской общины определяется литургическим годом, временем Церкви, центром которого является Воскресение Христово. Еще одна важная черта бенедиктинцев – гостеприимство – предполагает не только заботу о телесном благополучии проходящих в монастырь, но и общее участие в богослужении. Практики индивидуального, личного благочестия, чрезвычайно распространенные в католицизме (например, чтение розария или поклонение Святым Дарам), в этом контексте получают второстепенную, подчиненную роль и существуют только в контексте литургии.

Для традиции, восходящей к св. Бенедикту, характерна максимальная открытость: именно в бенедиктинских монастырях зародилась идея

открытого сообщества, в котором состоят все желающие участвовать в литургической жизни монастыря. Наконец, в бенедиктинской духовности соблюден необходимый баланс между церковной и индивидуальной молитвой. Человек устремлен к Богу и ищет Его, но опыт единства с Богом, который он желает получить, зависит не от него, но от Духа, дающего «каждому особо, как Ему угодно» (1 Кор. 12:11)³⁸.

«Отцом» литургического движения считается французский монах-бенедиктинец Проспер Геранже (1805–1875). Он был одним из тех, кто резко отрицательно относился к попыткам «национализации» и модернизации мессы, предпринятым на его родине³⁹. Именно тогда бенедиктинцы во главе с Геранже противопоставили принципу целесообразности и историчности принцип развития, укорененный в традиции Церкви.

В 1833 г. Геранже основал аббатство Солем (Solesmes), одной из задач которого было изучение истории мессы и восстановление литургического благочестия. Как историк Геранже считал недопустимым делать произвольные вставки и сокращения в богослужебный текст и придавал большое значение сохранению единства обряда, означавшего единство с римским епископом и всей Церковью. При этом он был против сохранения богослужебного текста только из-за его древнего происхождения и говорил о его историческом развитии. Геранже подчеркивал мистический, сверхъестественный характер литургии и считал, что наиболее точно эту тайну передает латинский язык. Особое внимание Геранже уделял церковному году и григорианскому пению. Результаты своей научной работы он публиковал в академических изданиях *Institutions liturgiques* (1840–1851) и *L'annee liturgique* (1841–1866), а для простых христиан издавал просветительскую литературу⁴⁰.

³⁸ См.: *Quartier Th.* Monastische Gütesiegel Spirituell-liturgische Explorationen zu Benediktinischem Stil und Sakralität // *Jaarboek voor liturgieonderzoek* 27 (2011) Ss.113–137.

³⁹ Из мессы исключались небиблейские тексты, для чтений избирались те места из Библии, которые подтверждались историческими исследованиями, было уменьшено количество праздников, посвященных Божией Матери и святым, произвольно сокращались богослужебные тексты и вставлялись свои, «галликанские», молитвы. В богослужении использовался французский язык, практиковалось чтение молитв всем народом.

⁴⁰ *Reid. A.* Op. cit. P. 60.

В 1863 г. монахи Солемского аббатства Маурус и Плацидус Вольтер основали в Германии аббатство Бойрон. Жизнь в монастыре была максимально ориентирована на соблюдение устава св. Бенедикта, а бойронское богослужение получило широкую известность благодаря стройности, величию и простоте, которыми отличается римская литургическая традиция. По различным причинам, в том числе политическим, монахи аббатства Бойрон отправлялись в другие места, где основывали обители, в которых занимались изучением монашеского устава и богослужения: так появились немецкое аббатство Мария Лаах (Maria Laach, 1892 г.), бельгийские Маредсу (Maredsous, 1872 г.) и Мон Сезар (Mont César, 1899 г.). С 1887 г. именно Бойрон стал основным «поставщиком» преподавательских кадров в возобновленный папский институт святого Ансельма.

В Бойроне и Маредсу проходили литургические конференции, на которых выступали ведущие ученые того времени, в том числе основатель литургического движения XX века Ламбер Бодуен. В 1882 г. монах Маредсу Ж. ван Калоен опубликовал первый латино-французский миссал для мирян, а 1884 г. монах Бойрона Ансельм Шотт — латино-немецкий. Бойронское аббатство стало колыбелью нового литургического искусства благодаря художественной школе Дезидериуса Ленца.

В 1909 г. сначала на конференции в Бойроне, а затем в Мехелене монах аббатства Мон Сезар Ламбер Бодуен (1873–1960) выступил с докладом «Подлинная молитва Церкви», в котором призвал перейти от реставрации богослужения к обновлению литургической жизни Церкви. Лейтмотивом его доклада стала фраза из послания Пия X «активное участие» в литургии (*actuosa participatio*)⁴¹. В 1914 г. Бодуен выпустил книгу «Истинная молитва Церкви» (*La vraie priere de l'Eglise*), в которой предложил программу

---

⁴¹ Интересно, что в латинском тексте папского послания «*Tra le sollecitudini*» нет слова «*actuosa*» (в варианте *versio fidelis*: «... *participatio divinatorum mysteriorum atque Ecclesiae communium et solemnium precum*», в в варианте *versio authentica* – “*actuosa communicatio*”). Впервые выражение “*actuosa participatio*” появилось в итальянском переводе (*la partecipazione attiva ai sacrosanti misteri e alla preghiera pubblica e solenne della Chiesa*) и затем – в переводах на другие языки.

литургического движения и сформулировал его цель: сделать так, чтобы «все христиане жили одной и той же духовной жизнью и все питались главным богослужением Матери-Церкви»⁴².

Влияние идей Бодуена на ход литургического движения трудно переоценить. Согласно его взглядам, научные штудии, которыми занимались бенедиктинцы, должны были получить «пастырское» измерение (иначе они превращались в «искусство для искусства»), а само движение — ориентироваться не на монашескую, а на приходскую жизнь. Выступление Бодуена 1909 года открыло новые возможности и поставило новые задачи и потому является началом «классического литургического движения».

Одной из особенностей литургического движения XX в. было образование центров литургического апостолата — как правило, монастырей, в которых, помимо научной работы и издательской деятельности, создавались сообщества мирян, интересующихся историей и богословием литургии. Задачей таких центров было распространение знания о богослужебной традиции Западной и Восточной Церквей. В начале XX в. ученики и последователи Бодуена, в большинстве своем монахи-бенедиктинцы, начали основывать центры литургического апостолата во всем католическом мире — А.-Ж. Фестюжье во Франции, Ф. Каброль в Англии, К. Мольберг и Р. Гвардини в Германии, Э. Каронти в Италии, В. Майкл в США, М. Михлер в Бразилии и т.д. Лекции, конференции, периодические издания, посвященные литургии, вызывали огромный интерес, особенно среди клириков и образованных мирян. «Передо мной открылись новые горизонты, — писал настоятель одного из городских приходов после посещения литургической недели в Мон Сезаре. — Миссал, breviарий, требник, — какие это все великие сокровища для священника, для его внутренней жизни, равно как и для его миссии! Какое это все для меня откровение, сделанное, увы, после тридцати семи лет священства. Эта неделя мне дала больше, чем все коллективные говения, в которых я

---

⁴² Цит. по: *Reid A. Op. cit. P. 80.*

участвовал до сего времени. В литургической обстановке этого монастыря моя душа как бы бессознательно проникалась чувством особого благоговения к Богу и Его почитания, усердием к Его Дому, стремлением к Его славе, любовью ко Святой Церкви»⁴³.

В книге «Истинная молитва Церкви» Бодуен предложил меры по активизации литургической жизни, которые включали в себя: воспитание способности понимать обряды и тексты; перенесение акцента с «читаной» (т.е. устной, проговариваемой) на «высокую» (т.е. «песенную») мессу и восстановление первенства воскресного богослужения; возрождение коллективного пения и григорианского хора; подчинение частных молитвенных практик литургической молитве; научный подход к изучению литургии, увеличение количества образовательных и просветительских проектов; повышение уровня литургического искусства; согласование благочестивых домашних традиций с церковным календарем⁴⁴.

С начала 20-х годов, преимущественно в немецкоязычных монастырях, начали совершаться так называемые «диалоговые» мессы, во время которых Писание читалось на родном языке, а народ хором отвечал на возгласы священника. Наибольшее распространение получили т.н. «общинная месса», в которой преобладали элементы древней монашеской службы, и т.н. «месса молитвенного пения», в которой большую роль играло пение народа. Этот второй тип, как более удобный с практической точки зрения, послужил основой реформы приходского богослужения и получил официальный церковный статус (например, в инструкции Священной Конгрегации обрядов о церковной музыке «*Musicam sacram*» (1967 г.)).

I.2.2. Литургическое движение и приходская жизнь

---

⁴³ Цит. по: Руссо О. История литургического движения. Издательство «Дю Серф», Париж, 1945. 165 с.

⁴⁴ см.: Reid A. Op. cit. Pp. 82-83.

Изменения в жизни приходов были также связаны с деятельностью монастырей. Найдя поддержку среди приходских пастырей, литургическое движение получило новые стимулы к развитию. Для послевоенного времени характерно возрастающее внимание к различным католическим союзам (молодежи, ученых, женщин) и служению мирян.

В период между Первой и Второй мировыми войнами произошли события, которые тяжким бременем легли на плечи простых людей: потеря близких, принимавших участие в военных действиях, индустриализация и экономические кризисы, идеологическое давление со стороны нацистского режима. Процесс урбанизации населения привел к тому, что рабочий класс формировался вне Церкви и ее структур. Все это способствовало тому, чтобы литургическое движение получило еще одно, социальное, измерение. Активное участие в литургии созидает приход, в котором христиане служат не только Богу и друг другу, но всем, нуждающимся в их помощи (в т.ч. безработным и социально неустроенным людям). Будучи центром христианской жизни, литургия освящает и преображает весь мир. Один из «апостолов» литургического движения США Верджил Майкл писал: «Пий X говорит нам, что литургия является неисчерпаемым источником истинного христианского духа; Пий XI — что без истинного христианского духа не может быть возрождения общества; отсюда вывод: литургия — необходимая основа преображения христианского общества»⁴⁵.

Ко «приходскому» этапу литургического движения относятся первые попытки богослужебных реформ. Уже в 20-х годах, то есть задолго до II Ватиканского собора, наиболее решительные священнослужители совершали мессу лицом к народу (или «*versus populum*»), практиковали народное пение и чтение Писания на родном языке, восстанавливали древние обряды и сокращали те, которые возникли в позднейшее время. Это богослужебное творчество не избежало крайностей. В конце 30-х годов начался кризис литургического движения, связанный с чересчур свободным толкованием

---

⁴⁵ Цит. по: *Willbright Stephen S. Virgil Michel, OSB. The 50th Anniversary of the Constitution on the Sacred Liturgy: A Parish Celebration. Archdiocese of Chicago, 2013: Liturgy training Publications.*

понятия «активное участие в литургии» и стремлением к независимости от Ватикана в вопросах богослужебных реформ. Кризис закончился в тот момент, когда литургическое движение возглавили представители высшей церковной иерархии, сумевшие освободить его от нежелательных нововведений.

I.2.3. Рецепция идей литургического движения в Католической Церкви

После II Мировой войны литургическое движение стало еще более интенсивным. Во многом это было связано с личностью Пия XII. В течение нескольких лет папа издал три энциклики, в которых рассматривались вопросы, находившиеся в центре внимания литургического движения. В «*Mystici Corporis*» (1943) подчеркивалась единство Церкви как Тела Христова и были сформулированы принципы развития литургического благочестия, в «*Divine Afflante Spiritu*» (1943) допускалось использование историко-критического метода в исследовании Писания, а «*Mediator Dei*» (1947) стал первым папским документом, который дал взвешенную оценку литургическому движению. В 1948 г. Пий XII создал папскую комиссию по литургической реформе, которая занималась подготовкой и осуществлением первых официальных богослужебных реформ.

В послевоенное время появились специальные исследовательские институты по изучению литургии, а литургика стала частью университетской академической программы. В 1943 был основан центр пастырской литургии в Париже, в 1947 г. — литургический институт в Трире, в том же году была «запущена» академическая программа по изучению литургии в американском университете Нотр Дам, штат Индиана. В 1948 г. Институт литургических и монашеских исследований в Мария Лаах был преобразован в Институт развития литургических исследований имени И. Хервегена.

В это время значительно расширяется география литургических конференций и конгрессов, более разнообразным становится состав их участников. В 1950 г. был проведен первый литургический конгресс Германии, в 1953 г. — международный конгресс в Лугано, в 1955 — литургическая неделя в Австралии, в 1956 г. — первый международный конгресс пастырской литургии в Ассизи, на котором председательствовал префект конгрегации священных обрядов кардинал Гаэтано Чиконьяни. На литургическом конгрессе 1959 г. в Ниймегене получила одобрение идея инкультурации — приспособления богослужения к особенностям культур разных народов.

В 1959 г., когда Иоанн XXIII объявил о намерении созвать общецерковный собор, идеи литургического движения были четко сформулированы и опробованы на практике.

I.2.4. Богословие литургического движения

Деятели литургического движения не создавали какую-то особую богословскую систему и тем более не изменяли содержание веры Католической Церкви: II Ватиканский собор, который стал его естественным продолжением, не предложил никаких доктринальных нововведений. Однако смещение некоторых акцентов в учении о литургии и ее месте в Церкви оказалось настолько важным, что с некоторой долей условности можно говорить о богословии литургического движения.

Основой этого богословия является понимание Церкви как Тела Христова. Литургия — главное средство выражения церковного единства, которое достигается путем таинственного соединения верующих с Главой Церкви, Иисусом Христом. В соответствии с максимой Проспера Аквитанского, литургия, а не учебник догматики — отправная точка для мышления о Церкви. Эти идеи выражаются с помощью характерных черт:

использование разных философских моделей и языковых средств; индуктивный способ мышления — от частного (от эмоции, переживания, факта) к общему; соединение систематического и исторического метода исследования; постоянное обращение к Библии, литургическим текстам и творениям отцов древней Церкви — причем не только западным, но и восточным. Все богословие исходит из практических потребностей и ориентируется на современного человека. В нем всегда слышен отголосок спора, дискуссии, активного согласия или отрицания. Богословие литургического движения — это размышление в новой исторической ситуации, когда нужно было вновь осознать себя частью живой христианской традиции и переосмыслить отношения с секулярным миром.

- *литургическое движение и схоластическое богословие*

XIX век стал временем расцвета философских течений, которые развивались независимо от христианского Откровения: с одной стороны, рационализма с его верой в прогресс и эволюцию, а с другой стороны — романтизма с его интересом к творческим способностям человека и интуитивному познанию мира. Результатом интеллектуального сопротивления католицизма секулярной философии и культуре стало возвращение к богословской традиции св. Фомы Аквинского. В 1878 г. Лев XIII провозгласил томистскую философию официальным богословским методом Католической Церкви. Возрождение томизма дало Церкви основу для сопротивления позитивистским и фидеистским теориям⁴⁶, но вместе с тем сообщило богословию защитный, обличительный характер. Упрощенно-дедуктивный метод рассуждения, приспособленный для быстрого усвоения в семинариях, породил односторонность классических определений Церкви, таинств и Откровения. Сторонники неотомизма были уверены, что схоластика представляет собой совершенное выражение патристической мысли, однако не всегда хотели видеть различие между богословскими

---

⁴⁶ подробнее см.: *McDermott J.* The Collapse of the Manualist Tradition // *Faith.* January and February 2014. Tudor Printing. Glasgow. Vol. 46 no. 1. Pp. 14-19.

традициями, которые существуют в западной Церкви⁴⁷. Никогда еще в истории Католической Церкви какой-то один философский метод не объявлялся единственно верным и не претендовал на решение всех проблем современности. Все эти недостатки были объектом критики со стороны лидеров литургического движения.

В догматической конституции «*Pastor Aeternus*» I Ватиканского собора (1869–1870 гг.) о Церкви говорится прежде всего как об институте, которым управляет понтифик. Церковь описывается либо в юридических терминах «управления», «первенства» и «юрисдикции», либо в новозаветных понятиях «основания» и «камня»⁴⁸; богословие литургического движения делает акцент на том, что Церковь — это «единство верных», «народ Божий» и «живой организм». Важнейшими категориями в схоластической трактовке таинств были категории действительности и причинности, а сами таинства понимались как средства для достижения благодати и освящения; богословие литургического движения говорило о таинстве как о реальном участии верных в спасительных деяниях Христа. Официальное учение Церкви понимало Откровение как вечные божественные законы, которые охраняет Церковь; богословы литургического движения делали упор на том, что Откровение — это непрерывное действие Бога, открывающего Себя Церкви в ее историческом развитии. В начале XX вв. абсолютная ценность схоластической традиции была поставлена под сомнение.

- *литургическое движение и Тюбингенская школа богословия*

Экклезиология литургического движения сформировалась под влиянием работ представителей Тюбингенской школы богословия — Иоганна Себастьяна фон Дрея (1777–1853 гг.) и Иоганна Адама Мелера (1796–1838 гг.), которые, в свою очередь, испытали влияние философии романтизма.

⁴⁷ См.: Кирьянов Д. В. Томистская философия XX века / Д. В. Кирьянов. — СПб.: Алетейя. — 168 с. — (Серия «Богословская и церковно-историческая библиотека»). 2009. Сс. 10-19.

⁴⁸ См.: «*Pastor Aeternus*». Догматическая конституция I Ватиканского собора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/5/124> (дата обращения: 15.04.2018).

В качестве отправной точки Мелер использовал принцип единства, введенный Ф.В. Шеллингом. Согласно Шеллингу, природа представляет собой единый живой организм, все части которого связаны друг с другом и питаются одной жизненной силой. Эти части развиваются с разной скоростью и иногда в противоположных направлениях, при этом продолжая оставаться частью единого целого. Основываясь на положениях Шеллинга, Мелер сделал вывод, что Церковь — такой же живой организм, Тело Христово, в котором каждый отдельный человек или какая-то часть традиции получает свою значимость в силу своей принадлежности к целому. В противовес иерархической Церкви, «совершенного общества», замкнутого на самом себе, Мелер предложил идею об организме, в основании которого находится сверхъестественная жизнь, данная Христом. Благодаря такому подходу изменяется взгляд на понятие «традиции»: она предстает не как сокровищница, в которую сложено все необходимое, а как река, которая, всегда оставаясь одной и той же, течет и изменяется. Традиция у Мелера — это выражение в каждый момент живого и в то же время становящегося Духа Святого, который оживляет и соединяет христиан в единое целое. Вечное содержание Божественного Откровения все время «отливается» в новые формы; оно меняется, одновременно оставаясь тем же самым. История является частью богословия так же, как она является законом развития любого живого организма. В отношении Священного Писания этот подход породил библейскую критику, в богословии — теорию догматического развития. Тот же самый принцип, примененный по отношению к богослужению, означал, что его неизменное содержание (догматы, молитва, священные символы) может быть адаптировано к конкретному времени и культуре и выражаться в формах этой культуры.

Идеи Мелера находят отголоски в традиции романтизма. В противоположность философии эпохи Просвещения с ее акцентом на анализ, нравоучение, добродетель и рациональность, романтизм подчеркивал целостность, органичность и универсализм. Тюбингенцы напоминали о том,

что Церковь — это не только учащее духовенство, но и миряне, что традиция включает в себя не только схоластическое, но и мистическое богословие (в том числе восточное). В единстве всех элементов традиции Церковь получает свою полноту; в непрестанном действии Святого Духа — источник своего развития. Мелер призывал восстановить дух литургии древней Церкви, в котором клирики и миряне объединены общим пониманием происходящего у алтаря и единством веры. Мелер выступал за богослужение на национальных языках, за причастие из общей чаши и против т.н. «частных» месс⁴⁹.

Тюбингенская школа подошла близко к протестантской идее о «всегда реформирующейся Церкви» («*ecclesia semper reformanda*»), однако ей чуждо безоговорочное доверие научному знанию. «Видимая Церковь — это Сам Сын Божий, постоянно выражающий Себя среди людей в доступных им формах, постоянно обновляющаяся и вечно молодая — всегдашнее воплощение Одного и того же, так что и Церковь в Священном Писании называется «Телом Христовым»»⁵⁰, — писал Мелер.

Идеям Тюбингенской школы был близок английский богослов, кардинал Дж. Х. Ньюман (1801–1890 гг.), автор «Эссе о развитии христианского вероучения». Ньюман утверждал, что, отвечая на актуальные запросы времени, неизменное богооткровенное учение Церкви может принимать новые формы, а инстанцией, определяющей истинность этого изменения, является непогрешимый авторитет Церкви⁵¹.

Литургическое движение немислимо без богословия Тюбингенской школы и Ньюмана. Идеи о всеобщем священстве (и активном участии в литургии), о взаимосвязи вероучения и истории, об изменяемости традиции и адаптации к новым культурам, которые разрабатывались деятелями литургического движения, были взяты не из сокровищницы протестантской мысли, а из католического предания.

---

⁴⁹ Franklin R. William. Johan Adam Möhler and N. F. S. Grundtvig: The Bridge of Romanticism?, Grundtvig-Studier 1996, Copenhagen. P. 129.

⁵⁰ Цит. по: Owen F. Cummings. Eucharistic Doctors: A Theological History. New York: Paulist Press, 2005. P. 235.

⁵¹ Сапрыкин Д.Л. Концепция образования и науки в «Идее Университета» Джона Генри Ньюмана // История науки в философском контексте. Под ред. А.А. Печенкина. - СПб.: РХГУ, 2007. С. 56.

- *литургическое движение и модернизм*

Тезис о взаимосвязи церковного предания и истории получил развитие в работах представителей модернизма — интеллектуального течения, которое выступало за адаптацию католицизма к требованиям современности.

Характерные черты модернизма — сведение религии к морали и признание эволюции законом развития Церкви. Модернизм «обожествлял» историю и утверждал принцип имманентности, в соответствии с которым религия и все ее догматы признаются производными религиозного чувства. «Писание, таинства, догматы, институты Церкви предстали как огромное количество символических форм, порожденных движением человеческого духа к Богу в истории»⁵². Неудивительно, что модернизм подвергся критике и преследованию: сначала — в энциклике Льва XIII «*Providentissimus Deus*» (1893), затем — в постановлении Священной конгрегации веры «*Lamentabili sane exitu*» (1907), и наконец — в энциклике Пия X «*Pascendi Dominici Gregis*» (1907). Модернизм был назван «синтезом всех ересей», классифицирован (под рубриками «агностицизм», «имманентизм» и «историзм») и анафематствован. В 1910 г. всех священников и семинарских профессоров обязали произносить антимодернистскую клятву.

Некоторые католические богословы (особенно традиционалисты) до сих пор называют литургическое движение «модернистским». Они считают, что в погоне за «духом мира сего» его сторонники легко оставили истинное богослужение, сочинили собственное и тем самым вышли за пределы церковной традиции. Такое утверждение представляется односторонним: в лучших своих проявлениях литургическое движение избегает богословских крайностей и ориентируется на церковное предание, понятое как керигма — развертывающееся в истории слово и дело живого Бога. Литургическое движение рассматривает Предание как непрекращающееся действие Христа в Церкви, а литургию — как ответ Церкви на призыв Христа, участие в Его Жертве и соединение с Ним в едином Духе.

⁵² *Николс Э. Ук. соч. С. 390.*

Упрек традиционалистов в том, что литургическое движение подстраивалось под изменяющиеся требования секулярного мира, также не находит фактического подтверждения. Одна из центральных идей движения состоит в том, что христианская вера призвана преобразить западную цивилизацию, ее мысль и культуру, а для этого необходимо не бежать от мира, а стремиться к его преобразению изнутри⁵³.

1.2.5. Богослужение Католической Церкви конца XIX — начала XX вв. Проблема литургического благочестия

До 1969 г. почти все богослужение Католической Церкви совершалось согласно миссалу, введенному в обращение на Тридентском соборе (1570 г.). За четыреста лет было сделано пять редакций миссала, в которые были внесены лишь незначительные изменения. «Тридентская» месса различалась на мессу без пения, или «читаную» мессу (*missa sine cantu, missa lecta*), в ходе которой на возгласы священника от имени народа отвечает служитель-министрант, и мессу с пением (*missa cantata*), на которой священник прибегает к модулированному речитативу, а группа певцов ему отвечает. Два главных типа мессы служили основой для множества других (например, «месса с пением» может быть «торжественной» или «пontiфикальной», а читаная — «частной» и «тайной»), но основной и наиболее употребляемой в приходском богослужении была «читаная» месса, совершаемая на латинском языке.

Во время служения традиционной латинской мессы священник и молящиеся обращены лицом на Восток. У восточной стены находится престол, на котором стоит Дарохранительница. В тексте мессы делается особый акцент на принесении Жертвы и пресуществлении хлеба и вина в

---

⁵³ *Krieg R. A. Romano Guardini. A Precursor of Vatican II // University of Notre Dame Press. Notre Dame, Indiana, 2009. P. 168.*

Тело и Кровь Христовы. Священник приносит евхаристическую Жертву одновременно от имени Христа и от имени Церкви, а миряне выступают как слушатели мессы, которые приносят свою, духовную, жертву. Понимание текста мессы мирянами желательно, но не обязательно. В тексте чинопоследования мессы нет упоминания о причащении мирян (есть лишь краткое упоминание в отдельной рубрике, которая находится в конце миссала).

В учебниках по литургии того времени расставлены те же самые акценты: субъект мессы — Христос-Первосвященник, действующий через Своего представителя, священника. Большое внимание уделяется моменту освящения Даров: важно, в какой момент, после каких слов священника совершается Таинство, и какую именно благодать оно подает. Акцент на умиловительном характере Евхаристии в сочетании с учением о плодах мессы⁵⁴ породили понятие о «ценности» мессы: считалось, что количество месс, совершенных за одного человека, приносит «большую» благодать, чем если она совершается за многих, а ценность двух месс больше ценности одной.

К концу XIX — началу XX в. в Католической Церкви ясно стали слышаться голоса о том, что слова о величии и святости мессы вступили в противоречие с жизнью. В ситуации, когда участие мирян совершается только «духовным» образом, а месса приносит плоды в силу заранее известной «цены», даже ее примитивное понимание потеряло смысл. Большинство мирян не знало латинский язык, поэтому во время мессы было принято читать розарий⁵⁵ и заниматься благочестивыми размышлениями, а по окончании мессы — совершать поклонение Святым Дарам. «Миссал оставался для меня закрытой и запечатанной книгой, — вспоминал Л. Бодуен. — И это мое невежество касалось не только изменяемых частей

---

⁵⁴ Об учении о плодах мессы см.: *Edward J. Kilmartin. The one fruit or the many fruits of the Mass // Proceedings of the Catholic Theological Society of America. Vol. 70 (2015). Pp. 37-69.*

⁵⁵ Розарий (rosarium) — широко распространенная в Католической Церкви практика благочестия, включающая в себя как устные молитвы (символ веры, молитва господня, ангельское приветствие, слава отцу), так и молитвенные размышления над событиями (тайнами) из жизни Иисуса Христа и Девы Марии.

мессы, но и неизменяемых, в первую очередь канона... Ничто из тех великих таин, которые открывает литургия, не питало моего евхаристического благочестия. Поклонение Святым Дарам значило для меня больше, чем сам акт их приношения»⁵⁶.

Благочестивый церковный индивидуализм шел рука об руку с философией нового времени, идеалом которой была независимая, автономная личность, индивид, свободно выбирающий стиль поведения и общения, погруженный в свои переживания и преследующий свои интересы. И если секулярному индивидуализму мог в какой-то мере противостоять коллективизм (как, например, в Германии), то сознание церковного единства могла пробудить только правильно понимаемая литургия. Возвращение к литургическим корням означало, что, несмотря на рассуждения о главенстве личного мнения и личных целей, Церковь остается ковчегом для ищущих спасения. В 1903 г. Пий X выпустил послание о церковной музыке «*Tra le sollecitudini*», в котором впервые используется выражение «активное участие» в литургии⁵⁷, спустя два года — послание «*Sacra Tridentina Synodus*», в котором поощряется ежедневное причащение. В 1910 г. Конгрегацией богослужения и дисциплины таинств был издан декрет «*Quam singulari*», позволявший детям принимать первое причащение «в возрасте сознания и разума». К этому же времени относится появление необычайно распространенного в первой половине XX в. выражения, приписываемого Пию X: «Не молитесь на мессе — молитесь мессой».

Поставленный Бодуеном вопрос об индивидуальном благочестии, а в более широком смысле — о соотношении личного и соборного начала в церковной традиции, занимает в истории литургического движения центральное место. О том, насколько серьезными были идейные разногласия,

---

⁵⁶ Leggett R. G. Lambert Beauduin, OSB [Электронный ресурс]. URL: <http://liturgicalleaders.blogspot.ru/2011/10/lambert-beauduin-osb.html> (дата обращения: 15.04.2018).

⁵⁷ В нем говорится об активном участии верных в святых таинствах и в общей молитве Церкви как главном и незаменимом источнике, из которого они черпают подлинный христианский дух. (We deem it necessary to provide before anything else for the sanctity and dignity of the temple, in which the faithful assemble for no other object than that of acquiring this spirit from its foremost and indispensable font, which is the active participation in the most holy mysteries and in the public and solemn prayer of the Church).

говорит полемика между бенедиктинцами и иезуитами, состоявшаяся в 1913 году. Критикуя религиозный индивидуализм, монах аббатства Маредсу Морис Фестюжье писал, что по своей природе богослужение носит соборный характер. Его оппоненты, братья общества Иисуса, утверждали, что по отношению к подлинному церковному благочестию литургия является внешним, дополнительным, фактором: «Литургия всегда будет иметь второстепенную роль в таинственном действии, которое открывает сердце, неспособное почувствовать свет Евангелия... Давайте меньше говорить о литургии, а больше о религиозном воздействии», — предлагал Ж. Наватель.⁵⁸ Слово «литургия» служило обозначением «исключительно чувственной, церемониальной и декоративной части католического богослужения», либо «церковных правил общественной молитвы», либо «ритуального продолжения освящения [Даров]»⁵⁹. В таком контексте слишком сильно отделены друг от друга внутренний опыт молитвы и внешний порядок богослужения, не говоря уже о том, что здесь нет речи об общем, соборном действии, нет речи о причащении. Фестюжье и Бодуен настаивали на том, чтобы литургия воспринималась как соборная молитва Церкви, как социальный акт, а не только как внешнее сопровождение пресуществления Даров или выражение догматов веры⁶⁰.

Противостояние бенедиктинцев и иезуитов показывает значение, какое приобретали исторические исследования. По мере погружения в историю литургии ученые отделяли главные и истинные ее элементы от второстепенных и искусственных, открывали взаимосвязь религиозного культа и его богословского содержания, обнаруживали внутренние законы ее развития. Задачей литургического движения было найти общий принцип литургии, некоторый ключ к ее пониманию, чтобы понять, каким образом на

---

⁵⁸ Цит. по: *Miller J.H.* The Nature and Definition of the Liturgy // *Theological Studies* 18 (1957). P. 325.

⁵⁹ *Ibid.* P. 328.

⁶⁰ Подробнее о противостоянии бенедиктинцев и иезуитов см.: *Grillo A.* Einführung in die liturgische Theologie. Zur Theorie des Gottesdienstes und der christlichen Sakramente // *Arbeiten zur Pastoraltheologie, Liturgik und Hymnologie*. Band 49 (2006). Vandenhoeck&Ruprecht, Göttingen. Ss. 110-113.

протяжении своей истории она остается одной и той же, претерпевая изменения.

I.2.6. Литургическое движение и национальные государства

Зародившись в начале двадцатого столетия, литургическое движение во многом повторило его судьбу. Как по политическим причинам, так и в силу своего керигматического характера оно было одновременно и объектом внимания со стороны общества и проповедником его новой христианизации. Исключение «фактора внешнего воздействия» значительно обеднит представление о сути описываемого нами процесса.

Мы уже видели, что литургическое движение началось с того, что бенедиктинский монах Проспер Геранже выступил против «галликанских» вставок в мессу. Однако за понятием «галликанизм» стоит не только церковная реформа. Прежде всего — это идея усиления национального государства за счет ослабления влияния Римского епископа. Единственным социальным институтом, который противился этой тенденции, было монашество. Светские власти упрекали монахов в том, что они почти не принимают участие в социальной деятельности, имеют недвижимое имущество и главное — всячески держатся за подчинение церковному, а не светскому, административному центру. Неудивительно, что последствия Французской революции, которая была наиболее радикально настроена по отношению к «тунеядцам», оказались разрушительными. Крупнейшие монастыри Сен-Дени и Ключи были разграблены и разрушены, а монахи были вынуждены бежать в другие страны. Солемское аббатство было приобретено Геранже в тот момент, когда оно было выставлено на торги⁶¹. «Благодаря» национальной политике с самого начала литургическое

---

⁶¹ *Belsole K. Gueranger, Prosper // Encyclopedia of Monasticism: A-L (Edited by W.M. Johnson). Fitzroy Dearborn Publishers, 2000. Chicago and London. P. 558.*

движение показало, что стремится к независимости от светской власти и по своей природе наднационально, универсально.

В истории монастырей Бойронской конгрегации мы находим тот же самый мотив. Политика секуляризации, которую проводило правительство канцлера О. фон Бисмарка и получившая название «культурной борьбы», вынудила монахов бежать в другие страны (так, в частности, был основан монастырь Маредсу), и их повторный приход в конце XIX в. был свидетельством торжества принципов, которые отстаивал их предшественник и учитель Геранже.

Реакцией на политику национальных государств стал догмат о папской непогрешимости, провозглашенный на I Ватиканском соборе (1870 г.), однако влияние общественно-политических процессов на внутрицерковную жизнь продолжало расти. Первая Мировая война, в которой Франция и Германия были противниками, затруднила контакты между бенедиктинскими монастырями, а экономические последствия войны и образование Веймарской республики, напротив, стали катализатором возрождения общинного сознания — как в Церкви, так и в секулярном пространстве. В 1933 году, после победы Национал-социалистической немецкой рабочей партии на выборах в Рейхстаг, идеология «общности судьбы и крови» оказала короткое, но очень мощное воздействие на ход литургического движения.

Размышляя об одном из главных нововведений в богослужение Католической Церкви XX в. — служении священника «лицом к народу» — Э. Вальдштайн делает замечание о взаимосвязи политической жизни и богослужения: «До 1947 г. служение «лицом к народу» было вызвано анти-индивидуалистской, анти-личностной политикой, проводимой авторитарной и тоталитарной властью; тот же самый элемент после II Ватиканского собора, напротив, был связан с анти-авторитарной идеологией, которая проповедовала идеи равенства и братства, характерные для 60-х гг.»⁶².

⁶² Waldstein E. Politics and the Liturgical Movement [Электронный ресурс]. URL: <https://sanctus.wordpress.com/2014/02/08/politics-and-the-liturgical-movement> (дата обращения:

В 1837 г., когда светская власть попыталась ограничить использование римской литургии, Й. А. Мелер написал: «Если в Европе нет власти выше, чем государство, человеческая свобода закончилась»⁶³. Выход из этой ситуации он видел в международном христианском сообществе, в котором соблюдаются принципы гуманизма и дружбы между народами. В начале 20-х годов, когда в Католической Церкви возросла роль политически активных мирян, в рамках литургического движения была воскрешена идея о таком сообществе. В его основе лежала культурная модель «Запада» («*Abendland*»), пришедшая из немецкого романтизма. Она предполагала, что на основе общих культурных и религиозных корней Германии, Франции, Бельгии и других стран возможно образование новой Европы, объединяющей несколько национальных государств. Неслучайно, что эта идея принадлежит деятелям литургического движения. Предполагалось, что духовной основой Европейского единства станет католическое мировоззрение, а его главной движущей силой — литургия⁶⁴.

1.3. Литургическое движение и II Ватиканский собор

Естественным завершением процесса обновления Католической Церкви стал II Ватиканский собор. Идеи литургического движения, воспринятые новым поколением католических богословов, нашли свое отражение в обширном соборном наследии.

Корпус II Ватиканского собора включает в себя 16 документов: четыре конституции, девять декретов и три декларации, в которых рассматриваются различные аспекты церковной жизни — от фундаментальных основ веры до средств массовой коммуникации. Центральной темой собора является учение

15.04.2018).

⁶³ *Franklin R. William*. Op. cit. P. 130.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Conze V.* Das Europa des Deutschen. Ideen von Europa in Deutschland zwischen Reichstradition und Westorientierung (1920-1970). Institut für Zeitgeschichte. Oldenbourg Verlag München, 2005. 453 S.

о Церкви, которое раскрывается в двух основных направлениях. Первая группа документов отражает внутрицерковную жизнь (т.е. направлена внутрь Церкви), во второй говорится о призвании Церкви во всем мире (т.е. направлена за ее видимые пределы)⁶⁵. Документы первой группы описывают бытие Церкви как откровение Бога Слова в личности Христа, которое сообщается через Священное Писание и актуализируется в церковных таинствах. Документы, ориентированные на служение миру, призывают Церковь не забывать о своем долге напоминать всему человечеству о жизни в согласии с Богом и божественным промыслом о мире. В основу документов экуменической направленности легла идея о примиряющей и объединяющей Церкви.

Иоанн XXIII определил цель собора словом *«aggiornamento»*, что означало обновление Церкви путем адаптации ее учения и институтов к условиям современной жизни. Перед Собором стояла цель сформировать традиционное учение Церкви живым, современным языком. В качестве литературной основы Собор использует не привычные риторические приемы, а жанр панегирика — «создание идеальной картины чего-либо для того, чтобы вызвать восхищение и желание сделать это достоянием своей жизни»⁶⁶.

Предмет главного интереса Собора, Церковь, описывается не в терминах структуры или управления (т.е. как вертикаль), а как сообщество или соработничество равных, одинаково нуждающихся в спасении людей, народ Божий (т.е. как горизонталь). Стиль документов Собора носит не контролирующий, а пастырский характер, ориентирован не на охранение и обличение, а на служение. Термины пассивного принятия сменились терминами со-участия. В документах Собора используются научные термины — «развитие», «прогресс», «эволюция», — свидетельствующие о том, что его учение открыто для будущего и в некоторых своих частях может быть предметом дальнейшего обсуждения. В текстах соборных документов

⁶⁵ см.: Gaillardetz R.R., Clifford C.E. Keys to the Council. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 2012. P. 190.

⁶⁶ O'Malley J. What Happened at Vatican II // Cambridge: Belknap Press, 2008. P. 47.

встречается множество ссылок на святых отцов древней Церкви. В документах миссионерского характера отцы Собора активно используют инклюзивный язык: вместо анафем и отлучений, в нем используются такие слова и выражения, как «братья и сестры», «мужчины и женщины доброй воли»⁶⁷.

Внимательный взгляд на литургическое движение позволяет утверждать о тождестве его главных идей с идеями II Ватиканского Собора. Именно благодаря Бодуену, его соратникам и последователям Церковь вновь была поставлена в центр католического богословия, а на литургию стали смотреть как на выражение ее природы и веры. Литургическому движению принадлежит заслуга в том, что отцы Собора делали акцент на соборном участии в литургии как главном деле Церкви, как богословии по преимуществу. В документах Собора развивается одна из главных идей литургического движения о соборном характере литургии. Направленная «внутри», она предполагает широкое участие мирян, направленная «вовне» — многообразное служение миру, миссию и экуменизм.

I.4. Выводы

Литургическое движение — процесс по обновлению церковной жизни католиков в первой половине XX вв. Целью классического литургического движения (1909–1963 гг.) было возвращение литургии в центр христианской жизни и достижение активного и сознательного участия людей в богослужении. Возникновение литургического движения связано как с внутрицерковными причинами, так и с общественно-политическими процессами, происходившими в Европе начала прошлого столетия. К первой группе явлений можно отнести желание восстановить богослужебную традицию древней Церкви, исправить индивидуалистическое понимание литургии, возродить литургическое благочестие, активизировать участие

---

⁶⁷ см.: *O'Malley J.* The Style of Vatican II // *America. The Jesuit Review.* Vol.188 / No.6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americamagazine.org/issue/423/article/style-vatican-ii> (дата обращения: 10.12.2017).

мирян в жизни Церкви. Развитию литургического движения способствовали внешние обстоятельства: две мировые войны, экономический кризис и связанный с ним кризис социальных отношений, развитие светской науки и философии. Все это побуждало человека пересмотреть свое место в мире и обществе, стимулировало поиск нового единства людей на религиозной основе.

Философской первоосновой литургического движения был романтизм с его интересом, с одной стороны, к духовной жизни отдельного человека, а с другой стороны, к духовному единству всех христиан. Внимание к историческому развитию традиции, характерное для философии романтизма, оказало влияние на представление о «подвижности» литургического предания Церкви.

Литургическое движение не было связано с какой-то одной страной. Зародившись во французских и бельгийских монастырях, оно распространилось сначала в Германии (Бойронская конгрегация), затем — в других странах Европы, Англии и США. Движущей силой литургического движения были сначала монахи-бенедиктинцы и связанные с ними духовенство и миряне, затем молодежные и академические сообщества, затем приходы и наконец — высшая церковная власть. Начало литургического движения было связано с изучением истории литургии в монастырях; его окончание — с попечением о мирянах и с социальной активностью, выходящей за видимые пределы Церкви.

Литургическое движение стало главной идейной, богословской и практической базой для II Ватиканского собора и последовавшей за ним реформы католического богослужения.

ГЛАВА II. ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

II.1. Введение в проблематику литургического движения Германии.

Периодизация

Отличительными особенностями литургического движения были его повсеместность и демократизм: ни одна страна или церковный институт не может претендовать на то, что только в ней (или в нем) идея об активном участии в литургии получила наилучшее развитие. Это не означает, однако, что мы не способны оценить *вклад* той или иной страны в идейное и практическое наследие движения. В этом смысле многие процессы по обновлению церковной жизни, происходившие в Германии, представляют особый и вполне заслуженный интерес.

Правильное представление о литургическом движении Германии невозможно без понимания его философской и богословской проблематики. Для правильной постановки задач чрезвычайно важным было прояснить значение термина «активное участие»: одно дело — возродить понимание классического текста римской мессы (о чем заботились прежде всего в монастырях) и совсем другое — адаптировать мессу к пониманию обычных людей. С этим вопросом был связан не менее важный вопрос о природе литургического благочестия: как сочетаются общее и личное, монашеское и народное, духовное и телесное? В «монашеском» подходе делается упор на общинное начало, в «приходском» допускается сочетание различных практик. Споры о «литургическом» и «народном» благочестии имели под собой более серьезный вопрос: в какой степени можно сделать уступку современному человеку? Что требуется: призвать мир к следованию за Церковью или Церкви попытаться приспособиться к миру? Уникальность рассматриваемого нами периода состоит в том, что он вместил в себя все возможные подходы, все фазы литургического движения в миниатюре.

Характер литургического движения Германии определялся не только внутрицерковными причинами, но и событиями, происходившими в стране: Первой и Второй мировыми войнами, образованием Веймарской республики, экономическим кризисом и приходом к власти национал-социалистов. Преобладающей идеей Германии периода между двумя войнами была идея единства людей, объединяющихся в стремлении противостоять последствиям войны. Эта мысль нашла свое отражение в идеях немецкого литургического движения, которое противостояло идеям индивидуализма и субъективизма, а прообразом органичного сочетания личности и общества видело Церковь.

Существует несколько точек зрения на время начала литургического движения в Германии. Куниберт Мольберг указывает на 1911–1913 годы, когда он и Романо Гвардини впервые поставили вопрос о том, как можно перенять опыт Ламбера Бодуэна и пересадить бельгийское «дерево» на немецкую почву⁶⁸. Большинство исследователей указывает на Пасху 1913 года, когда будущий аббат бенедиктинского монастыря Мария Лаах Ильдефонс Хервеген вошел на правах наставника в дружеский круг т.н. «академиков» — молодых мирян-католиков из Дюссельдорфа (впоследствии членов Католической ассоциации выпускников высших учебных заведений)⁶⁹. Некоторые исследователи отсылают нас к 1920 г., когда Р. Гвардини начал совершать регулярные богослужения в Бург Ротенфельсе, месте проведения конференций молодежного движения «Источник» («*Quickborn*»)⁷⁰.

Принимая во внимание эти точки зрения, можно определить характер, содержание и временные рамки самой интенсивной фазы литургического

---

⁶⁸ см.: *Langenbahn S.K.* Romano Guardini und Maria Laach aus der Perspektive Kunibert Mohlbergs. Drei unbekannte Quellentexte zu den Anfängen der Liturgischen Bewegung und systematischer Liturgiewissenschaft in Deutschland // Archiv für Liturgiewissenschaft 55. 2013. S. 39.

⁶⁹ см., напр.: *Neunheuser B.* Towards a History of Maria Laach Between the Wars 1918-1939 // *Monastic Studies* 13 (1982). P. 218; *Lamberts J.* Active Participation as the Gateway towards an Ecclesial Liturgy // *Omnes circumstantes. Contributions towards a history of the role of the people in the liturgy.* Pres. by H. Wegman. Ed. by Ch. Caspers and M. Schneiders. Uitgeversmaatschappij J.H. Kok. Kampen, 1990. P. 245; *Platz H.* Erste Begegnung mit Maria Laach. Erlebnisse aus der Zeit der beginnenden liturgischen Erneuerung // *Hermann Platz 1880-1945. Eine Gedenkschrift.* hrsgb. von Vincent Berning. Patmos Verlag Düsseldorf, 1980. S. 107.

⁷⁰ см.: *Baumgartner A.* Die Auswirkungen der Liturgischen Bewegung auf Kirche und Katholizismus // *Religiös-kulturelle Bewegung im deutschen Katholizismus seit 1800* / hrsgb. von Anton Rauscher. Paderborn; München; Wien; Zürich; Schöningh, 1986. S. 122.

движения в Германии. К. Мольберг и Р. Гвардини разработали понятие «наука о литургии» («*литургика*», «*Liturgiewissenschaft*»), которое определило направление научной деятельности аббатства Мария Лаах. Встречи Хервегена с молодыми выпускниками немецких университетов положили начало просветительским проектам, целью которых было формирование католического мировоззрения в послевоенное время. Гвардини и его единомышленникам по молодежному движению принадлежат первые литургические эксперименты, результаты которых получили широкую известность и распространение на приходах.

Таким образом, литургическое движение в Германии двигалось от академической работы к просветительской, затем распространилось на приходы и приняло пастырский, т.е. практический, характер, после чего получило общецерковное признание.

II.2. Академический этап литургического движения

II.2.1. Совместная деятельность К. Мольберга и Р. Гвардини

Средой распространения литургического движения в Европе были бенедиктинские монастыри. Начало литургического движения в Германии связано с именем монаха аббатства Мария Лаах Куниберта Мольберга (1878–1963 гг.). В 1905 году он был отправлен на учебу в Лувенский университет, где защитил диссертацию, посвященную историку и исследователю литургических книг XIV в. Рудольфу Ривскому. Находясь в постоянной связи с учеными монахами Англии и Франции, Мольберг познакомился с римскими саκραментариями⁷¹, изучению которых он посвятил всю последующую жизнь. В 1909 году в Лувене было основано бенедиктинское аббатство Мон Сезар, и Мольберг внимательно следил за первыми шагами литургического движения. Одним из адресатов обширной переписки,

---

⁷¹ Сакраментарий – богослужбная книга на Западе, которой до XIII в. включительно пользовались священники при совершении таинства евхаристии.

которую вел Мольберг, в 1911 году стал его будущий соратник — тогда каплан диоцеза Майнца Романо Гвардини. Именно Мольберг и Гвардини впервые поставили вопрос о том, как можно перенести опыт бельгийских собратьев в Германию. В 1913 году, когда Мольберг возвратился в Мария Лаах, в монастыре был избран новый аббат — Ильдефонс Хервеген, товарищ Мольберга по Кельнской апостольской гимназии. Хервеген, впоследствии ставший одним из лидеров литургического движения, сыграл значительную роль в том, чтобы начинание Мольберга и Гвардини получило дальнейшее распространение.

Романо Гвардини по праву считается лидером литургического движения в Германии. Первые шаги на этом пути были сделаны им в 1906 году в Бойронском аббатстве, которое он впервые посетил во время учебы в Тюбингенском университете. Вспоминая об опыте, полученном во время монашеского богослужения, Гвардини описал содержание своего богословского метода: «Через Вильгема Шлойснера [старший товарищ Гвардини в Майнце — А.С.] я познакомился с немецкой мистикой и полюбил ее; но я всегда думал, что должна быть другая мистика, в которой тайная жизнь сердца связана с величию объективной формы. В литургии Бойрона я это нашел... Я включил литургию в мои богословские размышления. Мои мысли всегда были вокруг Церкви, таинственной реальности, которая глубоко укоренена в истории и одновременно принадлежит вечности; подвергается всевозможным изменениям, оставаясь целой и святой, так что наполняет внимательного наблюдателя осознанием чуда»⁷². Если Мольберг был ярко выраженным историком, классическим ученым, Гвардини сочетал в себе, с одной стороны, опору на личный опыт, интуицию, конкретную ситуацию, а с другой стороны, стройное системное мышление, которое в историческом явлении ищет его вневременную первооснову. Вспоминая 1910 год, когда он изучал респонсории⁷³ чтений на утрене, Гвардини писал: «Я

⁷² Цит. по: Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung / hrsgb. von S. Langenbahn. Erzbischöfliche Diözesan- und Dombibliothek. Köln, 2017. S. 94.

⁷³ Респонсорий (лат. *responsorium*, от «respondere» — отвечать) — один из трех видов псалмопения, при котором чередуются солист и хор.

хотел, опираясь на методы искусствоведческого анализа, исследовать, по каким законам они составлены, как они относятся к чтениям и особенно какое место они занимают в структуре утрени, какие мысли в них главные»⁷⁴. В 1911 году в письме к Мольбергу Гвардини пишет о том, что он думает о теоретических основах литургии⁷⁵.

«В литургии много прекрасных вещей, — пишет Гвардини Мольбергу. — Тема, которая мне предстоит — «“Ты” литургической молитвы». К кому эта молитва обращена? Какое место в ней занимает Христос? Его образ и деяния господствуют над всем, но прямых обращений к Нему мало... Просьба о совершении таинства и благодарение за него обращены ко Отцу... Нужна по возможности точная статистика молитв из миссала, бревиария, ритуала, чтобы получить исчерпывающий ответ... Нужно установить связь евхаристии с молитвенной и нравственной жизнью. Для того, чтобы причастие принесло плоды, его непременно нужно связывать с жизнью общины. В литургии религиозно-созерцательная сторона сменяется деятельно-активной... Из того, как Церковь молится и живет, я узнаю, в каком отношении находится Пресвятая Троица к человеку, какая благодать в Ней действует. Жизнь Церкви не произвольна, она молится Духом Святым...»⁷⁶ Еще шла Первая мировая война, а Гвардини и Мольберг уже обсуждали вопросы, которые во многом определили характер литургического движения: значение отдельных частей богослужения по отдельности и в их связи друг с другом; природа и назначение литургического акта; действие благодати в литургической жизни Церкви; взаимосвязь литургии с христианской жизнью; литургия как выражение веры Церкви.

Переписка с Мольбергом не прекращалась даже во время войны, когда Гвардини ухаживал за ранеными в одном из лазаретов Майнца. К этому же времени относится замысел о написании первой серьезной работы: «Когда я еще был в Майнце, я попытался... сказать в нескольких главах о том, что

---

⁷⁴ Ibid. S. 100.

⁷⁵ Ibid. S. 92.

⁷⁶ *Langenbahn S.K. Romano Guardini und Maria Laach...* S. 43.

такое литургия»⁷⁷. В 1917 году Мольберг показал несколько набросков о литургии, сделанных Гвардини, аббату Хервегену. В монастыре Мария Лаах состоялась их первая встреча, а в 1918 году в первом томе просветительской серии «Церковь молящаяся» («*Ecclesia Orans*»), которую стали издавать бенедиктинцы, вышла книга Гвардини «Дух литургии» («*Vom Geist der Liturgie*»). Написанная живым, понятным, и вместе с тем не примитивным, языком, в течение последующих четырех лет она переиздавалась двенадцать раз. В «Духе литургии» Гвардини рассматривал богослужение не как последовательность рубрик или как отражение догматов, а как стройное, цельное, логическое единство, в котором органично сочетаются личное и общественное, материальное и духовное, вечное и временное.

II.2.2. История формирования и содержание понятия «Liturgiewissenschaft»

В начале XX века термин «исследование литургии» («*Liturgieforschung*») означал всего лишь одну из исторических дисциплин, а семинарский термин «литургика» («*Liturgik*») — раздел пастырского богословия, изучающий литургию как последовательность рубрик, уставных предписаний. Занимаясь добросовестным изучением «материальной части», ни та, ни другая дисциплина не принимала в расчет современное состояние богослужения и не пыталась найти объективные законы, по которым оно существует. Ни история, ни пастырское богословие не давали ответа на вопрос о том, что в литургии более ценно и значимо, каким законам она подчиняется, каким образом в ней звучит Откровение, какие отношения формирует литургия между Богом и общиной и т.д. Вводя понятие «наука о литургии» («*Liturgiewissenschaft*»), Гвардини и Мольберг предложили рассматривать ее как самостоятельную богословскую дисциплину, которая

---

⁷⁷ Ibid. S. 149.

изучает Церковь, существующую во времени и выражающую свою веру через богослужение. Для более точного обозначения своей мысли Гвардини и Мольберг использовали метафору «дерева»: его продольным разрезом было изучение истории литургии, а поперечным — изучение литургии как объективного закона молитвы Церкви. В той области, где наука о литургии касается дидактического, нравственного, правового и рубрикального содержания богослужения, она использует данные смежных наук: психологии, педагогики, религиозной философии и эстетики⁷⁸.

В 1919 году Гвардини написал статью «О систематическом методе в науке о литургии», в котором подробно обосновал новый подход к изучению литургии. С одной стороны, будучи культурно-историческим феноменом и постоянно претерпевая изменения, литургия может быть предметом исторического исследования. Однако она не может рассматриваться только как собрание текстов, принадлежащих разным историческим эпохам. Литургия представляет собой действительный, таинственный, благодатный процесс (*der Vorgang*), для которого характерны определенные мысли, настроения, эмоции — то есть структура (или система). Будучи единым целым, литургия выражает ту же веру, которую Церковь исповедовала сто, двести и тысячу лет назад. Найти то, что составляет вечное, неизменное литургии в ее временном и составляет задачу литургики. «Литургия свободна от ошибок не только с догматической и нравственной точки зрения. Она верна в своей особой сущности, верна, как культ... Предлагаемый метод должен спрашивать: какое смысловое, формальное духовное содержание должен извлечь читатель, слушатель, молящийся из литургического произведения? Какое восприятие веры, какое религиозное чувство, какую духовную установку Церковь предлагает сегодня в каждом литургическом слове, обычае и чине?»⁷⁹.

---

⁷⁸ см.: *Langenbahn S.K.* Romano Guardini und Maria Laach aus der Perspektive Kunibert Mohlbergs... S. 43.

⁷⁹ *Guardini R.* Über die systematische Methode in der Liturgiewissenschaft // *Guardini R.* Auf dem Wege. Matthias Grünewald Verlag in Mainz, 1923. Ss. 98, 101.

В литургии удивительным образом сочетаются временное и вечное, индивидуальное и общинное, субъективное и объективное, материальное и духовное. Органичное соединение этих элементов возможно только в Церкви, поэтому предметом своего исследования Гвардини считает «живую, молящуюся, приносящую жертву, живущую таинственной жизнью Церковь в ее фактическом культовом выражении»⁸⁰. Для того, чтобы объяснить, каким образом различные элементы богослужения становятся единым целым, Гвардини использует понятие «оппозиции» (*der Gegensatz*). Оппозиция у Гвардини — это уникальное единство двух элементов, противоположных по смыслу и вместе с тем зависимых друг от друга. Например, индивидуальный и общинный способ существования видимо противоречат друг другу, но соединенные вместе, описывают феномен человеческой жизни во всей ее полноте⁸¹. В литургии происходит соединение различных элементов, находящихся в отношениях оппозиции. «Не происходит так, что один текст противоречит другому, одна мысль противоречит другой. Так же, как мы понимаем, как в организме соединены конструктивные и функциональные противоположности, так же мы должны смотреть на различия и оппозиции, существующие в организме более высокого порядка... Нужно спросить: как то и другое существует вместе, и каким образом целое выстраивает себя из этих противоположностей»⁸². Литургика, заключает Гвардини, занимается изучением природы Церкви через ее молитвенную жизнь⁸³.

В 1917 году в «Богословском обозрении» вышла статья францисканского монаха Беды Кляйншмидта о литургических исследованиях в Германии. Перед немецкой церковно-исторической наукой были поставлены три задачи: подготовка научных изданий древних рукописей, собрание статей об истории литургии и основание литургического альманаха⁸⁴. Для исполнения задуманного Кляйншмидт начал рассылать

---

⁸⁰ Ibid. S. 104.

⁸¹ см.: *Krieg R. A. Romano Guardini. A Precursor of Vatican II...* P. 15.

⁸² *Guardini R. Über die Systematische Methode...* S. 106.

⁸³ Ibid. S. 110.

⁸⁴ Ibid. S. 194.

приглашения ведущим литургистам того времени — Антону Баумштарку, Францу Йозефу Дёльгеру и другим, однако аббату Хервегену силой своего авторитета (и надо сказать, не совсем честным путем) удалось перехватить это начинание. В 1918 году К. Мольберг опубликовал статью «Задачи литургического исследования в Германии. Предложения и размышления», и в том же году аббатством Мария Лаах совместно с бенедиктинскими аббатствами Бойрон, Эмаус Праг и Зекау были изданы первые номера журналов «Историко-литургические источники» («*Liturgiegeschichtliche Quellen*») и «Историко-литургические исследования» («*Liturgiegeschichtliche Forschungen*»). Образцом, которому должны были следовать эти издания, должно было стать собрание источников под редакцией аббата монастыря св. Михаила, литургиста и историка Фернана Каброля «*Monumenta ecclesiae liturgica*»⁸⁵.

В августе 1919 г. Гвардини и Мольберг приняли решение об основании «Литургического альманаха» («*Jahrbuch für Liturgiewissenschaft*»). Мольберг уже занимался привлечением авторов и подготовкой материалов, но когда возникли разногласия между Гвардини и Хервегеном (о которых речь пойдет ниже), аббат Мария Лаах назначил главным редактором альманаха Одо Казеля и основал «Общество попечения о литургической науке» («*Verein zur Pflege der Liturgiewissenschaft*»), под эгидой которого стал издаваться журнал. Казель на свой лад переработал предисловие Гвардини и Мольберга, написанное для первого номера, а в дальнейшем изменил первоначальную концепцию издания⁸⁶. Утратив контроль за формированием журнальной политики, Гвардини и Мольберг отправились в самостоятельное плавание⁸⁷. Мольберг в 1924 году уехал в Рим, куда был приглашен для работы в Ватиканской библиотеке⁸⁸. Гвардини защитил докторскую диссертацию о св.

---

⁸⁵ Ibid. S. 209.

⁸⁶ Подробнее об этом см.: *Langenbahn S.K.* Für Archiv des “Archivs”. Die Vorgeschichte des Jahrbuch für Liturgiewissenschaft (1918-1921) // *Archiv für Liturgiewissenschaft* 50, 2008. Ss. 31-61.

⁸⁷ За весь период существования журнала в нем были опубликованы две статьи Гвардини (обе – в первом номере журнала (1921 г.)) и одна статья Мольберга (в 1924 г.).

⁸⁸ В 1930 году Мольберг занял должность профессора древней истории Папского института христианской археологии, а в 1950 г. стал профессором христианского культа в Папском институте св. Ансельма Кентерберийского и президентом тамошнего литургического института. В 1963 г. Мольберг вернулся в

Бонавентуре и в 1923 году занял должность профессора христианского мировоззрения в Берлине.

В период с 1921 по 1935 гг. вышло 15 томов «Литургического альманаха», значение которого трудно переоценить. В нем сотрудничали крупнейшие немецкие ученые того времени: А. Баумштарк, Х. Литцманн, Х. Райнхолд, Х. Энгбердинг, Т. Клаузер, а также ученые монахи из аббатства Мария Лаах. В альманахе подробно рассматривались чинопоследования мессы и таинств и их историческое развитие, анализировалась структура богослужебных книг, большое внимание уделялось древним литургиям, публиковались обзоры современных научных изданий. В соответствии с концепцией Гвардини-Мольберга, журнал состоял из двух разделов, один из которых был посвящен истории богослужения, а другой — его «системным» исследованиям.

II.2.3. Основные концепции «науки о литургии»

В 20-е годы XX века «наука о литургии» стала предметом интереса многих католических ученых. Именно тогда стало ясно, что изучение истории и структуры богослужения позволяет правильно оценить его современное состояние. Богослужение проходит определенное историческое развитие, и как произведение человеческой культуры может быть объектом критики и реформы; одновременно с этим оно носит над-природный, благодатный характер, выражающий себя определенным образом в зависимости от исторической ситуации. Так или иначе, но все деятели литургического движения искали основополагающий принцип, лежащий в основе богослужения, его внутреннюю логику, главную движущую силу. Они считали, что этот жизненный принцип соединяет различные элементы литургии таким образом, что она представляет собой единое органическое целое. Для обозначения этого объективного принципа ведущие ученые

Мария Лаах и в том же году скончался (см.: Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre... S. 124).

литургического движения — А. Баумштарк, Й. А. Юнгманн, Р. Гвардини и О. Казель, — использовали понятия «дух», «форма», «закон», «стиль», «живое сердце Церкви», на основе которых они создали оригинальные концепции, получившие признание и распространение.

- *Сравнительная литургика Антона Баумштарка*

Важнейшее место в истории литургического движения занимает Антон Баумштарк (1872–1948 гг.), основатель сравнительной литургики, специалист по классической и восточной филологии, профессор истории и культуры христианского Востока и восточной литургии в Бонне (с 1921 г.), профессор исследования ислама в Утрехте (с 1926 г.) декан кафедры Востока в университете Мюнстера (с 1932 г.). В конце I Мировой войны под влиянием Хервегена Баумштарк стал заниматься литургией западной Церкви, а в 1921 г. совместно с О. Казелем стал редактировать «Литургический альманах». В 1923 г. в серии «*Ecclesia Orans*» вышла книга Баумштарка «Об историческом развитии литургии» («*Vom geschichtlichen Werden der Liturgie*»), основанная на лекциях, прочитанных в Мария Лаах, а в 1934–1935 гг. в журнале «*Irenikon*» была опубликована его «Сравнительная литургика» («*Liturgie comparée*»).

Баумштарк считал, что литургия — это не только наличная реальность, имеющая строго определенное выражение, но живое действие, дыхание мистического тела Христа. Литургия, пишет он, «никогда не будет подвержена трупному окаменению формы, скованной в своей окончательной завершенности»⁸⁹. Литургия представляет собой организм, который подвержен тем же законам эволюции, по которым развивается биологическая или языковая система. «Любая эволюция, — пишет Баумштарк, — состоит из постепенного развития некоторых древнейших форм к относительно

---

⁸⁹ Баумштарк А. Сравнительная литургика. Принципы и методы исторического исследования христианского богослужения. пер. С. Голованова. Омск, 2014. С. 19.

недавним. Отсюда возникают два вопроса: 1. Куда направлена эта эволюция? 2. Каким образом происходит развитие?»⁹⁰

Поскольку органическое развитие литургии происходит естественным и часто незаметным образом, литургика испытывает недостаток в источниках и следовательно, должна восстановить затемненные или пустые места в структуре богослужения. Баумштарк тщательно исследовал имеющиеся источники, сравнивал литургические тексты и чины и на основе выявленных фактов выявлял законы развития литургии. «Источники показывают нам, как обычно ведут себя литургии; это позволяет сформулировать гипотезу, чтобы воссоздать эволюцию литургии на основе предположения, что и другие литургии вели себя таким же образом в тот период, для которого нет свидетельств»⁹¹.

На основе проведенной работы Баумштарк сформулировал общие и частные законы развития литургии, которые не только получили общемировое признание, но и опровергли привычные представления об истории богослужения. Считалось, например, что дошедшие до нас обряды Запада и Востока развились из одной и той же первичной апостольской традиции; закон Баумштарка гласит, что эволюция литургических чинов происходила от разнообразия к единообразию. До Баумштарка было принято считать, что литургия развивалась по принципу сокращения текста (свт. Иоанн Златоуст сократил литургию свт. Василия Великого, который, в свою очередь, сократил древнюю апостольскую литургию апостола Иакова); Баумштарк, напротив, утверждает, что литургия развивается от простоты к сложности, а не наоборот. Баумштарк установил, что тексты и структуры не развиваются однородно и линейно⁹², сформулировал закон консервации древних обычаев в наиболее важные литургические периоды⁹³ и закон

---

⁹⁰ Там же. С. 35.

⁹¹ *Тафт Р. Ф.* Возвращаясь к сравнительной литургике Антона Баумштарка // Тафт Р.Ф. Статьи. Т.2 Голованов. Омск, 2011. С. 226.

⁹² *West F.* Introduction // *Baumstark A.* On the Historical Method of the Liturgy. Pueblo Book. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 2011. P. 15.

⁹³ Этот закон, позволил, например, авторам литургических реформ после II Ватиканского собора включить ходатайственные молитвы пасхального богослужения в повседневный богослужебный обиход.

позднейшей символизации изначально практических литургических действий⁹⁴. Особое значение Баумштарк придавал изучению литургий Востока, так как считал, что, в отличие от греческих и латинских, «периферийные» восточные литургии больше заботились о сохранении своей идентичности⁹⁵.

С точки зрения Баумштарка, знание законов литургического развития помогает восстановить образ совершенной молитвы — древнюю римскую литургию, незамутненную позднейшими вставками: «Возвращение к христианской античности как она была создана в Риме, трезвой и ясной, можно считать основной и исчерпывающей целью движения реформ»⁹⁶. Вместе с тем Баумштарк выступал за то, чтобы богослужение было понятно тем, кто в нем участвует. «Невозможно отрицать, что совершение литургии на мертвом языке, который большинство верующих не понимают, составляет главный вызов литургического движения на пути к его окончательной цели»⁹⁷.

Законы Баумштарка много раз подвергались критическому анализу. Современные историки считают, что часто он не делал различий между научными гипотезами и реальностью⁹⁸, что противоречил своей теории, огромное значение придавая отдельным личностям⁹⁹. Р. Тафт пишет о том, что, использование терминов «кризис», «движение», «среда», «характер» и т.д. показывают, что «Баумштарк знал, что литургия явно не развивалась путями, свойственными живым организмам, являющихся материальными объектами биологии»¹⁰⁰. Тем не менее, даже предлагая сомнительные решения в частности, заслуги Баумштарка в исторической литургике оцениваются очень высоко. Он первый показал, что литургия не есть статичная данность, а продукт исторического и культурного развития; что в

---

⁹⁴ Тафт Р. Ф. Указ. соч. Сс. 195-199.

⁹⁵ West F. Op. cit. P. 22.

⁹⁶ Цит. по: *Ibid.* P. 27.

⁹⁷ Цит. по: West F. Introduction... P. 29.

⁹⁸ West F. Introduction... P. 33.

⁹⁹ *Ibid.* P. 23.

¹⁰⁰ Тафт Р. Ф. Указ. соч. С. 228.

изучении литургии можно опираться на эмпирические методы естественных наук; обращал внимание на исследование фактов и отказывался доверять предвзятым утверждениям.

«Таинственное богословие» Одо Казеля

Одо Казель (1886–1948 г.) — один из самых интересных и самобытных богословов литургического движения. Тщедушный монах со слабым здоровьем, почти никуда не выезжавший из небольшого женского монастыря, где провел половину жизни, был одним из тех, кого называют предшественниками II Ватиканского собора. Сформулированное им понятие «Пасхальной тайны» занимает центральное место в соборной Конституции о Священной литургии «*Sacrosanctum Concilium*», а концепция присутствия спасительных деяний Христа в таинствах (*Mysteriengegenwart*) была названа Йозефом Ратцингером «одной из самых плодотворных идей XX столетия»¹⁰¹.

Йоханнес Казель родился 27 сентября 1886 г. в Кобленце. В 1905 г. в Боннском университете он познакомился с Хервегеном, который убедил его оставить обучение и поступить в монастырь Мария Лаах. В 1907 г. Казель принес монашеские обеты, а в 1911 г. стал священником. В монастыре, а затем в Папском университете святого Ансельма в Риме он изучал философию и богословие, и в 1912 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Учение о евхаристии мученика Иустина Философа». В 1913 г. Хервеген стал аббатом Мария Лаах, а Казель еще раз поступил в Боннский университет на кафедру классической филологии и религиоведения, где защитил докторскую диссертацию о мистическом молчании в античной философии.

В 1922 г. Казель был направлен в небольшой женский монастырь Непрерывного поклонения в Херштелле, в котором исполнял послушание духовника и где написал большинство своих работ. В течение первого

---

¹⁰¹ Цит по: *Häussling A.* Odo Casel—Noch von Aktualität: Eine Rückschau in ... Herausgebers // *Archiv für Liturgiewissenschaft*, 28 (1986). S. 359. «Можно без преувеличения сказать, — продолжает автор, — что со времен святых отцов в богословие таинств не вдыхали столько жизни».

периода существования «Литургического альманаха» (1921–1935 гг.) Казель был его главным редактором и автором. Статьи, посвященные культовой основе богослужения и церковным таинствам, которые он публиковал в журнале, готовили почву для его классического труда «Таинство христианского богослужения» («*Das Christliche Kultmysterium*», 1932 г.). В этой работе Казель наиболее полно представил концепцию таинственного богословия, которая с тех пор стала прочно связываться с его именем.

Отправной точкой богословия Казеля является критика современного человека, добровольно отказавшегося от Бога в пользу своих эгоистических желаний. В мире утрачено понимание тайны и связанного с ней понятия символа. «Тайна Бога стала непосильной ношей для человека, ношей, которую он готов с удовольствием сбросить. Он не хочет, чтобы над ним был вечный закон и независимая воля; он хочет освободиться от всех уз, которые не он на себя наложил... Его учитель — природа, она должна стать его собственностью и предметом для его научных, рационалистских исследований... Космос лишен своего духовного содержания... природа больше не символ, который указывает на высшую реальность. Она больше не открывает никаких секретов, заставляющих человека плакать... У природы, сброшенной со своего трона и разоблаченной, не осталось другой задачи, кроме как облегчить жизнь человека»¹⁰².

Обличая секулярный мир, Казель утверждает, что тот же самый дух рационализма господствует и в Католической Церкви. Апологетическая природа импульса, стоявшего за схоластикой, породила чрезмерное внимание к рациональному аспекту богословия, а его созерцательная сторона была отнесена к «народному благочестию». Принципиальное инобытие Бога было подвергнуто логическому анализу. Школьное богословие «сделало попытку свести тайну Божественного откровения к причинности; рассечь ее и показать ее «истину». Математическая мысль, типичный продукт

---

¹⁰² Casel O. The Mystery of Christian Worship. A Herder & Herder Book, New York : Crossroad Pub., [1999]. P. 1.

абстрактного разума, стала использоваться не только в том, что относится к человеку, но и к Богу»¹⁰³.

Стремясь восстановить в правах созерцательное богословие, Казель предложил вспомнить об изначальном, новозаветном, содержании понятия «таинство» (μυστήριον). В отличие от школьного богословия, которое обращало внимание на понятия «действительности», «благодати», «причины освящения», Казель напоминал, что таинство — это событие Боговоплощения, то есть Сам Спаситель Иисус Христос. И хотя церковное таинство предполагает и благодать, и реальное присутствие Христа в Святах Дарах, в таинстве есть нечто такое, что им предшествует и их обуславливает, а именно — Его спасительные деяния.

«Спасительными деяниями Христа» Казель называет не Его учение или чудеса, а страдания, крестную смерть и Воскресение, которые объединены под общим названием «Пасхальной тайны». В таинстве Церковь соединяется со Христом, чудесным образом умирая и воскресая вместе с Ним. Исторический Иисус принес Себя в Жертву единожды; «духовный» Христос приносит Себя в Жертву вместе со всей Церковью во время каждой литургии. «Пасха, — пишет Казель, — это Жертва и происходящее от нее освящение; это Жертва Богочеловека на Кресте и Его восстание во славе; это жертва Церкви в союзе с и силой распятого Богочеловека, и чудесное соединение с Богом, результатом которого является обожение... Церковь соучаствует в спасительных деяниях Христа, принимая последствия каждого действия, которое Он совершает, но принимая активно»¹⁰⁴. Таинство — это священнодействие, в котором через обряд актуализируется спасительное деяние; совершая обряд, община принимает участие в спасительном деянии и таким образом получает спасение¹⁰⁵.

Казель подчеркивает, что христиане не умирают той же самой смертью, которой умирал Христос, равно как не воскресают тем же

---

¹⁰³ *Ibid.* P. 4.

¹⁰⁴ *Ibid.* Pp. 13-14.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 54.

Воскресением. Соединение Церкви со Христом происходит «по подобию» Его страданий и Его смерти: «Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его (ὁμοίωματι τοῦ θανάτου αὐτοῦ), то должны быть соединены и подобием Воскресения» (Рим. 6:5). Показывая, что *изображает* богослужение, Казель использует греческое слово *εἰκόβ*, которое передает идею участия в обозначаемой реальности. В таинствах Христос присутствует не как объект нашей благочестивой памяти, но в Своих спасительных деяниях: Он умирает не снова, но *все еще*, не опять восстает из гроба, но *все еще* — в нас и через нас, за жизнь мира. Таким образом, присутствие спасительных деяний Христа носит не природный и не исторический, а сакраментальный характер. «Пасхальная тайна», которая принадлежит вечности, каждый раз восстанавливается в коллективной памяти Церкви¹⁰⁶. Для обозначения вневременного измерения, в которое входит Церковь во время богослужения, Казель использует понятие «настоящее время таинства» («*Mysteriengegenwart*»).

Объясняя, каким образом в таинстве сочетаются историческое прошлое и «настоящее время таинства», Казель (скорее сознательно, чем интуитивно) использует феноменологический подход. Как известно, феноменология противопоставляет «физическому» времени, понимаемому как бесконечная последовательность событий, изначальную, трансцендентально-субъективную временность, которая представляет собой целостность трех измерений — экзистенциально понятого настоящего, прошлого и будущего: «будущее не позднее прошедшего, а прошедшее не раньше настоящего»¹⁰⁷.

Концепция Казеля появилась как следствие интереса к древним дохристианским культам, а точнее — древнегреческим мистериям. На примере описания инициации у Апулея Казель показывает структуру религиозного поклонения. «Господь (Κύριος) мистерии — это бог, который вошел в человеческое несчастье и борьбу, появился на земле (богоявление) и

¹⁰⁶ in.: *Rosselli Anthony J. Kerygma and the Liturgy: Encountering the Risen Christ in Dom Casel O.'s Mystery Theology*, University of Dayton, OH. 2015. P. 78.

¹⁰⁷ *Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* — М.: Прогресс-Традиция, 2006. Сс. 396-397.

боролся здесь, страдал и даже потерпел поражение; все человечество в печали оплакивает бога, который должен умереть. Но затем каким-то образом он возвращается к жизни, посредством которой все те, кто сопровождает бога, оживают и продолжают жить. Именно об этом говорили благочестивая вера и тайное учение...»¹⁰⁸. Центральная часть мистерии — понятие воспоминания (*ἀνάμνησις*, *commemoratio*), актуализация божественных деяний, посредством которого происходит таинственное единение с божеством. Несмотря на то, что между христианской литургией и мистерией существует типологическое сходство, мистерии были только тенью, неясным силуэтом литургии, свидетельствовавшие об извечном стремлении человечества к Богу.

Объективное присутствие спасительных деяний Христа Казель называет «типосом», или «эйдосом», таинства. Божественная реальность присутствует в таинстве во всей своей целостности, нераздельно и вне времени — то есть сакраментально, или субстанционально (*secundum modum substantiae*): «Поскольку Христос больше невидим среди нас, мы встречаем Его спасительные деяния и Его благодать в таинстве богослужения»¹⁰⁹. В евхаристии актуализируется Жертва Христа, поэтому Его искупительный подвиг присутствует и в других таинствах: «Хотя евхаристия является королевой таинств, другие таинства — это истинные таинства. Следовательно, их сущность должна быть аналогичной сущности евхаристии. Евхаристия содержит искупительный подвиг Христа: другие таинства также содержат его сакраментальным образом»¹¹⁰. Казель говорит о том, что таинством является и Священное Писание, в котором действует Святой Дух. «Блаженный Иероним не боится поставить таинство Священного Писания сразу после евхаристии. — пишет Казель. — мы едим Его Тело и пьем Его Кровь не только в евхаристии, но и слушая Писание»¹¹¹.

---

¹⁰⁸ Ibid. P. 53.

¹⁰⁹ Casel O. Op. cit. P. 7.

¹¹⁰ Цит. по: Ibid. P. 273.

¹¹¹ Ibid. P. 69.

Казель был одним из тех, кто обратил внимание на значение литургического года и центрального места Пасхи. Он считал, что, как и в литургии, «Пасхальная тайна» составляет основу богослужебного цикла и особенно праздничных дней. Каждый воскресный день актуализируется вершина годового круга — Пасха. Именно в воскресенье, как в горчичном зерне, содержатся события распятия и Воскресения Христа; воскресный день лежит в основе древнейшего богослужебного цикла от Пасхи до Пятидесятницы. Вся деятельность Церкви таинственна и свята, потому что освящена присутствием Ее Главы и Жениха — Христа. «Так же, как годичный цикл богослужения содержит в себе божественное присутствие, отдельный день внутри этого цикла погружается в спасительное событие, которое его однажды осватило»¹¹².

Как Казель разрешал главные вопросы литургического движения: об активном участии верных в литургии и о литургическом благочестии? Прежде всего, он подчеркивал, что каждый религиозный культ и тем более — литургия, носят общинный характер. Божественные деяния захватывают каждого его участника таким образом, что он преодолевает границы индивидуального существования. В соборной молитве достигается такое единение с Богом, которое немислимо для одного человека. Почти нигде у Казеля не говорится о христианине в единственном числе, единица Церкви для него — это община. «Община, которая совершает евхаристию, объединена глубочайшим образом с Господом, Которому она поклоняется; не существует более тесного единства, чем в совместном участии в страданиях и действиях. Благодаря ему христиане соучаствуют в новой жизни Бога, становятся воспевающим Его хором, они становятся богами»¹¹³. Сравнивая древние и более поздние формы благочестия, Казель отдает предпочтение первым. «...восточный, индивидуальный мистицизм, который в последнее время развивается среди германских народов, коренным образом отличается от древнего, строгого, общинного мистицизма, который сформировал

---

¹¹² Ibid. P. 70.

¹¹³ Ibid. P. 53.

эллинистические мистерии и был увенчан христианством. Первый ищет одинокий путь самоочищения и внимания, бежит от мира и сторонится жизни общины... другой действует в согласии с Богом как Он открыл Себя людям, прожил на земле и разделил Свой спасительный акт, Свое страдание и новую жизнь с тем, кто призывает Его имя»¹¹⁴.

Казель пытался воплотить свои идеи на практике, и в условиях того времени ему удалось достаточно много сделать. Он вернул в литургическую практику общины причастие за «высокой» воскресной мессой, и задолго до реформы литургии Святой недели (1951–1955 гг.) стал совершать пасхальное богослужение ночью. В самой мессе он присоединил вторую часть молитвы *Sanctus*, которая находилась после предложения Даров, к префации, (т.е. в начало евхаристической молитвы), ввел в чинопоследование мессы общее молчание перед «Отче наш» и совместное пение псалмов во время раздачи Даров¹¹⁵. Кроме того, Казель регулярно проводил конференции для сестер, поощрял их к научной деятельности и чтению творений святых отцов.

Идея о таинственном присутствии Христа в таинствах — одна из самых обсуждаемых богословских концепций, появившихся в Католической Церкви в XX веке. Несмотря на многие несовершенства и ошибки, которые были выявлены оппонентами Казеля (например, недостаточная философская база для объяснения повторяемости исторических событий)¹¹⁶, понятия «Пасхальной тайны» и «соучастия в спасительных деяниях Христа» получили общецерковное признание. Конституция о священной литургии II Ватиканского собора «*Sacrosanctum Concilium*» (далее SC – A.C.) подчеркивает, что месса — это та же самая «Пасхальная тайна» Христа, но в сакраментальном смысле. Совершая богослужение, Церковь как мистическое Тело Христово активно участвует в «Пасхальной тайне», и, следовательно, существует глубокая связь между евхаристической литургией и

---

¹¹⁴ Ibid. P. 52.

¹¹⁵ Coen H. Lebensbild. Pater Casel O. // Abtei Herstelle [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abtei-herstelle.de/wp-content/uploads/2012/09/Pater-Odo-Casel.pdf> (дата обращения: 15.02.18)

¹¹⁶ Подробнее об этом см.: Сухарев А., свящ. Одо Казель и его учение о таинствах. Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии. № 4 (2017). Сс. 106-108.

спасительными деяниями Христа. «Литургия, в которой — прежде всего в Божественной Евхаристической Жертве — “свершается дело нашего Искупления”, в высшей степени содействует тому, чтобы верные выражали своей жизнью и являли другим тайну Христову» (SC 2); «Христос всегда присутствует в Своей Церкви, особенно в литургических действиях» (SC 7); «...в дни памяти святых Церковь проповедует пасхальную тайну в этих святых, пострадавших и прославленных вместе со Христом» (SC 104). Одна из самых дорогих для Казеля мыслей о Церкви как таинстве содержится в первой главе догматической конституции о Церкви «*Lumen Gentium*» (далее LG): «Церковь составляет во Христе своего рода таинство — то есть знамение и орудие — глубокого единения с Богом и единства всего рода человеческого» (LG 1). Иными словами, Церковь существует как таинство — или ее не существует вовсе.

Таинственное богословие Казеля происходит из трех источников: собственного опыта совершения евхаристии, новозаветного и святоотеческого богословия и исследования античных религиозных культов. Связав во едино изречения апостолов, религиоведение и современную философию, Казель предложил оригинальную богословскую концепцию, расширившую понятие таинства. Казель подверг критике схоластическое понимание таинства как орудия благодати и причины освящения, и напомнил о том, что согласно Священному Писанию и святоотеческой традиции, таинством является Сам Бог, посланный Им Иисус Христос, богослужение, в котором христиане становятся сопричастными искупительным деяниям Христа, и наконец, Сама Церковь, в которой совершается дело человеческого спасения.

«Генетический метод» Й. А. Юнгманна

Йозеф Андреас Юнгманн (1889–1975 гг.) — австрийский (или австро-немецкий) ученый, создатель «генетического» метода исследования литургии. Начиная с 1913 года Юнгманн служил приходским священником в

южнотирольских городах, а в 1917 г. вступил в общество Иисуса. В 1923 г. он защитил докторскую диссертацию в университете Инсбрука, представив работу «Место Христа в литургической молитве», и вплоть до 1963 г. (с перерывом, вызванным закрытием института нацистами) преподавал там пастырское богословие и катехизис.

В личности Юнгманна удачно сочетались таланты ученого-историка и пастыря. Изучение истории в его понимании только дополняло деятельность приходского священника, проповедника и катехизатора. Главным предметом размышлений ученого была современность, а история, считал Юнгманн — это только указатель на Того, Кто стоит в центре христианской веры. «Нужно написать катехизическое богословие: ясное изложение каждой вероучительной истины, которое нужно для научения народа и воспитания его благочестия, вместе с историческими объяснениями, как одно постепенно произрастало из другого; в таком случае было бы проще избежать того, что люди не замечают Христа, Который находится в центре религиозной жизни»¹¹⁷. В 1939 году Юнгманн изложил «генетический» метод в книге «Литургия» («*Die liturgische Feier*»).

Заслуга Юнгманна состояла в том, что он предложил принципиально новый подход к работе с историческим материалом. Генетическое объяснение сильно отличалось от привычного перечисления фактов в хронологическом порядке. «Мы хотим рассмотреть с историко-генетической точки зрения, как росли литургические формы, от простых форм постепенно переходя к более сложным. Мы хотим понять структуру литургических формуляров, внутренний план, который лежит в их основе»¹¹⁸, — писал ученый. Юнгманн считал, что первичной структурой литургии является последовательность трех ее частей: чтения, ответного песнопения общины и молитвы священника. Эта схема отвечает природе Церкви и домостроительству человеческого спасения, поэтому (с теми или иными

---

¹¹⁷ Pacik R. Josef Andreas Jungmann. (Liturgiegeschichtliche Forschung als Mittel religiöser Reform) // Liturgisches Jahrbuch 43. 1993. Herausgegeben vom Deutschen Liturgischen Institut Trier. S. 66.

¹¹⁸ Ibid. S. 68.

добавлениями) ее можно увидеть во всех литургических текстах¹¹⁹. На основании полученных результатов Юнгманн сделал заключение: так же, как Христос находится в центре христианской жизни, движущей силой и основанием богослужения является Его слово. Трехчастная литургическая структура, которая обнаруживает себя во всех церковных богослужениях, обладает мощным духовным потенциалом, питающим ум и возвышающим душу к Богу. «От Бога ниспосылается освящение, откровение в Его слове, которое мы воспринимаем во время чтения. Оно возвышает и будит песенный отклик в сердцах верующих, а затем молитвы общины собираются вместе и возносятся к Богу через священника»¹²⁰. Чрезвычайное внимание к слову, проповеди — особенность литургического богословия Юнгманна, которое получило название «керигматического».

На примере литургии Юнгманн объясняет причины изменения религиозного сознания в истории Церкви. Ранняя христианская литургия имеет четко выраженный общинный характер; в ней преобладают мотивы Пасхи; молитва направлена ко Отцу через Сына. В Средние века священник-предстоятель отделяется от общины: он молча читает евхаристический канон, использует все менее понятную народу латынь, престол отдалается от основной части храма, уменьшается частота причащения; пасхальные мотивы сменяются рождественскими; воскресные дни все более ориентируются на прославление Троицы; вводятся литургические молитвы, адресованные непосредственно ко Христу и Троице. Все более подчеркивается индивидуальное, субъективное и временное, возрастает внимание к первосвященническому и посредническому аспекту служения

---

¹¹⁹ В качестве примера того, как Юнгманн применял генетический метод, можно указать его исследование богослужения часов. Юнгманн считал, что молитвы часов развились из иудейской традиции обычая молиться несколько раз в день в определенные часы, которой поначалу придерживались христиане из иудеев. С III в. утренние и вечерние молитвы стали совершаться в христианских собраниях, а монахи расширили эти молитвы до особого чинопоследования часов. К монашеской практике восходят также псалмодия и молитвы Псалтири. Вся псалмодическая часть, и вместе с ней все элементы, связанные с идеей поклонения Богу, вторичны и наложились на первоначальную структуру: чтение – ответный псалом – молитва общины или священника. Самый древний элемент – чтения, которые составляли большую часть монашеских часов. Окончательная часть часов («Трисвятое», «Отче наш», молитва) соответствует третьему члену – молитве общины или священника – в литургической схеме (Ibid. S. 80).

¹²⁰ Цит. по: *Scherzberg L. Op. cit.*

Христа, изменяется доксологическая формулировка (слава Отцу и Сыну и Святому Духу), возникает культ почитания Святого Причастия. Божественная природа Христа получает «преимущество» по сравнению с человеческой, возрастает роль посредничества Божией Матери и святых. Причиной этого смыслового сдвига Юнгманн видит в полемике против ересей — в первую очередь арианства. Догматические споры повлекли за собой новое представление о благочестии, что, в свою очередь, отразилось на богослужебных текстах. Антиарианские, тринитарные элементы, таким образом, составляют позднейшую и потому менее ценную часть литургического наследия.

В результате литургического умаления Воскресения усилился мотив «Страстей Христовых», подчеркивающих страдания, а не славу Христа по Его восстанию из мертвых. При всей подробности описания крестных мук они не подчеркивают человеческую природу Христа, а вместо этого вызывают определенные чувства: сострадания, изумления или покаяния — и это затемняет богословие искупления человеческой природы во Христе. В свою очередь, это порождает изменение литургического календаря: появляются праздники Обрезания, Поклонения Кресту и страстные церемонии, которые становятся частью богослужения последней недели перед Пасхой¹²¹.

Юнгманн заботился о том, чтобы его научная работа была полезной с практической точки зрения и был открытым сторонником богослужебных реформ. «История помогает нам, — писал он, — понять переданные нам традицией формы и помогает в решении задач будущего»¹²². Правильная реформа предполагает сохранение духа древнего богослужения, заключенного в его первоначальных формах.

Юнгманн был верен своим убеждениям на протяжении всей жизни. В 1940 году, во время кризиса литургического движения, он был назначен в

---

¹²¹ См.: *Pierce J. M., Downey M.* Introduction // *Source and Summit: Commemorating Josef A. Jungmann, S.J.* The Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 1999. Pp. 10-14.

¹²² *Pacik R.* Josef Andreas Jungmann... S. 81.

литургическую комиссию Национальной конференции епископов Германии в Фульде. С 1960 года Юнгманн участвовал сначала в подготовке, а затем и в работе II Ватиканского собора (в качестве эксперта), а после его окончания стал членом Совета по исполнению решений Конституции о Священной литургии, то есть был одним из тех, кто занимался подготовкой ординарного чина мессы (*Novus Ordo*), на сегодняшний день основного для Католической Церкви.

Размышляя о задачах исторического изучения литургии в 1965 году, Юнгманн написал: «Когда литургия будет реформирована, она будет говорить сама за себя, не нуждаясь в дополнительном объяснении; это была едва ли не главная цель реформы, чтобы исторические комментарии сделать излишними... Основная работа литургики больше не состоит в том, чтобы объяснять установленное, а чтобы улучшать новое»¹²³.

«Дух литургии» Романо Гвардини

Романо Гвардини — богослов, философ и религиозный мыслитель, центральная фигура литургического движения: «итальянец по рождению, немец по образованию, европеец по духу»¹²⁴. Гвардини родился в 1885 году в Вероне, а на следующий год его семья переехала в Майнц, где находилось итальянское консульство, в котором работал отец Романо. Воспитанный в любви к итальянской культуре и итальянскому языку, Гвардини получил хорошее образование: помимо немецкого и итальянского, на котором разговаривали в семье, он знал латынь, французский и английский, увлекался Данте, Шекспиром и Стендалем и гуманистами. В 1905 году он пережил кризис веры, который впоследствии сравнивал с обращением блаженного Августина. В 1906–1908 гг. Гвардини учился в Тюбингенском университете, где изучал богословие, Священное Писание и историю Церкви. В аббатстве

---

¹²³ Ibid. S. 83.

¹²⁴ Gorevan P. Romano Guardini: Liturgy, Style, Church // Christian Wisdom Meets Modernity. Kenneth Oaks, ed. London: Bloomsbery T&T Clark 2016. P. 59.

Бойрон, которое Гвардини начал посещать во время учебы, он стал облатом¹²⁵ святого Бенедикта. В 1908 г. Гвардини поступил в семинарию Майнцкого диоцеза, и в 1910 году был рукоположен во священника. В течение двух лет он служил на приходах епархии, а затем переехал во Фрайбург. В местном университете он защитил диссертацию, посвященную св. Бонавентуре, а затем вернулся в Майнц, где служил капелланом молодежного движения «Juventus» («Молодость»).

Очевидцы вспоминают, что Гвардини обладал большим обаянием и умел сходитья с людьми, был хорошим организатором и, если требовалось, был готов отстаивать свою точку зрения до конца. Он бывал во многих местах и встречался со множеством людей, в том числе с теми, которые относились к интеллектуальной элите Германии: во Фрайбурге он познакомился с М. Хайдеггером и кардиналом Й. Фрингсом, в Бонне — с М. Шелером, М. Бубером и К. Мутом, его лекции в Берлинском университете посещали Х. Арендт и Х. Урс фон Бальтазар. Все главные деятели литургического движения знали его, и он знал их всех. С самого начала своей писательской и педагогической деятельности Гвардини стал властителем дум многих своих современников. Он не был кабинетным ученым, создающим свою богословскую систему, но предпочитал реагировать на вызовы времени и писать о том, что волновало лично его и тех, к кому он обращался. Он был чрезвычайно трудоспособным и требовательным к себе, ироничным и немногословным. О том, какое значение Гвардини имеет для Католической Церкви, говорит тот факт, что в 2017 году был начат процесс его беатификации.

В 1918 году, когда вышла первая книга Гвардини «Дух литургии», ее почти сразу назвали «главной книгой литургического движения»¹²⁶. Нестандартный подход к теме, ясность изложения, живой литературный

---

¹²⁵ Облат – клирик или мирянин, женатый или холостой, который формально присоединяется к какому-либо сообществу или монастырю и старается жить в духе его устава.

¹²⁶ см.: *Krieg R. Op. cit. P. 79.* В 2000 году книгу с похожим названием «Der Geist der Liturgie» написал кардинал Й. Ратцингер, будущий папа Римский, который неоднократно подчеркивал интеллектуальное родство своей книги с книгой Гвардини.

язык, а самое главное — актуальность поставленных в ней вопросов, способствовали тому, что количество читателей оказалось намного больше, чем ожидалось. Книга «попала во время». Ее целевой аудиторией были образованные миряне, а точнее — члены Католического союза выпускников высших учебных заведений, наставником которых был аббат Хервеген. Многие из них в то время находились на фронте, и эта книга стала для них источником утешения и вдохновения. В течение короткого времени «Дух литургии» стал настольной книгой католической молодежи и участников социальной католической акции; о ней благоприятно отзывались М. Шелер и М. Бубер. В течение последующих пяти лет после выхода книга переиздавалась двенадцать раз, и в течение двадцати лет Гвардини продолжал ее перерабатывать. С годами значение этой книги только возрастало, и сегодня она считается одним из важнейших богословских трудов католического христианства¹²⁷. «Дух литургии» занимает особое место в истории литургического движения еще и потому, что в ней намечены основные направления мысли Гвардини и особенности его богословского подхода.

В 1923 г., когда Гвардини получил должность профессора религиозной философии и католического мировоззрения в Берлинском университете, его попросили сформулировать область своего философского и богословского исследования. Гвардини ответил, что в мире существует область творения, которое исследует философия, и библейского откровения, которым занимается богословие. Когда творение просвещается светом христианского знания, образуется третья область — преображенный христианский взгляд на сотворенный мир¹²⁸. В основе богословского подхода Гвардини лежит заимствованное из феноменологии понятие «видение» (*Anschauung*) — стремление понять какое-либо явление во всей его полноте, так, как оно существует само по себе, объективно (еще одно характерное для Гвардини

---

¹²⁷ Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung... S. 63.

¹²⁸ Balthazar H. Urs von. Romano Guardini. Reform from the Source. A Communion Book, Ignatius Press: San Francisco, 2010. P. 21.

слово — «объективность», *Wirklichkeit*). Используя историю, психологию и социологию, исследователь пытается проникнуть в универсальное и неизменное человеческого существования. Постигание явления или понятия происходит во взаимной встрече познающего и познаваемого, субъекта и объекта, их взаимном проникновении и взаимообогащении. Истинное знание возникает в поле особого напряжения, которое создают два полюса — познающий и тот, кто открывает себя для познания. Такой «поворот к объекту» совершается из глубины субъективного опыта познающего, поэтому знание объективной реальности коренится в существовании личном, персональном, а постижение вечности — в опыте проживания во времени.

Для описания тварного мира и сверх-природной реальности, Церкви, Гвардини использует два основополагающих принципа — единства творения и оппозиции (или единства противоположностей, *der Gegensatz*). Следуя своим учителям — св. Бонавентуре и Й.А. Мелеру, Гвардини считал, что весь тварный мир представляет собой единство разных уровней бытия. Все сотворенное в той или иной степени разделяет полноту существования, Источником которого является Бог. Целью человеческой жизни является воссоединение с Богом, которое совершается и каждым человеком в отдельности, и в единстве со всеми членами Церкви. Единство христианской общины создается Святым Духом. Только в Церкви возможно достижение полноты человеческого существования во Христе. Церковь есть Тело Христово.

Литургия не является продуктом человеческого ума, а представляет собой совершенное правило духовной жизни, объективную данность, которая живет по законам, установленным Церковью¹²⁹. Литургия существует также во времени и проявляет себя через культуру; развивается в истории, но коренится во Христе и Его Церкви. Для того, чтобы описать эту объективную реальность, Гвардини отказывается от дедуктивного метода размышления, характерного для неосхоластики. «Дух литургии» написан

---

¹²⁹ *Guardini R. Vom Geist der Liturgie. Herder Bücherei. Freiburg. Basel. Wien, 1962. S. 19.*

«индуктивно» — с опорой на опыт, непосредственное впечатление, интуицию. В нем нет места умозрительным построениям и теориям, не получающим подтверждения в конкретной реальности бытия. Реальность описывается путем сопоставления противоположных понятий. Согласно «закону оппозиции», некоторые из этих пар при внешнем различии представляют собой внутреннее единство (объект — субъект, индивид — община, тело — душа, игра — серьезность, свобода — подчинение), а некоторые, при видимом сходстве — глубокое несоответствие (символ — знак, стиль — порядок, логос — этос). Благодаря такому подходу Гвардини хочет сохранить за литургией ее объективный и вневременный характер, одновременно учитывая субъективный опыт и культурный контекст, в котором существуют литургический текст и вся Церковь.

В отличие от своих коллег-историков (Баумштарка, Мольберга, Юнгманна), Гвардини почти не говорит об этапах исторического развития литургии. Его интересуют базовые принципы, позволяющие сохранить объективный характер главного христианского богослужения. Все они, так или иначе, объединяются в центральном для Гвардини понятии «стиля» (*Liturgischer Stil*). «Стилем» Гвардини называет единство таких признаков, которые свидетельствуют о жизнеспособности и неповторимости человека или явления. Стиль возникает в тот момент, когда тот или иной жизненный принцип находит свое окончательное и истинное выражение¹³⁰. Стилем обладает такое явление, в котором универсальные, вневременные элементы преодолевают единичные, случайные и преходящие. Максимальной чистоты выражения стиль достигает в произведениях искусства, самым совершенным из которых является литургия. «Если размышлять о литургии как о едином целом, — пишет Гвардини, — мы увидим и почувствуем, что внутренний мир необычайной глубины и ширины обладает таким богатством и совершенством выражения и в то же время такой ясностью и универсальностью формы, которой никогда не было ни до, ни после нее. В

---

¹³⁰ Ibid. S. 59.

строгом смысле слова литургия и есть стиль — ясный язык, размеренные движения, правильное соотношение пространства, предметов, цветов и звуков; все ее элементы — мысль, слово, жест и изображение — сформировались из простых элементов жизни человеческой души»¹³¹. Литургический стиль формирует повседневную христианскую жизнь. «Только католическая система жизни и мысли — актуальная и универсальная, — может быть принята всеми без исключения»¹³².

Говоря о том, как преодолеть трудности восприятия литургии, Гвардини признает, что в сознании современного человека существует разрыв между евангельским Христом и Христом литургии, между практиками личного благочестия и соборной молитвой, между личной свободой и подчинением церковным установлениям. Этот разрыв преодолевается, если не разделять эти понятия, а дать им возможность «работать» вместе. В каждой такой антиномичной паре одно не может существовать без другого, как душа без тела. Исторический Христос в литургии не исчезает (например, в евангельских чтениях), однако именно образ Христа-Царя, Первосвященника и Судии живых и мертвых сообщает литургии вневременный характер. Индивидуальная молитва, в которой человек волен просить так, как он хочет и о чем хочет, уравнивается строгим правилом соборной молитвы. Литургия объективна, потому что выражает не те эмоции, которые испытывает отдельный человек, а эмоции, которые он должен испытывать; она выражает не просто человека, а человека, преображенного светом истины. «Сердце должно быть направляемо, поддерживаемо и очищено разумом... Литургия — это эмоция под строгим контролем»¹³³. Высшее проявление христианской свободы выражается в добровольном отказе от своих желаний и послушании Церкви. При этом человеческая индивидуальность в литургии не растворяется в

---

¹³¹ Ibid. Ss. 64-65.

¹³² Ibid. S. 71.

¹³³ Ibid. S. 28.

общей массе, и человек продолжает оставаться тем, кто он есть. Объективный характер литургии позволяет ей быть источником веры.

Примирение личного и общинного достигается в том, что адресатом молитвы многих является Один — Господь. Литургия — это молитва Церкви, основанием которой является Сам Христос. Именно поэтому она представляет собой предельно объективный способ молитвы. «Церковь — это структура сложных и невидимых жизненных принципов, средств и целей, действий, людей, порядка и законов. Она состоит из верных христиан; однако она есть более, чем простое их единство, которое регулируется системой убеждений и правил. Верные соединены жизненным и фундаментальным принципом, общим для всех. Этот принцип — Сам Христос»¹³⁴.

II.2.4. Вопрос о литургическом образовании

Поднимая вопрос об активном участии в богослужении, Гвардини обозначает две задачи литургического движения: воспитание способности к совершению литургического акта (*Liturgiefähigkeit*) и поиск гармоничного сочетания субъективного и объективного в молитвенной жизни Церкви. Проблемы понимания литургии возникли на почве культуры, и их разрешение возможно также в пространстве культуры, но преображенной светом Откровения. Так Гвардини ставит вопрос о литургическом образовании.

Согласно Гвардини, литургическое образование (*Liturgische Bildung*) — это не только религиозное просвещение, но изменение религиозного сознания, попытка привести отдельных людей и целые общины к пониманию сущности литургической жизни. В силу разных причин это понимание искажено или утрачено, и без его восстановления литургическая реформа не

---

¹³⁴ Ibid. S. 46.

имеет смысла. В книге «Дух литургии» и в позднейших своих работах Гвардини выделяет несколько критериев литургического образования:

- восстановление символичности мышления

В сознании современного человека религиозная жизнь связана исключительно с жизнью души, а телесность — только придаток, несовершенство, от которого нужно избавиться. Для материалиста, напротив, душа перестала существовать, а тело превратилось в биологический организм, который существует сам по себе. Искаженное представление о соотношении духовного и телесного приводит к утрате понимания того, что такое символ. «Символ возникает тогда, когда внутреннее и духовное находит свое выражение во внешнем и материальном... Тело — это символ души, и любое произвольное физическое движение соответствует какому-то движению души»¹³⁵. Проблема современных христиан в том, что они неспособны самостоятельно «создать» и «прочитать» символ, сообщая материальным объектам и внешним действиям духовное содержание. В результате все внешние элементы богослужения (вход, каждение, жесты) и его материальные признаки (свеча, кадило, облачения, вода) воспринимаются как эстетическое наслаждение, как часть некоей церемонии, вызывающей благочестивые чувства, но оторванной от корней человеческого бытия. Гвардини обращает внимание на то, что литургия как единое целое также представляет собой символическое действие, в котором христиане являют себя как Тело Христа (и каждый из них также символ Христа). Способность «произведения» и «прочтения» символа возникает в культурном пространстве, поэтому Гвардини придает большое значение изучению произведений искусства, чтению и вообще развитию творческих способностей.

- восстановление главенства логоса над этосом

---

¹³⁵ Ibid. S. 80.

В философии индивидуализма произошло смещение центра тяжести от логоса (знания) в сторону этоса (воли). Понятие «истины» раскололось на множество «личных истин», а на первое место вышло действие, дело, совершаемое конкретным индивидом или сообществом. Этот сдвиг породил ситуацию, в которой знание стало противопоставляться вере, этос получил превосходство над логосом. Научное исследование стало восприниматься как единственно верное. В религиозной жизни смещение центра тяжести от логоса к этосу означает индивидуализацию веры, отрицание объективной религиозной истины, опора на достижение практического результата, умаление созерцательной жизни в пользу активного делания. В конечном счете это приводит к обмирщению и угасанию настоящей религиозной жизни. Человек разучился просто существовать, не знает, что делать, если перед ним не стоит конкретная цель. «Действию» и «целеполаганию», которые связаны с волей (этосом), Гвардини противопоставляет «бытие» и «смысл», характерные для истинного познания (логоса). В этом смысле участие в литургии похоже на детскую игру или на произведение искусства. «Практика литургии предполагает, что с помощью благодати, под управлением Церкви, мы становимся живыми произведениями искусства перед Богом, не с какой-либо иной целью, как просто быть и находиться в Божием присутствии; это означает следовать Божьему слову и становиться маленькими детьми; это означает преодоление зрелости со всей его целеустремленностью и отдаться игре, как Давид, который танцевал перед ковчегом»¹³⁶.

- восстановление объективного характера литургии

«Литургия не говорит «я», но «мы», если только не совершается действие, которое требует единственного числа... Литургия не совершается одним, но общиной верующих»¹³⁷. Литургия объективна, потому что (1) дарована Богом; (2) выражает веру, чувства, эмоции, мысли не одного

¹³⁶ Ibid. S. 104.

¹³⁷ Ibid. S. 45.

человека, а всех вместе; (3) эти чувства и мысли предстают в литургии такими, какими они *должны* быть. Только в объективном образе молитвы человек может найти смысл своего личного существования и увидеть в себе образ Божий. Литургия формирует человека через слова, жесты и положение тела, в ней нет ничего случайного и чрезмерного. Индивидуализм, возникающий как болезнь человеческой воли, преодолевается послушанием — добровольным подчинением объективной реальности литургии. Целостный подход к литургии позволяет понимать ее не только как таинство или последовательность обрядов, но как форму жизни и способ мышления, основу христианского мировоззрения.

- восстановление литургического благочестия

Понятие «литургическое благочестие» предполагает, что образцом для молитвенной жизни христианина является богослужение, которое учитывает все особенности и слабости человеческой природы. Неспособность современного человека принять литургию во всей ее полноте, понять ее сложный язык, постоянное умственное и физическое напряжение, которого она требует, приводят к тому, что он прибегает к более понятным паралитургическим молитвенным практикам: чтению розария или поклонению Дарам. Гвардини считает, что обе молитвенные практики (литургическая и внелитургическая) могут сосуществовать друг с другом. Более того: личная молитва может обогатить литургическую и стать ее частью. «Рядом с литургией должна продолжать свое существование личная молитвенная практика, которая отвечает духовным запросам и нуждам каждого человека. От нее литургическая молитва получает теплоту и самобытную интонацию»¹³⁸.

Поднимая вопрос о литургическом образовании, Гвардини ставил перед собой цель восстановить способность к совершению литургического акта, в котором каждый христианин и вся община в целом, могли бы

---

¹³⁸ Ibid. S. 72.

сознательно и активно, телесно и духовно, сердцем и разумом, участвовать в литургии. Однако решить поставленные задачи, находясь в рамках науки о литургии, не представлялось возможным. Гвардини считал, что христианское мировоззрение и церковная жизнь возникают только в процессе совместного действия: «Путь к литургической жизни — это не столько путь наставления, сколько путь делания. Видение и делание — вот то основание, на котором зиждется все остальное... Делание — это что-то простое, неразложимое на меньшие элементы, то, в чем должен участвовать весь человек, со всеми его творческими способностями; это жизнь, происходящая здесь и сейчас, это живой опыт, восприятие, видение»¹³⁹. Литургическое образование существует не для того, чтобы научить правильно себя вести, а для того, чтобы по-христиански смотреть на мир. В его основании лежит личный опыт и свидетельство других людей, а не книги и какие-либо другие вспомогательные средства. Знакомство, а затем и участие в молодежном католическом движении Германии, предоставили Гвардини широкие возможности для того, чтобы достичь цели всей его жизни — «пробудить Церковь в душах людей».

II.2.5. Литургические исследования в бенедиктинских монастырях

Понятие «бенедиктинская духовность» (или «духовное правило бенедиктинцев») включает в себя несколько составляющих: следование монашескому правилу св. Бенедикта, общинную жизнь, послушание и гостеприимство. В центре жизни бенедиктинского монастыря находится богослужение, которое формирует и регламентирует жизнь монашеской общины. Литургическая молитва сочетается с древней традицией ежедневного чтения Священного Писания — *lectio divina*. Изучение

---

¹³⁹ *Guardini R. Von Heiligen Zeichen. Matthias Grünewald Verlag, 1927. S. 10.*

монашеского богослужения и насколько возможно точное следование его предписаниям составляет неотъемлемую часть бенедиктинской традиции. Начало литургического движения связано с монастырями Франции и Бельгии, а его расцвет — с монастырями Бойронской конгрегации. Центром литургических исследований XX в. в Германии стало аббатство Мария Лаах (земля Райнланд-Пфальц).

Аббатство Мария Лаах было основано в 1093 г. В 1801 году французскими оккупационными властями оно было лишено своих имущественных прав, а в 1815 г. его собственность была передана в распоряжение прусского правительства. В 1863 г. бывшее аббатство приобрели немецкие иезуиты, которые занимались здесь научной работой и в частности, выпускали издание «*Stimmen aus Maria Laach*» (позднее — «*Stimmen der Zeit*»). В 1872 году, во время «культурной борьбы», иезуиты были вынуждены уйти из монастыря, а само аббатство и его имущество было продано Бойронской конгрегации. После получения разрешения Вильгельма II в 1892 г. из аббатства Бойрон сюда переселились будущий аббат Виллиброрд Бенцлер и несколько монахов. Среди них было 11 учащихся богословской семинарии аббатства Бойрон, которые стали «семенем» будущей научной работы в монастыре. Со временем число насельников увеличивалось, и в конце XIX в. в Мария Лаах был основан философский институт. В период с 1895–1965 гг. в нем проходили обучение 415 слушателей, в основном клирики Бойронской конгрегации¹⁴⁰.

Научная деятельность обители св. Мартина в Бойроне была сконцентрирована на исследовании Библии, григорианского пения и церковного искусства. Одним из самых известных учреждений Бойронского аббатства стал основанный в 1912 г. А. Дольдом Палимпсест-институт, занимавшийся поиском и расшифровкой библейских текстов. «Дочерняя» обитель Мария Лаах уделяла больше внимания богослужению, истории

---

¹⁴⁰ см.: Neunheuser B. Die Philosophische Hochschule der Abtei Maria Laach. 1894/95- 1965/66 // Ecclesia Lacensis. Beiträge zur Geschichte des alten Mönchtums und des Benediktinertums. Hrsgb. von Emmanuel von Severus. Aschendorff Münster, 1993. Ss. 241-245.

Церкви и монашества. Монастыри конгрегации (в т.ч. австрийские и бельгийские) и бенедиктинский колледж св. Ансельма в Риме тесно сообщались друг с другом, благодаря чему наиболее способные студенты получали возможность продолжать обучение на более высоком уровне: так, в 1908–1913 гг. О. Казель обучался в Сан-Ансельмо, а К. Мольберг в 1905–1911 гг. — в Лувене. С начала XX в. аббаты Мария Лаах отправляли талантливых студентов в находившийся поблизости Рейнский Боннский университет Фридриха Вильгельма. Преподавателями философского института Мария Лаах были не только его выпускники, но и братья, получившие докторскую степень в светских университетах.

В 1913 году, в возрасте 44 лет, аббатом монастыря Мария Лаах был избран Ильдефонс Хервеген. Ближайший соратник Хервегена называет его «настоящим ученым немецкого типа»¹⁴¹: в годы обучения он всячески уклонялся от изучения схоластики и интересовался естественными науками, особенно в области их применения к изучению богослужения. Начиная с 1901 г. Хервеген изучал философию и богословие в бенедиктинских монастырях Германии и Бельгии и академии св. Ансельма в Риме, а в 1904–1907 гг. учился в Боннском университете, где под руководством историка церковного права Ульриха Штутца изучал устав св. Бенедикта Нурсийского и литургическое искусство. По складу характера Хервеген был тем, кого обычно называют «духовным лидером»: прирожденным монахом, хорошим администратором, умным и решительным человеком, а по своим политическим убеждениям — монархистом, противником республиканского устройства и патриотом Германии. Круг знакомств аббата был очень значителен: начиная от кайзера Вильгельма II, аристократической и политической верхушки Пруссии и заканчивая почти всеми деятелями литургического движения, которые называли его не иначе, как «досточтимый отец» («hochwürdigste Pater»).

---

¹⁴¹ *Hammenstede A.* Erinnerungen eines Laacher Mönches: autobiographische Aufzeichnungen. Maria Laach 1996. S. 112.

За более чем тридцать лет своего настоятельства (1913–1946 гг.) Хервегену удалось сделать Мария Лаах центром литургического движения¹⁴²: он сам проводил еженедельные беседы с братией монастыря, организовывал конференции, литургические недели, издавал книги и журналы, а в 1931 году основал литургическую монашескую академию¹⁴³. Результаты работы Хервегена и его соратников были впечатляющими. В 1921 году, когда начал издаваться «Литургический альманах», научная жизнь монастыря была настолько интенсивной, что фамилии монахов аббатства стояли в оглавлении рядом с фамилиями Баумштарка, Казеля и Лицманна. Некоторые из братьев монастыря занимались исследованием источников (как К. Мольберг или А. Рюкер), кто-то — историей Церкви и монашества (как Б. Фишер и С. Хильпиш), кто-то — структурой богослужения (как Т. Михелс и Б. Нойнхойзер).

В 1924 году в издательстве святого Августина вышел сборник «Молящаяся церковь» («*Die betende Kirche*»)¹⁴⁴ — фундаментальное исследование, подготовленное аббатством Мария Лаах, в котором рассмотрены все возможные аспекты церковного богослужения — начиная от смысла литургии и заканчивая символикой облачений. По настоянию Хервегена монах аббатства А. Винтерзиг написал книгу пастырского характера «Литургия и женская душа», монахиня из Херштелле Эмилиана Лёр — размышления на воскресные и праздничные дни¹⁴⁵. Благодаря системе сообщающихся сосудов некоторые монахи отправлялись в другие монастыри и даже были участниками экуменических контактов. Например, в 1928 г. Томас Михелс принимал участие в основании Католического университета Зальцбурга, Дамас Винцен встречался с выдающимся лютеранским богословом Карлом Бартом, а Виктор Варнах — с католическим

---

¹⁴² По свидетельству Хамменштеде, самому аббату не нравилось словосочетание «литургическое движение» из-за слова «движение», которое, как он думал, несвойственно размеренному характеру литургии. См.: *Hammenstede A.* Op. cit. S. 142.

¹⁴³ См.: *Neunheuser B.* Towards a history of Maria Laach... Pp. 221-225.

¹⁴⁴ См.: *Die Betende Kirche.* Ein liturgisches Volksbuch. Sankt Augustinus Verlag, Berlin 1924. 509 S.

¹⁴⁵ См.: *Chupungco A.* Handbook for Liturgical Studies: Introduction to the liturgy. The Pontifical Liturgical Institute. A Pueblo Book. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota. 1997. Vol. 1. P. 173.

архиепископом Падерборна Ларсом Ягером, основателем экуменического института имени Й.А. Мелера¹⁴⁶.

Некоторым из монахов Мария Лаах суждено было пережить Вторую мировую войну, вступить в новое время и выйти из тени своего наставника. В 1950 г. К. Мольберг стал директором литургического института в Сан-Ансельмо; в 1947 г. Б. Фишер возглавил новообразованную кафедру литургии на теологическом факультете Трира; а Б. Нойнхойзер (кстати, автор словосочетания «Семья — малая Церковь»¹⁴⁷) в 1970–1984 гг. был консультантом конгрегации богослужения и дисциплины таинств, одним из консультантов II Ватиканского собора и в 1964 г. вошел в состав Совета по исполнению Конституции о Священной литургии *Sacrosanctum Concilium*, задачей которого была реализация соборных постановлений о богослужении на практике¹⁴⁸.

II.2.3. Выводы

Наука о литургии, или литургика (*Liturgiewissenschaft*) — богословская дисциплина, которая изучает богослужение как правило веры христианской Церкви. Концепция литургики возникла у немецких ученых К. Мольберга и Р. Гвардини как результат их стремления насколько возможно точно описать смысл и значение литургии, используя при этом современные методы научного исследования. Одной из главных задач литургики было найти вневременную основу богослужения (в литургической литературе — «закон», «стиль», «первоначальная форма»), отделив ее от позднейших, случайных и временных вставок и добавлений. Уже на первых порах существования новой науки возникли несколько концепций, представляющих разные подходы к историческому материалу, которые

¹⁴⁶ Neunheuser B. Die Philosophische Hochschule... S. 253.

¹⁴⁷ Langenbahn S.K. Burkhard Gottfried Neunheuser OSB (1903-2003) // Archiv für Liturgiewissenschaft. 56 (2010). S. 846.

¹⁴⁸ Ibid. S. 847.

можно с известной долей условности можно назвать «сравнительный», «структурный», «системный» и «мистический».

Сравнительная литургика, основателем которой был А. Баумштарк, выявляет общие принципы, затрагивающие эволюцию литургии и литургические обряды, а также законы развития литургических текстов и структур. «Морфологическая» литургика Юнгманна ищет первоначальную структуру богослужения, которая лежит в основе его позднейших редакций. «Системный» подход Гвардини занимается поиском объективно существующих форм выражения жизни человеческого духа. В центре «мистического» богословия Казеля находится идея о присутствии Христа и Его спасительных деяний в церковных таинствах.

Благодаря соединению научных и богословских методов исследования и, конечно, масштабу личности этих литургистов, литургия стала восприниматься не только как чинопоследование, в котором одна рубрика сменяет другую, и не только как приложение к церковным догматам, а как богословие по преимуществу. Церковь свидетельствует о своей вере и действует в согласии с этой верой на литургии. Ученые-литургисты обратили внимание на то, что богослужение представляет собой определенную диалогическую структуру, в которой говорит и действует Бог, а Церковь не только принимает плоды Его искупительного подвига, но и отвечает Ему. В объективно существующей форме совместной молитвы уравниваются частное и общее, духовное и телесное, божественное и человеческое. Этот вывод был сделан на основании исследований западной и восточной богослужебных традиций, каждая из которых имеет множество вариантов. «Открытие» восточной литургии — одна из безусловных заслуг литургического движения.

Наука о литургии утверждает, что богослужение одновременно является продуктом исторического развития и выражением вневременной природы Церкви. Понимание того, что такое литургия, как она растет во времени и как взаимодействуют ее отдельные элементы, создает почву для

воскрешения утраченного и для созидания нового — в рамках традиции, согласно литургическим законам. Это открывает еще одно, пастырское, измерение литургики. Научные исследования не просто исследуют тексты; они готовят почву для того, чтобы христиане принимали активное и сознательное участие в литургии. Литургика — основа литургического образования: «Живая литургия, в которой активно участвует народ, веками была самым важным инструментом пастырской заботы»¹⁴⁹.

Научные методы немецких литургистов и полученные ими результаты неоднократно подвергались критическому анализу. Тем не менее, их заслуги перед наукой о литургии не подвергаются сомнению. Говоря словами Р. Тафта, «мы можем учиться у них стилю работы и мысли, поскольку этот стиль по сей день весьма эффективен... Суть не в том, правильными ли оказались [их] теории, а в том, что мы можем извлечь из их способностей проникать в суть вещей»¹⁵⁰.

II.3. Переходный этап литургического движения. Образование центров литургического апостолата

Особенностью переходного этапа литургического движения было образование просветительских и культурных центров в аббатстве Мария Лаах и в Бург Ротенфельсе, возникших на волне духовного сопротивления трагическим последствиям Первой мировой войны в результате синтеза бенедиктинского монашества и немецких католических союзов — Католической ассоциации выпускников высших учебных заведений и молодежных движений. Деятельность этих центров была направлена на литургическое образование и распространение католического мировоззрения.

---

¹⁴⁹ *Jungmann J.A.* “The Pastoral Idea in the History of the Liturgy”. *The Assisi Papers: Proceedings of the First International Congress of Pastoral Liturgy*. Assisi-Rome, 1956. P. 29 // *Reid A.* *The Organic Development of the Liturgy*. Ignatius Press, San Francisco, 2005. P. 166.

¹⁵⁰ *Тафт Р.* Указ. соч. С. 190.

II.3.1. Католическая Германия после окончания Первой мировой

войны

Первая мировая война принесла катастрофические последствия для Германии: поражение, около 2 млн. погибших на фронте, сотни тысяч умерших от голода и эпидемий, 4,5 млн. инвалидов. Человеческие потери сопровождало политическое унижение: в соответствии с Версальскими мирными соглашениями Германия теряла седьмую часть территории и десятую часть населения. На нее возлагалась единоличная ответственность за развязывание войны, она должна была компенсировать державам-победительницам военные расходы и причиненный ущерб. В ноябре 1919 года, когда отрекся от престола и бежал в Бельгию кайзер Вильгельм II, была образована Веймарская республика. По причине огромного объема репарационных сумм в стране началась гиперинфляция, которая привела к развалу финансовой системы и шести миллионам безработных. Чувства ожесточения, недовольства, отчаяния, царившие среди народа, довершали эту неприглядную, часто хаотическую, картину¹⁵¹.

Но экономические трудности не сломили немцев. Напротив, «таинственная реальность пробудилась в человеческих сердцах»¹⁵². Вместе с крушением былых надежд послевоенная Германия пережила духовный подъем. Вся интеллектуальная элита — писатели, философы, ученые, политики, — были захвачены идеей возрождения немецкого народа, идеей единства немецкой нации. Отличительной чертой «народного духа», ключом к пониманию основ национального бытия они считали чувство общины — «*Gemeinschaft*», которое не поддается рациональному анализу, познается в непосредственном опыте и сродни религиозному переживанию.

Положение Католической Церкви Германии в период Веймарской республики было двояким. С одной стороны, католики продолжали

¹⁵¹ См.: *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. Сс. 37-62.

¹⁵² Цит. по: *Krieg R.* Op. cit. P. 50.

испытывать последствия «культурной борьбы», когда протестантам, составлявшим большинство населения¹⁵³, принадлежало первенство во всех областях общественной жизни. В результате «не только воцерковленные евангелические христиане, но и секуляризованные «культур-протестанты» все еще склонялись к тому, чтобы видеть в католиках немцев второго сорта»¹⁵⁴. Правительство Веймарской республики вело подчеркнуто секулярную политику: в соответствии с новой конституцией религия была отделена от государства, а в конце ноября 1918 г. преподавание религии было исключено из списка школьных дисциплин¹⁵⁵. Но, несмотря на последствия «культурной борьбы», войны и безразличия со стороны государства, именно в Веймарской республике католики впервые получили возможность полноценного участия в политической и общественной жизни. В правительстве католиков представляла партия Центра, которую в 1928 г. возглавил прелат Людвиг Каас. Многие знаменитые интеллектуалы — М. Шелер, Э. Штайн, Д. фон Хильдебранд, Т. Хекер — обратились в католицизм. В это время появились классические произведения немецкого богословия XX века: «Сущность католицизма» («*Das Wesen des Katholizismus*», 1924) Карла Адама, «Догмат и жизнь» («*Dogma und Leben*», 1921–25 гг.) Энгельберта Кребса, «Смысл Церкви» («*Vom Sinn der Kirche*», 1922) Романо Гвардини, множество публицистических и художественных произведений.

В 1915 году в литературно-публицистическом журнале «Хохланд» («*Hochland*») были опубликованы статьи Макса Шелера «Новая социологическая ориентация и задача немецкого католицизма после войны» (1915 г.) и «Христианская идея единства и современный мир» (1916 г.). Шелер писал о том, что в результате разрушительных последствий индустриализации первой половины XIX в. немцы отдалились друг от друга

---

¹⁵³ Согласно официальным данным, в 1925 году в Германии насчитывалось 64% протестантов и 32% католиков (см.: *Das Ende der politisierten Sozialstruktur?* / herausgegeben von Frank Brettschneider, Jan van Deth, Edeltraud Roller. Springer Wasmедien Wiesbaden GmbH, 2002. S. 135).

¹⁵⁴ Винклер Г.А. Веймар 1918—1933: история первой немецкой демократии = Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. — М.: [РОССПЭН](#), 2013. С. 357.

¹⁵⁵ Там же. С. 56.

и своих народных корней. Для того, чтобы воссоздать прежний, правильный, порядок вещей, общество должно вновь обрести религиозное измерение жизни. Силой, которая способна это совершить, Шелер считал католицизм: «Главная сила католицизма состоит в том, что организация верующих осознает, что его основа — это непосредственное чувство взаимной ответственности одного человека перед другим»¹⁵⁶. В соответствии с предсказанием Шелера, по окончании войны в Германии начался расцвет общественных организаций и групп, в корне которого находилась тоска по народному единству.

В 20-е годы в Германии было образовано огромное количество союзов, ассоциаций и групп, многие из которых носили конфессиональный характер. Наиболее значительными из них были сообщества католиков-ученых (*Görres-Gesellschaft, Katholischer Akademikerverband*) и молодежные католические организации (*Bonifatius-Korrespondenz, Quickborn, Neudeutschland*). Общее настроение этого времени точно выражено в словах Романо Гвардини: «Пробуждение Церкви в душе» (*«Das Erwachen der Kirche in der Seele»*)¹⁵⁷.

II.3.2. Католическая ассоциация выпускников высших учебных заведений

В большинстве источников началом литургического движения Германии считается страстная седмица 1913 года, когда несколько молодых немецких интеллектуалов впервые посетили аббатство Мария Лаах. Стремление Ильдефонса Хервегена распространить идеи, заложенные в уставе св. Бенедикта, встретилось с желанием образованных мирян положить конец культурной и политической изоляции Католической Церкви Германии.

---

¹⁵⁶ Цит. по: *Krieg R. A.* Op. cit. P. 48.

¹⁵⁷ См.: *Guardini R.* Das Erwachen der Kirche in der Seele // Vom Sinn der Kirche. Mainz: Matthias Grünewald, 1922. S. 1.

Видимым выражением литургического апостолата стала Бенедиктинская академия Мария Лаах, выражением апостолата мирян — Союз католиков, получивших академическое образование (впоследствии Католическая ассоциация выпускников высших учебных заведений, *Katholischer Akademikerverband, KAV*).

Во встрече, которая состоялась в аббатстве Мария Лаах в 1913 году, приняли участие недавние студенты, нарождающаяся интеллектуальная элита Германии и Франции: будущий рейхсканцлер Германии Хайнрих Брюнинг, будущий министр иностранных дел Франции Роберт Шуман, филолог и культуролог Херманн Платц, богослов и педагог Теодор Абеле, священник, секретарь ассоциации Франц Ксавьер Мюнх, священник и богослов Пауль Симон, философ Алоиз Демпф. Все они находились в дружеских или товарищеских отношениях (их связывали годы совместной учебы в университетах южной Германии и Эльзаса), все были верующими католиками, все разделяли убеждение в том, что немецкая культура нуждается в новой христианизации, а немецкое общество — в католическом мировоззрении («*Weltanschauung*»). «Наша задача, — писал Мюнх, — имеет религиозную природу: глубже проникать в жизнь мистического тела Христова, исполняться духом, который в ней течет, чтобы с живым и бодрым сознанием призванных Главой этого Тела найти в себе Его образ... и из любви к Нему, движимыми Его Духом, внести Его в неверующий и страдающий мир»¹⁵⁸.

Возникшая в 1913 году ассоциация быстро росла: в 1919 в ней насчитывалось 75, а в 1925 г. — уже 180 местных отделений и 16 тысяч членов¹⁵⁹. Их деятельность предполагала проведение конференций, встреч, бесед, издательскую деятельность и совместное участие в богослужениях. Ассоциация была сконцентрирована на разработке понятия католического мировоззрения — синтезе богословия, педагогики и социологии, что, в свою

¹⁵⁸ Münch F.X. Der Katholische Gedanke. Sinn und Ziel // Der Katholische Gedanke. Theatiner Verlag, München, 1924. S. 1.

¹⁵⁹ Kurth H.H. Achtzig Jahre Katholischer Akademikerverband // Renovatio. Zeitschrift für das Interdisziplinäre Gespräch. Heft 1. 50 Jahrgang. März 1994. S.2.

очередь, предполагало участие в политической жизни. Ассоциация выпускала альманах «Католическая мысль» («*Der Katholische Gedanke*»), задачей которого было подробное изложение учения и жизни Католической Церкви. В 1928 г. Пий XI даровал ассоциации право осуществлять апостольство мирян. В 1931 г. ассоциация инициировала создание Зальцбургских недель для учащихся высших учебных заведений, которые знакомили образованных мирян с результатами научных исследований Священного Писания и литургии.

Вспоминая о тех, кто оказал на «академиков» наибольшее влияние, Х. Платц указывает на культуролога, философа, профессора догматического богословия Вюрцбургского университета Херманна Шелля (1850–1906 гг.). В своих работах Шелль призывал католиков к открытости современному миру и признанию ценностей, которые его формируют — таких, как личная свобода и инициатива, интеллектуальная честность и жажда справедливости¹⁶⁰. Шелль призывал отойти от семинарской схоластики, обратить внимание на библейское богословие и творения святых отцов и создать новый синтез веры и знания, который отвечал бы запросам современного человека. Шелль определяет христианство как «принцип развития», который оживляет и стимулирует культурный процесс. Человеческая культура, получающая «прививку» сверхприродной благодати, становится продолжением Божия творения в истории. Шелль считал христианство преобразующей и созидующей силой, которая способна не только изменить человеческое общество, но и привести весь материальный мир к своей конечной цели — соединению с Богом. Совершенствование творения происходит с помощью конкретных людей, добровольных посредников, объединенных в благодатном теле Церкви. «Шелль был убежден в том, что действие Божие в жизни каждого человека может достичь своей цели только когда индивид, сознательно являющийся членом общины,

---

¹⁶⁰ Griener G.E. Hermann Schell and the Reform of the Catholic Church in Germany. Theological Studies (54) 1993. P. 449.

работает для преобразования общества в целом»¹⁶¹. Шелль настаивал: для того, чтобы таких людей было больше, их нужно готовить, учить, выращивать. Важнейшую роль в этом процессе он отводил образованным мирянам. «В 1900 году Теодор Абеле и автор этих строк встретились у ног Шелля, — писал Х. Платц, — Мы благодарили его за то, что он помог нам углубить наше религиозное познание и вложил в нас веру в то, что мы можем бороться с любыми опасностями, угрожающими Церкви. Мы помним, как еще в 1897 году он настаивал на том, что спасительным средством от повреждений [в обществе] является отвечающее идеалу всеобщего священства использование потенциала католиков-мирян, особенно получивших высшее образование...»¹⁶².

Если студенты воспринимали лекции Шелля с благодарностью, оценка некоторых его работ со стороны церковной власти была прямо противоположной. В 1898 г. Ватикан включил работу «Католицизм как принцип прогресса» в список запрещенных. Похожая ситуация была и с другими учеными (преимущественно историками Церкви и церковного права), с которыми общались «академики»: А. Эрхардом, Х. Шрерсом, У. Штутцем, С. Меркле. Для официальной католической иерархии они казались слишком прогрессивными и даже «неблагонадежными»¹⁶³, но их объединяло желание доказать, что католицизм совместим с современностью и что его социальный потенциал гораздо больше, чем принято считать. Они проводили семинары, печатали книги, сотрудничали в журналах, общались с большим количеством людей, в том числе из протестантского мира. Что касается собственно студенческой среды, то «академики» взяли за основу опыт французских студенческих союзов, которые, в отличие от немецких, не ограничивались обсуждениями внутри корпорации, а распространяли свои идеи максимально широко.

---

¹⁶¹ Ibid. P. 438.

¹⁶² Platz H. Von Schell zu Festugiere. Wie wir zur Liturgie gekommen sind. Beitrag zur Entwicklung unserer Erkenntnis-Gemeinschaft, in: Das Wort in der Zeit, Heft 7/8, Jg. 2 (1935). S. 90.

¹⁶³ См., напр., о «случае Шрерса»: *Schloßmacher N.* Heinrich Schrörs (1852-1928), Kirchenhistoriker [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rheinische-geschichte.lvr.de/persoenlichkeiten/S/Seiten/HeinrichSchrörs.aspx> (дата обращения: 3.03.2018).

Еще одним источником, который питал ассоциацию «академиков», было *«renouveau catholique»* — движение по обновлению церковной жизни во Франции. Так же, как и немецкое, его составляли интеллектуалы анти-либеральных и анти-модернистских воззрений; так же, как их немецкие собратья, они стремились воссоздать французскую национальную культуру на основе католической веры. В периодическом издании католического обновления Франции, «Бюллетене католических профессоров университетов» (*«Bulletin des Professeurs catholiques de l'Universite»*), сотрудничали Ш. Пеги, Э. Бауманн, П. Клодель и Л. Блуа. В начале века, когда в Германии еще не было разработанной концепции литургии, образованные католики читали французские книги. Одной из самых важных стала работа монаха аббатства Маредсу Мориса Фестюжье «Католическая литургия» (1913), которую Платц называет «книгой удивительной свежести и свободы духа, которую мог написать только такой человек, освобожденный от тягостных уз религиозного индивидуализма и перед лицом мертвящего запустения должен был освободить французскую Церковь»¹⁶⁴. Как и его предшественник Л. Бодуен, Фестюжье обращал внимание на воспитание литургического благочестия. В своих рассуждениях он опирался в основном на внецерковные источники, отталкиваясь от недостатков современной философии в ее рассуждениях на религиозные темы. «Фестюжье понимал, — замечает А. Грилло, — что дело литургического обновления нельзя эффективно двинуть вперед, если не принимать во внимание каждодневно меняющиеся человеческие убеждения и теоретические основы современного мировоззрения»¹⁶⁵.

В 1914 году о Фестюжье написал Р. Гвардини: «...он попытался заложить систематические и психологические основы того, чем занимались историки Каброль и Морен. Я очень обрадовался этой книге, приходит новое

---

¹⁶⁴ Platz H. Von Schell zu Festugiere... S. 96.

¹⁶⁵ См.: Grillo A., Meyer-Blanck M. Einführung in die liturgische Theologie. Zur Theorie des Gottesdienstes und der christlichen Sakramente. Arbeiten zur Pastoraltheologie, Liturgik und Hymnologie., Band 049 1. Auflage 2006. Ss. 102-105.

время!»¹⁶⁶. Рассказывая о влиянии Фестюжье на круг «академиков», Х. Платц замечает, что «академики» искали сходных ему по духу людей в Германии — и нашли их в бенедиктинских монастырях¹⁶⁷.

II.3.3. Центр литургического апостолата в аббатстве Мария Лаах

В 1912 году один из друзей Хервегена священник Ф.К. Мюнх попросил его прочитать лекцию в дюссельдорфском отделении Союза католиков, получивших академическое образование. Хервеген выступил с лекцией о литургии как произведении искусства, а его собрат Грегор Бёкелер — с лекцией о григорианском хорале. Вспоминая об этой встрече, Х. Платц называет ее «вхождением мирян в священную область литургии»¹⁶⁸. В 1913 году «академики» впервые побывали в Мария Лаах в качестве приглашенных, а на страстной седмице 1914 года Хервеген организовал первую литургическую конференцию, в которой участвовали около ста человек. «В первую очередь я вспоминаю страстную седмицу, — писал Т. Абеле, — во время которой мы узнали литургию в широком смысле, литургию, проникнутую духом католицизма. Недостаточно было рассматривать ее с исторической и теоретической точки зрения. Мы хотели, чтобы нас ввели во святая святых»¹⁶⁹.

Когда началась война и многие из «академиков» отправились на фронт, их связь с аббатством Мария Лаах не прервалась. В 1917 г. в издательстве Секретариата социальной работы студентов вышла брошюра «Мир — «академикам», находящимся на фронте, от аббатства Мария Лаах», в которой находились несколько статей аббата и монахов, написанные для духовного утешения воинов. Среди прочих там были статьи Мольберга о церковном годе, Казеля — о красоте Христа и Хервегена — «Дух святого Бенедикта»,

¹⁶⁶ Цит. по: Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung... S. 245.

¹⁶⁷ Platz H. Ibid. S. 97.

¹⁶⁸ Platz H. Erste Begegnung mit Maria Laach... S. 100.

¹⁶⁹ Цит. по: Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung... S. 147.

которую, наряду с его статьей «Идея преображения в литургии» (1913 г.), можно считать важнейшим текстом литургического движения Германии.

В 1918 году, понимая, что война близится к концу, Хервеген заботился о том, чтобы как можно скорее возобновить прерванную работу. В предисловии к «Духу литургии» он писал о «желании дать клирикам, преподавателям и активным мирянам возможность более глубокого познания литургии — так, чтобы она снова могла стать руководителем христианской жизни семьи, школы и всех форм христианского общения»¹⁷⁰. Для того, чтобы идеи литургического движения проникли как можно дальше за пределы монастыря, ему требовались молодые, образованные и верные помощники. Вскоре они вернулись, обогащенные опытом участия в одной из самых страшных войн XX века.

- *Война как религиозное переживание*

В 1916–17 годах, когда Первая мировая война была в самом разгаре, в журнале «*Hochland*» появились статьи Херманна Платца «Тоска по естественности в свете нашей литургии» («*Die Sehnsucht nach dem Organischen im Lichte unserer Liturgie*») и «Война и душа» («*Krieg und Seele*»)¹⁷¹. Платц, который воевал на Восточном фронте, задавался вопросом о смысле войны и тяжелых испытаний, которые выпали на долю немецких солдат. Результатом его рассуждений стала идея о том, что, участвуя в военных действиях, человек переживает уникальный опыт религиозного характера. С некоторым изумлением Платц говорит о том, что только на войне, перед лицом смерти и суда Божия, он смог по-настоящему узнать и полюбить немецкий народ, стать его частью. Значение и сила войны, говорит Платц, состоит в том, что она может показать душе дорогу к Богу, о Котором она забывает в мирное время: «Поле боя и окопы содержат в себе особое величие, потому что это то место, в котором переживается бытие Божие и на котором приносится в жертву сама жизнь, место, на котором Бог являет Себя

¹⁷⁰ Цит. по: Neunheuser B. Towards a history of Maria Laach... P. 220.

¹⁷¹ См.: Platz H. Zeitgeist und Liturgie. M. Gladbach: Volksvereins-Verlag, 1921.

во всей силе... Поле боя и окопы стали как бы литургическими местами, в которых Бог открывает Себя людям»¹⁷². Платц делает вывод, что религиозный опыт, полученный на войне, — чувство единства, принесения жертвы, предстояния перед Богом и смертью, вообще соприкосновения с вечностью, — нужно сохранить и сделать достоянием как можно большего количества людей. Единственный способ решить эту задачу — переосмыслить место литургии в жизни современного человека. Литургическая жизнь вводит нас в реальность Голгофской Жертвы, в суровую атмосферу зарождения христианства, она созидает общину, в которой реализуется связь людей с Богом и друг с другом. Участвующие в литургии отдельные люди становятся единым целым — народом Божиим, Церковью.

В сознании многих немецких интеллектуалов той поры религиозный опыт был связан с обретением утраченного народного единства, с сознанием общей национальной судьбы. Офицеры и рядовые, бедные и богатые, члены профсоюзов, интеллигенция, рабочие и предприниматели — все желали послужить общему благу. Вспоминая о годах войны, М. Шелер писал: «Дух жертвы, то есть дух любой главной идеи христианства, которому мы сегодня становимся причастными в мистической глубине святой мессы, казалось, наполнял воздух и спускался в земные сферы рационального бытия»¹⁷³. Образ солидарности, в котором немецкий народ и католическая месса были неразлучны, должен был стать прообразом общественного устройства Германии после окончания войны.

Идеи Платца нашли продолжение в работах приора Мария Лаах Альберта Хамменштеде. В 1919 году в серии «*Ecclesia Orans*» вышла его книга «Литургия как переживание» («*Liturgie als Erlebnis*»¹⁷⁴), в которой исследуется природа и характер литургической молитвы. Хамменштеде

---

¹⁷² Цит. по: Scherzberg L. Liturgie als Erlebnis und Kirche als Gemeinschaft / theologie.geschichte Beiheft 1/2010. Ss. 257, 258.

¹⁷³ Цит. по: Ibid. S. 264.

¹⁷⁴ См.: Hammenstede A. Die Liturgie als Erlebnis. Freiburg im Breisgau 1921. 3 u 4 verb. Aufl., Herder & Co. G.m.b.h. Verlagbuchhandlung.

подчеркивал, что подлинное чувство человеческого единства, полученное на войне, реализуется в литургическом благочестии, которое он противопоставлял религиозному индивидуализму. Хамменштеде не отрицает личную молитву, но замечает, что она должна вырастать из участия в литургии и из церковной жизни в целом. Правило благочестия, говорит Хамменштеде, следует искать только в церковном предании: миссале, Священном Писании, мученических актах древней Церкви и творениях отцов, а благочестивые упражнения возникли из неправильного представления о духовной жизни. Анализируя страшные последствия войны, он делает вывод: люди, не знавшие литургической молитвы, подвергали себя двойной опасности: «В эти ужасные времена мы видели, как многие... не могли понять, как этот факт [войны. — А.С.] можно согласовать с бесконечным Божиим добром и милосердием. И те, кто не могли этого понять, принадлежали к так называемым «благочестивым». Все это потому, что в своих бережно переплетенных молитвословчиках они читали только про сладкого Спасителя, всепрощающего, доброго Отца... О том, что внезапно Бог проявляет Себя как Судия, наказывающий зло, как не имеющий границ Святой, Который никого не оставляет безнаказанным за хулу на Свое имя, как Бог неба и земли, перед Которым трепещут херувимы и серафимы — этого они еще не знают».¹⁷⁵ Критикуя частные духовные практики, Хамменштеде не пытается их оправдать или объяснить и прямо говорит, что они примитивны, неглубоки и приводят к духовному опустошению: «Вместо того, чтобы созерцать радостный лик Христов и Его Святой Церкви, они [т.н. «благочестивые». — А.С.] постоянно думают только о своей бедной душе — и то только с той целью, чтобы узнать о ее ошибках и слабостях»¹⁷⁶. Вопрос о соотношении двух образов молитвы (*Frömmigkeitsprobleme*), обозначенное Хамменштеде, породил оживленную дискуссию между различными представителями литургического движения.

---

¹⁷⁵ *Hammenstede A. Die Liturgie als Erlebnis...* S. 36.

¹⁷⁶ *Ibid.* S. 6.

- *Преображение мира из духа литургии*

Еще до знакомства с академиками Хервеген начал разрабатывать одну из своих главных идей, которую можно назвать идеей о преобразении мира из духа литургии. Наибольший интерес представляют публицистические работы Хервегена, обращенные к образованным католикам. Хервеген в основном размышляет о трех вещах: искусство, литургия и немецкий народ, которые в его подходе связаны единой идеей преобразования из духа (*aus dem Geist*), формы (*Gestalt*) или по закону (*Gesetz*) литургии.

С точки зрения Хервегена, всякая форма, будь то художественное произведение, государственное устройство или церковное богослужение, создается из внутреннего мира ее творца. Форма указывает на дух, который в ней живет. Человек, соприкасающийся с совершенным произведением искусства, устремляет свой ум к божеству и преобразуется. Эта преобразующая сила действует в произведениях античности, древнего Рима и раннего христианства. Культуру античности сменили более приземленные готика и барокко. С течением времени искусство все дальше удалялось от связи с божеством и все больше стало отвечать человеческим запросам, уделяло все большее внимание форме и в конце концов почти утратило теоцентричность. Дух индивидуализма, релятивизма, либерализма, который живет в произведениях нового времени, разрушает божественную гармонию и ставит человека на место Бога.

Задача искусства — в том, чтобы преодолеть узкие рамки индивидуализма, возвысить человека к Богу и преобразить его жизнь. Церковное искусство носит общинный характер, потому что происходит из единой веры, мыслей и жизни христиан, и не в последнюю очередь из богослужения. Совершенным произведением искусства и синтезом всех искусств является римская литургия, в которой соединяются римское величие, античная красота и сердечная глубина германца. При помощи спасительной благодати литургия возвышает тварный мир из глубины зла в

область святости и преображает его. «Преображение в христианском смысле — это возвышение человека из естественного в сверхъестественное состояние с целью вхождения в божественное бытие»¹⁷⁷.

Литургия — принцип единства, основа любой человеческой деятельности — искусства, работы, науки. Литургия не есть нечто внешнее, она выражает то, что мы получаем и находим, входя в общение со Христом и преображая свое бытие. Литургия — не поставщик благодати и таинств, но посредница, с помощью которой жизнь Христова становится нашей¹⁷⁸. Литургия обладает огромным социальным потенциалом, а основой единства людей является Сам Христос. Произведения церковного искусства — миссал, пение, архитектура, вводят нас в этот строй мысли, а вера и любовь ко Христу соединяют людей так, что они становятся общиной верных. Структуру (*Gestalt*) такого сообщества определяют таинства, догматы и молитва: в центре находится крещение, покаяние и евхаристия, чуть дальше — остальные таинства, затем церковное искусство и устав. Церковная жизнь преображает христиан, благодарение, жертва и радость формируют всю их ежедневную деятельность. Литургия становится «стилем жизни» (*Liturgie als Lebensstil*).

Говоря о возрождении духа народного единства, Хервеген замечает, что одних политических усилий недостаточно. Современный мир может быть исцелен через объединение людей на основе христианской веры. Требуется изменение сознания, преображение, обновление жизни людей из духа литургии. Нужно вернуться к вечной истине о том, что не человек, а Бог является мерой всех вещей и вспомнить о церковном единстве.

С точки зрения Хервегена, моделью для совершенного общества, или духом, из которого может развиваться здоровое государственное устройство Германии, является устав св. Бенедикта, которого он называет «скульптором будущего Германии». Согласно уставу бенедиктинцев, монастырь — это

---

¹⁷⁷ Herwegen I. Die Verklärungsgedanke in der Liturgie // Alte Quellen neuer Kraft. Düsseldorf 1922. S. 25.

¹⁷⁸ Herwegen I. Die objective Grundlage für den individuell zu gestaltenden Aufbau unseres religiösen Lebens // Lumen Christi. Gesammelte Aufsätze von Dr. Ildefons Herwegen Theatiner Verlag München 1924. S. 25.

семья, в которой аббат является отцом и представителем Христа, а братия — его чадами¹⁷⁹. Совместное совершение литургии, проживание литургического года, труд и чтение Священного Писания формируют внутренний строй монашеской жизни. В монашеской общине сосуществуют послушание и свобода, личность и община, римский универсализм и немецкий индивидуализм. «Дух древней Церкви, время мученичества и любви, должен вновь стать источником нашей религиозной жизни. Для образованных людей туда нет иной дороги, как только через знание и понимание литургии, объективной молитвы Церкви, которая сегодня также молода и полна сил, как во дни переселения народов... Ни в римских, ни в кельтских или славянских народах, но только в племени немцев устав св. Бенедикта осуществился во всей своей полноте»¹⁸⁰.

Хервеген считал, что конфессиональные организации, подобные KAV — это фермент для воссоздания народного единства. Задача «академиков» — посвятить себя служению Церкви и религиозному образованию немецкого народа на основе католического мировоззрения и из духа литургии.

- *Богослужение в аббатстве Мария Лаах*

До некоторых пор литургическая жизнь аббатства Мария Лаах шла двумя параллельными путями, которые впоследствии пересеклись. С одной стороны, это была обычная жизнь внутри литургического года: в 4 часа утра вигилия и часы, в 9 часов «высокая месса» без причащения, в 14.30 вечерня и в 19.45 повечерие. Кроме того, после часов каждый священник-монах служил «частную мессу»¹⁸¹. Монахи принимали Святые Дары на т.н. «читаных» мессах (*missa lecta*), где причащались не теми hostиями, которые освящались во время богослужения, а теми, которые получали из дарохранильницы¹⁸².

---

¹⁷⁹ Herwegen I. Der Geist der hl. Benedikt // Alte Quellen neuer Kraft. Düsseldorf 1922. S. 126.

¹⁸⁰ Herwegen I. Der hl. Benedikt und die Germanen // Alte Quellen neuer Kraft. Düsseldorf 1922. Ss. 196-197.

¹⁸¹ В начале 20-х годов в аббатстве было более 50 священников, поэтому служение частных месс было организовано в своеобразные циклы, сменявшие друг друга.

¹⁸² Neunheuser B. Die «Крыпта-Messe» in Maria Laach. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Gemeinschaftsmesse // Beten und Arbeiten. Aus Geschichte und Gegenwart Benediktischen Lebens, Verlag Ars Liturgica. Maria Laach, 1961. S. 78.

Не удовлетворяясь прежним порядком вещей, бенедиктинцы Мария Лаах начали постепенно изменять содержание и порядок богослужебной жизни монастыря. Литургический апостолат Мария Лаах развивался в трех главных направлениях: введение в чинопоследование элементов древнего богослужения, адаптация богослужения к пониманию современного человека и просвещение.

1. Введение элементов древнего богослужения

Монашеское богослужение (*Konventamt*), которое совершалось в бенедиктинских монастырях, было разновидностью т.н. «высокой» мессы (*Choralamt*), во время которой священник произносил возгласы попеременно с хором. «Высокая» месса не предполагала причащения верных, и, чтобы подчеркнуть их участие, в Мария Лаах вернули в богослужение поцелуй мира (*Friedensgruß*) и средневековый ритуал приношения даров (*Gabendarbringung*), во время которого келарь, ризничий и ухаживающий за больными приносили к престолу (вместе с хлебом и вином для совершения евхаристии) золото, ладан и смирну — в подобие трех волхвов, принесших свои дары Младенцу Христу как бы от лица всего человечества (см.: Мф. 2, 1–12)¹⁸³. Чтобы усилить значимость евхаристии для всей общины, священники выполняли функции диакона и субдиакона (совершали т.н. «левитскую» мессу). Из этого совместного служения развилась церемония принесения и каждения приготавливаемых даров, означавшая не только почитание евхаристических хлеба и вина, но и изображала молитву Церкви, которая как ладан возносится к Богу¹⁸⁴.

2. Адаптация богослужения к пониманию современного человека

¹⁸³ Häußling A. Die Gabendarbringung // *Ecclesia Lacensis*. Aschendorff Münster, 1993. S. 274-275.

¹⁸⁴ Ibid. S. 277.

В августе 1920 г. во время проведения национальной конференции молодежного движения «Источник» бенедиктинец из Аугсбурга Грегор Ланг впервые в истории литургического движения совершил т.н. «общинную мессу» (*Gemeinschaftsmesse*). Ее отличительной особенностью было то, что слова, которые обычно произносил министрانت и песнопения, которые пел хор, все вместе произносили присутствующие. Апостол и Евангелие при этом читались на немецком языке¹⁸⁵. По предложению А. Хамменштеде и с согласия Хервегена начиная с августа 1921 г. «общинная» месса стала совершаться в крипте собора Мария Лаах. Поначалу в богослужении принимали участие только новиции¹⁸⁶, клирики и случайные гости. Месса совершалась на латыни, но при этом все ответы, которые, согласно чинопоследованию, дает священнику министрانت¹⁸⁷, произносили сами молящиеся. Они же повторяли вслед за священником некоторые части мессы (*Gloria, Credo, Sanctus, Agnus Dei*). Месса совершалась на престоле, выдвинутом от восточной стены к центру собрания, а служащий священник был обращен лицом к народу¹⁸⁸. Кроме того, он произносил проповедь¹⁸⁹. С течением времени эти богослужения стали совершаться все чаще, расширялся круг тех, кто в них участвовал: сначала новиции, потом все монахи, а с 1924 г. — облаты и члены католического молодежного движения¹⁹⁰.

В 1924 году в Мария Лаах было издано чинопоследование «хоровой мессы» (*Chormesse*), составители которой поставили цель преодолеть разрыв между мирянами и священником. Если «общинная месса» была в некотором смысле руководством и путем к пониманию

---

¹⁸⁵ *Conrad M.* Die "Krypta-Messe" in der Abtei Maria Laach. Neue Untersuchungen zu Anfang, Gestaltungsformen und Wirkungsgeschichte // *Archiv für Liturgiewissenschaft* 41. Jahrgang 1999, Heft 1/2. S. 8.

¹⁸⁶ Новициат – период послушничества, т. е. испытания вступающих в монашеский орден новичиев

¹⁸⁷ Министрант – мирянин, помогающий священнику во время мессы и других богослужений

¹⁸⁸ Служение евхаристии «лицом к народу» (*versus populum*) было официально разрешено только в инструкции 1964 г. *Inter Oecumenici*, подготовленной Советом по исполнению Конституции о Священной литургии II Ватиканского собора

¹⁸⁹ *Neunheuser B.* Die «Krypta-Messe» in Maria Laach... S. 72.

¹⁹⁰ см.: *Neunheuser B.* Die «Krypta-Messe» in Maria Laach... S. 79.

«чтомой мессы», то «хоровой» вариант должен был подготовить христиан к сознательному участию в высокой мессе. Во время «хоровой мессы» ее участники следили за богослужением с помощью специальных книжек, в которых содержался оригинальный латинский текст и его немецкий перевод. Изменяемые части мессы вслух повторял по-немецки специально назначенный человек (либо произносили хором собравшиеся). В примечаниях к чинопоследованию отмечалось, что для достижения желаемого результата священник должен читать [Евангелие] лицом к народу¹⁹¹.

3. Литургическое просвещение

«Церковные праздники носили в Мария Лаах выраженный социальный характер, за что их так полюбил народ»¹⁹², — пишет А. Хамменштеде. Наиболее впечатляющие паломничества в аббатство Мария Лаах совершались в дни церковных праздников, когда аббат совершал «высокие мессы» согласно папскому обряду (*Pontifikalamt*). Центром литургического года монастыря был праздник Пасхи (а не Рождества, как было тогда принято), который предваряло ночное богослужение (официально разрешенное только в 1950 г.). Каждый год во время страстной седмицы проводились конференции «академиков», состоявшие из посещения богослужений, лекций и бесед.

«В страстную среду со всей Германии в монастырь стекались члены Католической ассоциации выпускников вузов, порой до 150 человек. Они жили не в монастыре и не в гостинице, а в соседних деревнях. Когда над озером и лесами в пять часов утра раздавался звон шести больших колоколов, Божий дом был наполнен людьми. У каждого был латинский текст богослужения, по которому он внимательно следил, какие песнопения поются и какие обряды

---

¹⁹¹ см.: *Poschmann A.* Das Leipziger Oratorium. Liturgie als Mitte einer lebendigen Gemeinde. Erfurter Theologische studien. Band 81. Keipzig:Benno Verlag 2001. Ss. 121-122.

¹⁹² *Hammenstede A.* Erinnerungen eines Laacher Mönches... S. 196.

совершают почти 60 монахов, находящихся на клиросах. Во время пения Плача пророка Иеремии воцарялась такая тишина, что страшно было перевернуть книжный лист... После ужина люди собирались в большом, празднично освещенном зале, куда допускались и дамы. Аббат Ильдефонс появлялся в сопровождении монахов, поднимался на возвышение и произносил поучение так, как только он мог это сделать. Темой были Страдания Христовы в символах литургии. Неожиданно среди духовных размышлений аббат делал обзор политических и общественных событий в нашей земле. Хорошее удостаивалось похвалы, плохое решительно осуждалось. На следующее утро аббат совершал торжественную понтификальную мессу, на которой он преподавал причастие — сначала своим духовным детям, потом всем верующим... Вскоре после 11 часов... облаченный в плувиал¹⁹³ и митру, аббат держал в руках серебряную чашу для омовения ног двенадцати старцев... В четыре часа монах обращался к «академикам» с короткой речью. В пять часов в четверг совершалась темная утренняя¹⁹⁴, а вечером кто-то из нас [монахов. — А.С.] делал часовой доклад о совместном проживании литургии... В 9 часов начинается высокая праздничная месса, сопровождаемая храмовым шествием, во время которого народ воодушевленно поет средневековые латинские гимны... Аббат появляется в каппа магна, на черном мехе которой красуется византийский крест... Приор говорит пасхальную проповедь... С 1916 года тысячи людей, среди которых было много протестантов, таким образом праздновали Пасху»¹⁹⁵.

Вспоминая о просветительской деятельности аббатства, Хамменштеде выделяет 20-е годы, которые называет «монашеской весной». Помимо научной работы, братия участвовала в различных литургических конференциях как внутри, так и за пределами

¹⁹³ «Каппа Магна» (или «плувиал») — полукруглый плащ без рукавов, наподобие греческой фелони.

¹⁹⁴ «Темная утренняя» (Tenebrae) – в римском обряде до литургической реформы 2-й пол. XX в. особые службы суточного богослужебного круга (Литургия часов) в последние 3 дня Страстной недели.

¹⁹⁵ *Hammenstede A. Erinnerungen eines Laacher Mönches...* S. 193-196.

монастыря. Целевой аудиторией таких форумов были клирики и образованные миряне, не только католики, но и протестанты¹⁹⁶. «Целью, которая стояла перед нами, было пробуждение духа древней Церкви в нас и в других людях, — пишет Хамменштеде. — Мы не отрицали современные формы благочестия, но почти не использовали их, потому что нам было достаточно интенсивного переживания Божиего дела (т.е. литургии) и чтения Писания (*lectio divina*). Мы стремились к монументальной простоте, ради которой мы отказались от всякого сложного аскетического метода»¹⁹⁷.

8 июня 1921 г. по приглашению Хервегена мессу в крипте Мария Лаах посетил Кельнский кардинал Карл Йозеф Шульте. Его первоначальные опасения в том, «католики ли еще монахи Мария Лаах», не подтвердились. Шульте признался Хервегену, что никогда в своей жизни он не испытывал такого глубокого чувства единства церковной молитвы и Жертвы Христовой, и что он убедился в огромном значении общинной мессы¹⁹⁸.

В 1926 году А. Хамменштеде побывал на аудиенции у Пия XI, во время которой рассказал о литургической деятельности аббатства Мария Лаах и получил одобрение папы¹⁹⁹.

II.3.4. Литургическое движение и политические процессы в Европе

Одной из задач литургического движения было формирование католического мировоззрения, своеобразной религиозно-культурно-философской стратегии, которая могла бы противостоять либеральной,

---

¹⁹⁶ Описывая посещение Базельского университета, Хамменштеде замечает: «Со времен Цвингли я стал первым католическим священником, которому было дозволено говорить в актовом зале. На встречу пришел весь факультет теологии». Интересно, что лекция Хамменштеде была посвящена идее преображения в литургии. См.: *Hammenstede A. Erinnerungen eines Laacher Mönches...* S. 188.

¹⁹⁷ *Ibid.* S. 186.

¹⁹⁸ *Conrad M.* Op. cit. S. 26.

¹⁹⁹ *Hammenstede A. Erinnerungen eines Laacher Mönches...* S. 214-215. Среди прочего, в беседе с папой Хамменштеде заметил: «Одной из главных задач литургического движения я вижу заботу о том, чтобы укрепить связи между Римом и Германией посредством заботы о сохранении римской литургии».

коммунистической и материалистической картина мира. Результатом ее воплощения должно было стать возникновение народного единства, объединенного католической верой и в котором преодолен разрыв, существующий между государством, Церковью и обществом. С возникновением понятия политической теологии эта стратегия получила дополнительную идеологическую окраску. В результате оказалось, что движение к одной и той же цели может привести к противоположным выводам: либо о необходимости объединения Европейских народов, либо об исключительной миссии немецкой нации и поддержке национал-социализма.

В 1918 г. вышла книга Освальда Шпенглера «Закат Европы» (*«Untergang des Abendlandes»*), в которой автор предсказывал закат западной цивилизации. Несмотря на то, что многие не соглашались с выводами Шпенглера, понятие «Европы», или «Запада» (*Abendland*) вновь обратило на себя внимание немецких интеллектуалов (к которым относились «академики» Х. Платц и Р. Шуман)²⁰⁰. Используя смысловую модель «Запада», они предложили объединить христианские народы Европы. Соединяющей силой этого единства они считали католическую веру и общее культурное наследие, а его центром — «рейнскую землю», т.е. Германию и Францию, в то время еще непримиримых врагов. Они считали, что в объединенной Европе государственная власть уступит место общественным и правовым институтам, а на смену национализму придет единство западных народов. Предложенная ими концепция получила название «западной идеи» (*«Abendland-Idee»*). В несколько измененном виде концепция Европейского союза получила новую жизнь после окончания II Мировой войны, а один из «академиков», Роберт Шуман, считается одним из основателей новой объединенной Европы²⁰¹.

---

²⁰⁰ Немецкие романтики XIX в. понимали «Запад» как единство романских и германских народов, исповедующих христианство – в противоположность единству мусульманского «Востока» (*Morgenland*).

²⁰¹ Подробнее см.: *Mller G., Plichta V. Zwischen Rhein und Donau. Abendländisches Denken deutsch-französischen Verständigungsinitiativen und konservativ-katholischen Integrationsmodellen 1923-1957 // Zeitschrift für Geschichte der europäischen Integration. 5 (1999). Ss. 17-23.*

В начале 30-х годов «тоска» по единству немецкого народа, умноженная на продолжавшийся государственный и общественный кризис, породили правую «теологию Рейха» (*Reichstheologie*). В идеологической конструкции, построенной на основе универсализма Оттмара Шпанна и политической теологии Карла Шмитта²⁰², понятия «общество» (*Gemeinschaft*), «дух», «кровь», «судьба», были национализированы и затем соотнесены с политическими и богословскими категориями: «общество — НСДАП — Церковь», «дух — национал-социализм — католицизм», «царь — Христос — фюрер», «кровь — геройство — мученичество — Жертва»²⁰³. «Рейх» мыслился как религиозно-политическая структура, внутри которой христиане движутся к исполнению времен Священной Истории: «Рейх представляет собой единство христианских народов, которое выстраивается и освящается посредством сакраментальных действий Церкви... Смысл Рейха — указывать на Христа»²⁰⁴. Поскольку в немецкой нации наиболее четко проявляется дух западного христианства, она рассматривалась как носитель идеологии Рейха.

Богословие, в котором ясно звучали мотивы единства Католической Церкви и национал-социалистической партии Германии, было отвергнуто национальной конференцией епископов в Фульде, однако получило поддержку аббата Хервегена и людей из его «ближнего круга»: литургиста А. Баумштарка, философов А. Демпфа и М. Шмауса, нового генерального секретаря КАВ Ф.Х. Ландмессера и монахов Мария Лаах, среди которых выделялся Дамас Винцен (один из создателей «теологии Рейха»). В 1931–33 гг. в аббатстве Мария Лаах проводились конференции, посвященные различным аспектам симфонии Католической Церкви и будущего

---

²⁰² Ср., напр., утверждение К. Шмитта: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия» (См.: *Шмитт К.* Политическая теология. Сборник / Переводы с нем. Заключит. статья составление А. Филиппова — М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 57).

²⁰³ подробнее см.: *Scherzberg L.* Die katholische liturgische Bewegung — ein Diskurs über Form, Stil und Gestalt // *Theologie.Geschichte : Zeitschrift für Theologie und Kulturgeschichte* Bd. 11 (2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://universaar.uni-saarland.de/journals/index.php/tg/article/view/840/884> (дата обращения: 10.03.2108).

²⁰⁴ Цит. по: *Lob B.* Albert Schmitt O.S.B. Abt in Grüssau und Wimpfen. Sein kirchengeschichtliches Handeln in der Weimarer Republik und im Dritten Reich. Böhlau Verlag, Köln/Weimar/Wien 2000. S. 183.

государства, служились торжественные мессы с участием членов НСДАП. Широко известны слова аббата Хервегена, которые он произносил во время этих встреч: «Чем в религиозной области является литургическое движение, которое вот уже в течении двадцати лет противостоит дикому и необузданному индивидуализму, тем является в политике фашизм... Скажем безоговорочное «да» новому общественному устройству тотального государства, строительство которого похоже на созидание Церкви»²⁰⁵.

Очень скоро после назначения А. Гитлера канцлером Германии ко многим немецким христианам пришло отрезвление. В 1933–34 гг. в Мария Лаах жил давний друг Хервегена, будущий канцлер Конрад Аденауер, скрывавшийся от преследований национал-социалистов. Возможно, его позиция подтолкнула Хервегена изменить свое отношение к идеологии Рейха. Монастырь начали подвергать унижительным обыскам и допросам, за некоторыми монахами установили слежку. Сам Хервеген в течение двух лет скрывался в Швейцарии, а когда вернулся, всегда демонстрировал свою аполитичность. Ассоциация «академиков», как многие другие союзы и общественные организации, была запрещена в 1938 году.

Почему литургическое движение Германии попало (правда, ненадолго) в национал-социалистический тупик? На наш взгляд, существует одно общее и одно детальное объяснение. Во-первых, история неоднократно подтверждала, что мысль о реализации Царства Божия на земле приводит к трагическим последствиям. В тот самый момент, когда кто-то решает реализовать очередную «симфонию» на практике, он отменяет дар Божий — свободу другого ответить «нет». В «опытных руках» богословие легко может стать идеологическим инструментом, а Церковь — превратиться в концлагерь. Во-вторых, национал-социалистическая идеология обнаружила некоторое сходство с богословской идеей «преображения мира», которую развивал Хервеген. По всей видимости, он считал, что общность, состоящая из людей одного духа, одной судьбы и одной крови, с лидером нации во

---

²⁰⁵ Цит. по: *Conze V. Op. cit. S. 54.*

главе, под воздействием благодати может преобразиться в подобие бенедиктинского монастыря, в котором послушание аббату-фюреру соединено со взаимной любовью между монахами. В таком обществе нет классовых различий, четко разделены функции его членов, оно живет, как единый организм. Соединяющим элементом в этой конструкции является переживание национального единения, которое соответствует переживанию церковного единства на литургии.

Вопрос, который можно по праву назвать «политическим», неожиданно открывает суть противоречий внутри литургического движения: соотношение общего и частного, субъективного и объективного, то есть указывает на «проблему благочестия».

II.3.5. Литургическая деятельность Романо Гвардини

Внимательный взгляд на литургическое движение Германии позволяет сделать вывод о том, что оно развивалось неоднородно и с разной скоростью: наличие общей цели не отменяло споров и разногласий. Разделения возникали, как правило, в тот момент, когда речь заходила о соотношении общего и частного в литургической молитве. Одни считали, что церковное благочестие может быть только литургическим, другие настаивали на том, что при правильном отношении поклонение сердцу Иисуса или чтение розария дополняют литургическую молитву, не только не мешая, но приходя ей на помощь. Значение этого спора больше, чем может показаться на первый взгляд. Соотношение общего и частного в молитве Церкви обусловлено ее историческим развитием и напрямую связано с богослужебной практикой сегодняшнего дня. Преобладание соборного начала и послушание — непреложные постулаты монашеского устава, которые предполагают точное следование принятой богослужебной практике (пусть даже и древней). Некоторая молитвенная свобода допускает внесение

в ткань богослужения новых элементов (или выбор между двумя разными элементами), отвечающих уровню понимания участвующих в нем людей. О том, что немецкая месса исторически восходит к двум разным источникам, пишет Ф. Арнонкур: ««Бенедиктинское» течение имеет своим идеалом латинскую «высокую» хоровую мессу (*Choralamt*), латинскую диалоговую мессу (*missa recitata*) и латинскую вечерню (*Volks-Vesper*). Радиус ее действия — довольно узкий круг студентов и ученых, прихожане отдельных храмов... В основе «народно-литургического» течения находятся живые формы народного благочестия, его идеал — немецкая «общинная месса» (*Gemeinschaftsmesse*), немецкая «торжественная служба» (*Hochamt*) и немецкая «общинная вечерня» (*Gemeindevesper*). Особенность «народного» течения — в попытке отделить песнопения на немецком языке (посредством пересказа и дословного перевода) от официального литургического текста»²⁰⁶. К богослужению первого типа относится высокая монашеская месса, которую совершали в Мария Лаах: строго в соответствии с уставом, на латинском языке, с использованием древнего григорианского распева, без причащения мирян. К богослужению второго, «пастырского», типа, относятся «общинная месса» Мария Лаах и особенно «общинная молитва» (*Gemeinschaftliche Andacht*), составленная Романо Гвардини в 1920 году. Одним из поводов к созданию «адаптированной» мессы стали разногласия Гвардини с Ильдефонсом Хервегеном по поводу литургического благочестия, а одним из последствий — желание Гвардини реализовать свои идеи на практике.

- *Проблема литургического благочестия*

Во время учебы в Тюбингенском университете Гвардини часто бывал в Бойроне, где почувствовал красоту древней монашеской литургии. Эти впечатления сильно контрастировали с тем, что он видел на обычных приходах, особенно когда сам стал священником. Во время совершения

---

²⁰⁶ Цит. по: *Mijic S. Die pastoral-liturgische Entwicklung in Kroatia. Dargestellt am Beispiel der Messe vom Beginn des 20. Jahrhunderts bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges// Dissertation. Wien, 2009. S. 46*

богослужений в храме св. Христофора в Майнце (1912–1915 гг.) Гвардини периодически замечал, что во время мессы люди молятся по розарию или заняты другими духовными упражнениями. «Бессмысленность этой деятельности была невыносима, и я мог избежать духовного вреда только тогда, когда перестал это замечать»²⁰⁷, — впоследствии вспоминал он. «Место, где я служил, можно смело назвать Майнцским собранием святош... У меня было много уроков в школе, молебнов и то и дело — отпевания. В 6 часов утра я служил святую мессу, день за днем перед Святыми Дарами»²⁰⁸. Разрыв, который существовал между «идеальным» и «повседневным», заставил его задуматься над тем, как красота и глубина литургической молитвы может стать достоянием всех людей, в том числе не знакомых ни с латинским текстом, ни с чинопоследованием как таковым.

В 1917 г., побывав на богослужении в аббатстве Мария Лаах, Гвардини написал письмо И. Хервегену. Благодаря за прием и восхищаясь «высокой» мессой, которую совершали монахи, Гвардини высказал осторожные сомнения в том, что простые люди смогут когда-либо сознательно участвовать в этом торжестве. Взамен он предложил использовать более мягкий вариант мессы, адаптированный для народа («*Meßandacht*»). Закон и дух литургии должен быть сохранен, следует изменить *стиль* богослужения. «Народ не должен просто смотреть. Как и положено мирянам, люди должны *активно участвовать*... Литургический стиль должен на время пожертвовать своей чистотой и приблизиться к образу народной молитвы... Это должна быть *говоримая (gesprochenen)*, а не песенная, литургия... Песнопение, тем более григорианский хорал — достояние ограниченного числа людей; слово, напротив, доступно всем... Сначала нужно пробудить интерес к слову и действию: церковному году, таинствам, более всего к святой мессе. Она должна быть на немецком языке; народ должен получить для молитвы все то же, что есть у хора и министрантов, заранее нужно распределить роли. Они должны быть изложены по принципам

²⁰⁷ Krieg R. A. Romano Guardini. A Precursor of Vatican II. Notre Dame, Indiana, 2009. P. 52.

²⁰⁸ Цит. по: Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung... S. 107.

литургической хоровой драмы: хор, анти-хор, управляющий хором и «все»... Канон нужно произносить подобающим образом... Апостол и Евангелие читать по-немецки. После причастия священника должно следовать исповедание грехов и причастие верных. Можно подумать над тем, чтобы народ начинал свои ответы священнику на латыни, а потом продолжал по-немецки... От простой *произносимой* мессы идет дорога к *песенной*»²⁰⁹. В заключение письма Гвардини ссылается на одну из местных практик — «высокую немецкую мессу», в которой священник пропевал молитвы и чтения, община отвечала ему вслух (все это на латыни), а вместо песнопений «высокой мессы» народ пел немецкие богослужебные гимны²¹⁰.

В 1919 году Гвардини издал свою вторую книгу «Крестный путь нашего Господа и Спасителя» («*Der Kreuzweg Unseres Herrn und Heilandes*»), которая задумывалась как продолжение «Духа литургии». В предисловии к книге, в которой читателям предлагалось познакомиться с духовными упражнениями Крестного пути, Гвардини указывал на трагический разрыв, который существует между образованными и простыми людьми: первые оторвались от народных корней, вторые утратили доступ к высоким проявлениям духа²¹¹. Книга, написанная для того, чтобы люди разного социального статуса вновь научились слышать друг друга, вызвала резкое неприятие Хервегена и академиков, которым послышались упреки в тщеславии (Гвардини писал, что с момента написания книги он «потерял кредит доверия»²¹²). Приблизительно в то же время у Гвардини возникла напряженность с Одо Казелем из-за содержания вступительной статьи к «Литургическому альманаху», и общение с Марией Лаах постепенно сошло на нет.

Гвардини хорошо понимал, что иногда качество текстов паралитургических богослужений находится ниже всякой критики. Сам он с

---

²⁰⁹ *Guardini R.* Briefe an den Laacher Abt Ildefons Herewegen aus den Jahren 1917 bis 1934. Br. 2f. // Archiv für Liturgiewissenschaft, Jahrgang 27. Heft 3. Verlag Friedrich Pustet, Regensburg, 1985. Ss. 410-411.

²¹⁰ *Ibid.* S. 410 (Anm. 7).

²¹¹ См.: Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung... S. 107.

²¹² *Langenbahn S.* Romano Guardini und Maria Laach... S. 34.

горечью писал о сборниках, молитвы которых похожи на «поддельную или испорченную еду»²¹³. Но во-первых, он все-таки делал между ними различие (например, хорошо отзывался о молитвах перед причастием и молитвах чина поклонения сердцу Иисуса), а во-вторых, для него было важно поставить вопрос о том, *как соотносятся* литургия и духовные молитвенные практики. Для бенедиктинцев не было другого типа благочестия, кроме литургического, для них «духовных упражнений» не существовало.

Гвардини был готов «поступиться принципами» не потому, что хотел понравиться народу. Ему казалось несправедливым, что люди остаются далекими от литургии, даже присутствуя на ней: «Самое первое условие для существования Церкви — чтобы люди научились вместе создавать богослужение. Этого, однако, не происходит, а происходит вот что: верные становятся все более равнодушными, отделенными друг от друга, и просто остаются в стороне. В результате в Церкви остаются одни святоши»²¹⁴.

В 1920 году в жизни Гвардини произошли важные события, которые вывели его на новый путь: он был отстранен от редактирования «Литургического альманаха», отказался защищать докторскую диссертацию в Бонне и впервые встретился с молодежным движением «Источник», которому впоследствии посвятил лучшие годы своей жизни. В 1922 году вышла книга «Смысл Церкви» (*Vom Sinn der Kirche*), в которой Гвардини подробно рассмотрел вопрос о природе и назначении Церкви. Предложение, с которого начинается книга, представляет собой самое знаменитое высказывание Гвардини: «Начался религиозный процесс огромной важности: Церковь пробуждается в душах»²¹⁵.

- «Смысл Церкви»

«Смысл Церкви» состоит из пяти лекций, прочитанных на конференции Католической ассоциации выпускников высших учебных

---

²¹³ Ibid. S. 57.

²¹⁴ Цит. по: Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung... S. 112.

²¹⁵ *Guardini R.* Das Erwachen der Kirche in der Seele // *Vom Sinn der Kirche*. Mainz: Matthias Grünewald, 1922. S. 1.

заведений. Главный мотив, звучащий на протяжении всей книги — соотношение субъективного и объективного, индивидуального и общинного, народного и общественного. Рассуждая о природе Церкви, Гвардини пытается найти баланс между уникальностью каждого человека и церковным единством, в которое он добровольно вступает.

Отправная точка в рассуждениях Гвардини — констатация раздробленности, в которой существует современный человек. Религиозная жизнь, которой он живет, ограничилась индивидуальной молитвой и перестала иметь какое-либо отношение к Церкви, которая воспринимается как внешне навязанный порядок, угрожающий свободе. Гвардини объясняет, что Церковь — это не формальное учреждение и не отвлеченное понятие, а таинственная, объективная реальность (*Wirklichkeit*), мистическое Тело Христово. Эта реальность переживается в конкретном и непосредственном опыте литургического единства.

Объективная реальность Церкви сообщает людям чувство взаимной принадлежности. Оно коренится в самой природе жизни, которую Гвардини называет «реальным самораскрытием, шествием среди вещей, наличием единения с сущностями, взаимным отдаванием и приобретением»²¹⁶. Типологически церковной общности соответствует человеческая общность, народ, «изначальная взаимопринадлежность людей, которые в силу особенностей своего вида, своей страны и исторического развития едины в жизни и судьбе»²¹⁷. Входя в Церковь, человек отказывается от ложной самодостаточности и обретает самого себя. Гвардини уподобляет религиозную жизнь электрической дуге, в которой она исходит одновременно от двух полюсов — индивидуального «я» и церковной общины. «Существует религиозная общность, и она — не просто скопление отдельных существ, заключенных каждый в самом себе, а особая, объединяющая отдельных индивидуумов действительность: Церковь. Она

---

²¹⁶ Ibid. S. 8.

²¹⁷ Ibid.

охватывает народ; она охватывает человечество»²¹⁸. В противоположность хаотичным образованиям, Церковь — это общность, оформленная посредством догмата, литургии и права.

Рассуждая о том, как Церковь входит в человеческую жизнь, Гвардини отвечает: через литургию. «Литургия — это сама действительность. Этим она отличается от всякой понятийной и чувственной набожности, от рационализма и религиозной романтики. В ней верующий имеет дело с земными реальностями: людьми, вещами, действиями, утварью — и с реальностями метафизическими; реальным Христом, реальной благодатью. Литургия — не просто мышление, не просто чувствование; это в первую очередь становление, рост, созревание, бытие»²¹⁹.

Отвечая на вопрос о том, каким образом возможно внутреннее обновление человека, его вхождение в таинственную реальность Церкви, Гвардини говорит: «Путь туда указывает молодежное движение»²²⁰.

- *Гвардини и католическое молодежное движение*

Среди всевозможных течений, союзов и ассоциаций начала XX века молодежные движения Германии были одними из самых заметных — как по количеству участников, так и по широте распространения. Формальным основанием для появления таких союзов было стремление молодых людей к единству и свободе. Самое известное из них, «Перелетная птица» («*Wandervogel*»), насчитывало сотни тысяч членов. Среди католических молодежных организаций выделялись «Новая Германия» («*Neudeutschland*») и «Источник» («*Quickborn*»). В 1922 году на их основе было создано объединение католической молодежи Германии («*Katholische Jugend Deutschlands*»), в котором к 1933 году насчитывалось около полутора миллионов человек. Большие организации имели местные отделения, которые, как правило, раз в году собирались на «*Tagungen*» — большие

---

²¹⁸ Ibid. S. 11.

²¹⁹ Ibid. S. 16.

²²⁰ Ibid. S. 9.

конференции, которые продолжались в течение одной или двух недель. В «Мюнхенской формуле», — своеобразном исповедании веры католической молодежи, — говорилось о доктринальных основах движения: «Мы, молодые католики, признаем себя принадлежащими святой Католической Церкви, который мы хотим служить в послушании, с благоговением и в радостной любви, в единстве со всем католическим народом. С бескомпромиссной правдивостью и самоотверженной простотой мы хотим помогать созиданию основ новой жизни»²²¹. Рядом с декларацией церковности соседствовала игра в средневековье: обе организации собирались в зданиях бывших замков в Ноербурге и Ротенфельсе. «Новая Германия», основанная иезуитами, была сравнительно меньше «Источника», имела более аскетическую и даже милитаристскую окраску. «Источник», основанный тремя священниками из Силезии, некоторое время не был частью официальной церковной структуры, в его состав допускались девушки и его приоритетами, помимо приверженности католицизму, были близость к природе, естественность, воздержание от табака и алкоголя²²².

В 1920 году Гвардини впервые посетил конференцию «Источника» в Бург Ротенфельсе, в которой приняли участие полторы тысячи человек. То, что он испытал, поразило и воодушевило его. «Там находятся люди, которые строят новый мир, — писал он Мольбергу. — И нам ничего не нужно делать, кроме как помогать им и радоваться, что мы можем вместе с ними переживать наступающие времена... В свободных дискуссиях, которые мы вели по вечерам, участвовали сначала 12–15, на следующий день 45, потом более ста человек, и в конце концов все сидели на сдвинутых в четырехугольник скамейках в углу прекрасного рыцарского зала: около двухсот слушающих, вопрошающих, возражающих молодых людей. Я не забуду этот вечер, даже если мне когда-нибудь исполнится сто лет. Мы говорили о Церкви как пути к свободе, о единстве Церкви, о Троице, о

²²¹ См.: *Linner M.M.* Lied und Singen in der konfessionellen Jugendbewegung des frühen 20. Jahrhunderts. Peter Lang. Internationaler Verlag der Wissenschaften Frankfurt am Main, 2009. S. 29.

²²² О молодежных движениях Германии см.: *Tyldesley M.* No heavenly delusion? A comparative study of three communal movements. Liverpool University Press, 2003. 224 p.

заповедях Евангелия, о молитве — я никогда не думал, что высокие религиозные истины могут восприниматься с таким пылом... Я и сам нашел что-то особенное. Я успокоился. Я обрел свое истинное призвание: помогать человеку, жаждущему истины. Для этого мне не нужно даже помещения: если Бог даст — хорошо, а если нет — обойдемся и без него. Комната и два стула — вот и все, что требуется. Вот что я увидел»²²³.

Начало сотрудничества Гвардини с «Источником» совпало с преподаванием на кафедре религиоведения и католического мировоззрения Берлинского университета. Два этих служения, молодежное и академическое, удивительным образом соединялись в личности Гвардини. Всего за несколько лет напряженной работы он написал несколько книг, читал лекции, служил и проповедовал, а главное — в Бург Ротенфельсе ему удалось создать культурный, общественный и литургический центр, который привлекал людей разного возраста и социального положения. То, что делал Гвардини, существенно отличалось от того, чем занимались его предшественники. Начиная с 1924 года в Бург Ротенфельсе начали проводиться «культурные недели», на которые с готовностью приезжали известные архитекторы, богословы, общественные деятели. Молодые люди готовили совместный доклад на предложенную тему (например, в 1924 году — «Культурный кризис наших дней и отправная точка новой культуры»), после чего продолжали обсуждение в той или иной области знания в группах. Об уровне дискуссии можно судить по направлениям секций: движение за освобождение женщин, современная архитектура и музыка, капитализм, отношения народа и государства. Интеллектуальные занятия чередовались с периодами труда и отдыха. Гвардини ввел в обиход Бург Ротенфельса ежедневную мессу, совместную трапезу и обязательное молчание после ужина. Он устраивал публичные чтения художественной литературы, поощрял увлечение театром и занятия спортом. С 1924 года Гвардини был главным редактором альманаха «Товарищи по оружию» («*Schildgenossen*»), в

---

²²³ Цит. по: Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung... Ss. 115-117.

котором печатались статьи общественных деятелей круга «*Abendland*» и «*Hochland*» (в отличие от других движений, «Источник» был скорее пацифистской организацией). К. Марметшке замечает: «Если «Источник» трех силезских пастырей в первую очередь был нравственно-педагогическим проектом для молодежи, то Гвардини развивал образовательно-политический проект для молодых, но уже взрослых, людей»²²⁴. Если в двух словах попытаться охарактеризовать, что делал Гвардини, можно сказать, что он формировал у молодых людей церковное мировоззрение.

Нововведения, которые предложил Гвардини, его независимость и решимость вызывали бурную реакцию — от полного неприятия до восторга. «Между народным танцем и Мери Вигман, между Хиндемитом и народной песней с хлопанием в ладоши едва ли есть что-то общее»²²⁵, — замечает современник. В 1925 году в результате раскола «Источник» покинули около 2000 человек²²⁶, а двумя годами позже Гвардини был избран лидером «Источника» и оставался им вплоть до закрытия национал-социалистами в 1939 году.

Немецкий исследователь Р. Криг замечает: «Для Гвардини Бург Ротенфельс был экспериментальной лабораторией, в которой он проверял свои взгляды относительно жизни в сообществе, молитве и образовании»²²⁷. Молодежное движение для Гвардини не было просто собранием верующей молодежи или отделением политической партии, но местом, в котором лучше всего можно почувствовать себя частью Церкви.

- *Чинопоследование «общинной молитвы»*

---

²²⁴ *Marmetschke K.* «Nicht mehr Jugendbewegung, sondern Kulturbewegung!» Die Zeitschrift Die Schildgenossen in der Weimarer Republik // Das katholische Intellektuellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871-1963). Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien, 2006. S. 291.

²²⁵ *Messerschmid F.* Bilanz einer Jugendbewegung. Quickborn und Rothenfels von den Anfängen bis 1939. S. 792. Цит. по: *Marmetschke K.* Op. cit. S. 292.

²²⁶ В воспоминаниях одного из основателей «Источника» К. Хоффманна есть интересное высказывание о Гвардини: «Он не был нашим. Будучи итальянцем, едва ли он имел какое-то представление о воздержании. Даже название «Источник» ему не нравилось». Цит. по: *Marmetschke K.* Op. cit. S. 290

²²⁷ *Krieg R.* Op. cit. P. 60.

В 1920 году в Дюссельдорфе был издан чин «общинной молитвы» (*Gemeinschaftliche Andacht*) — последование мессы, адаптированное Гвардини для Майнцского отделения союза гимназистов «Молодость» («*Juventus*»). Эта редакция, составленная как своеобразный «ответ» песенной мессе Мария Лаах, стала основой совершения мессы в «Источнике» и послужила моделью для экспериментов других священнослужителей. В предисловии Гвардини объясняет, что природа богослужения предполагает не только молитву, а совместное делание клириков и мирян, которое связывает их друг с другом и преображает их повседневную жизнь. «... Можно не просто быть зрителями или слушателями мессы — можно быть ее со-делателями. Для этого не нужно вставать со скамьи и приближаться к престолу, как прислужники. Оставаясь на своем месте, нужно только поднять глаза и сердце ввысь; молиться словами, которыми молится священник; думать теми же мыслями; со-участвовать в каждом движении и действии... Поскольку человек молится так, как молится Церковь, он не может заботиться только о себе... Непроизвольно он ощущает себя вместе с другими, с теми, кто сидит рядом. Он чувствует себя частью большой семьи, во главе которой находится священник... И более того! Человек собирается с силами и приводит жизнь в соответствие с мессой... Если утром он участвует в совершении мессы, в течение всего дня он чувствует, что должен быть чистым сердцем, искренним в общении и поступках, стремящимся ко всякому благу»²²⁸.

Материальная основа «общинной молитвы» Гвардини — ординарий²²⁹ «читаной мессы», большая часть которой, за исключением евхаристического канона, совершается на немецком языке. Изменяемые части Гвардини советует брать из миссалов для мирян (т.е. тоже написанные на немецком). Произнесение разных частей мессы совершается «по ролям»: священник, «молитвенник» (*Vorbeter*), который отчасти напоминает диакона, хор, анти-

²²⁸ *Gemeinschaftliche Andacht zur Feier der Heiligen Messe von Dr. R. Guardini*. L. Schumann Druckerei und Verlag. Düsseldorf, 1920. Ss. 6-7.

²²⁹ Ординарий – неизменяемые части католического богослужения.

хор и «все вместе» (*Alle zusammen*). Обряд причащения включен в состав мессы. Если месса окажется слишком длинной, некоторые ее части могут быть опущены²³⁰. В предисловии Гвардини замечает, что, поскольку месса предназначена для совершения в молодежной среде, он сделал не буквальный, а вольный перевод²³¹.

- *Организация литургического пространства. Богослужение в Бург Ротенфельсе и Берлине*

С именем Гвардини и его друга, архитектора Рудольфа Шварца, связан эксперимент по созданию нового образа церковного здания — «дома Церкви» (*domus ecclesia*). Если в бенедиктинских монастырях «общинная месса» совершалась преимущественно в помещениях крипты, для богослужения в Бург Ротенфельсе было спроектировано специальное пространство, в котором богословие Гвардини получало свою формальную завершенность. В работах, посвященных богословию архитектуры, Шварц утверждал, что задачей искусства является создание совершенных форм, способных точно передать содержание душевной жизни. Совершенная реальность бытия, в которой живет Церковь, предполагает совершенную форму, в которой нет двусмысленности и пустоты и в которой все — расположение людей, их движение и действия, — символично и вмещает ее таинственную жизнь. Шварц говорит здесь как о внешней — храмовой, так о внутренней, богослужебной, архитектуре, в которой Церковь выявляет себя как община, восхваляющая своего Спасителя²³².

Богослужение в Бург Ротенфельсе совершалось в северной часовне и т.н. «рыцарском зале», довольно просторных помещениях, вмещавших до пятидесяти человек. По просьбе Гвардини Шварц сделал их предельно функциональными и не лишенными красоты: белые стены, несколько

---

²³⁰ *Gemeinschaftliche Andacht...* S. 10.

²³¹ *Ibid.* S. 9.

²³² см.: *Ruppert G.* Liturgie und Kunst. Theologischegeschichte und kunsthistorische Anmerkungen zum Verhältnis Romano Guardini – Rudolf Schwarz // *Das Münster. Zeitschrift für christliche Kunst und Kunstwissenschaft* 34 (1981). Ss. 32-38.

высоких окон и множество деревянных табуреток, которые переставлялись в зависимости от типа богослужения. С потолка часовни спускалась люстра, на которой в определенные моменты зажигались свечи, пол был сделан из красного камня, у южной стены находился престол, покрытый матовой поверхностью. Когда на престол падал свет из витражного окна, он изменял цвет²³³.

Шварц считал, что монументальные пространства древних соборов, созданные по образу Церкви как «дома Божия» (*domus dei*), потеряли свою актуальность. Изменился образ восприятия богослужения и реальности, которое оно выражает. Культ «зрительного» почитания евхаристии и страха перед священным завершен. В понимании Шварца храмовое пространство — это «дом Церкви», небольшой общины, собравшейся за совместной трапезой и ожидающей приход Христа²³⁴. Желая придать этой идее фактическую завершенность, Шварц составил несколько схем расположения священника и молящихся в помещении: «круг» (Христос в центре и все люди стоят вокруг), «открытый круг» (община ожидает приход Христа, который должен завершить круг), «буква Т» (община готова сделать первый шаг в неизвестное). Язык архитектуры Шварца и язык богословия Церкви, на котором говорил Гвардини, был одним и тем же²³⁵.

Регина Кюн, посещавшая богослужения в часовне Берлинского университета, вспоминает: «Студенческая часовня была большим подвальным помещением, приспособленным для совершения воскресных богослужений. Позади свободно стоящего престола находилось металлическое распятие, а вокруг него стояли квадратные деревянные сиденья. Стул предстоятеля завершал круг. Большинство из нас стояли, потому что «Священные символы» [книга Гвардини «*Von heiligen Zeichen*» — А.С.] научили нас значимости этого положения тела... Мы также понимали, что значит «предстоять» перед престолом. Мы были абсолютно спокойны, и

²³³ Stegers R. Räume der Wandlung. Wände und Wege. Studien zum Werk von Rudolf Schwarz. Braunschweig/Wiesbaden 2000. S. 24.

²³⁴ Ibid. S. 35.

²³⁵ Ruppert G. Op. cit. S. 37.

в полной тишине и собранности мы свидетельствовали о космическом событии мирового значения, в котором каждый из нас играл свою роль... Служил он «читаную» мессу (*missa recitata*). Все мы знали латинский; один этот факт может подтвердить, что вокруг себя он собирал интеллектуалов»²³⁶.

Богослужения в Бург Ротенфельсе и Берлинской студенческой часовне привлекали огромное количество людей. Среди них были многие известные люди — Карл Ранер, Йозеф Пипер, Эрнст Михел, будущие основатели Лейпцигского оратория и другие. «Узнав Гвардини, мы столкнулись с неожиданным измерением духовной реальности, — писал Пипер. — Мы начали понимать, что такое «священный символ», и что, помимо удушающей примитивности разговоров о морали и доктрине, что-то реальное происходит в таинственном культовом действии... Мы увидели, что это и есть сердцевина интеллектуальной и духовной жизни, и не только в христианстве, но во всех до-христианских и не-христианских религиях. Более того, мы постигали все это в непринужденной атмосфере открытости миру»²³⁷.

II.3.6. Выводы

Отличительной особенностью «переходного» этапа литургического движения Германии является образование просветительских центров, которые занимались литургическим образованием мирян и распространением идей литургического движения (литургии как нормы христианской жизни, необходимости активного и сознательного участия в литургии). Крупнейшими центрами литургического апостолата были аббатство Мария Лаах и замок Бург Ротенфельс, в котором проводились конгрессы молодежного движения «Источник».

Сотрудничество аббата Ильдефонса Хервегена и членов Католической ассоциации выпускников вузов вдохновлялось идеалами бенедиктинского монашества и стремлением к общественным преобразованиям. Деятельность

---

²³⁶ Цит. по: *Kuehn R. Romano Guardini in Berlin // Krieg R.A. Romano Guardini: Proclaiming the sacred in the modern world. Archdiocese of Chicago 1995. P. 88.*

²³⁷ *Krieg R. A. Romano Guardini... P. 61.*

Романо Гвардини в молодежном движении «Источник» характеризуется стремлением поместить христианство в контекст современной культуры, найти совершенный язык для выражения неизменной веры Церкви. В это время были сделаны попытки соотнести суть литургического акта с его внешним выражением, в результате чего появились два экспериментальных чинопоследования мессы — «общинная месса» Мария Лаах и «общинная молитва» Романо Гвардини.

В послевоенное время между «школой Мария Лаах» и Романо Гвардини возникло противоречие по поводу вопроса о соотношении литургического благочестия и индивидуальных молитвенных практик. «Монашеская» точка зрения считала последние излишними и вредными, а Гвардини настаивал на том, что некоторые индивидуальные духовные упражнения дополняют литургическую молитву, делают ее более понятной и близкой.

В конце существования Веймарской республики богословская концепция о преображении мира из духа литургии, которую предложил Хервеген, породила две взаимоисключающих идеи: об объединении католической Европы (*Abendland-Idee*) и о слиянии католической Германии с национал-социалистическим государством (*Reichstheologie*). Последняя представляет собой «тупиковую» ветвь литургического движения и указывает на опасности, возникающие в результате соединения богословия и политики.

Положительным итогом «академического» и «переходного» этапов литургического движения Германии стало то, что его идеи получили распространение и поддержку. К началу тридцатых годов был накоплен достаточный опыт для того, чтобы сделать следующий шаг.

II.4. Приходской этап литургического движения

Целевой аудиторией, к которой обращались Ильдефонс Хервеген, «академики» и Гвардини был класс образованных людей — клирики, студенты и немецкая интеллигенция, которые должны были стать наставниками народа. Третий этап литургического движения был связан с организацией приходской жизни. Ее основными характеристиками являются пастырская работа с простыми людьми и социальное служение мирян, а в богослужении — следование ритму церковного календаря и совместное пение.

II.4.1. Пий Парш. Община св. Гертруды в Клостернойбурге

Одним из тех, кто направил литургическое движение в сторону приходской жизни, был клирик августинского монастыря Клостернойбург Пий Парш. Называя себя «учеником Мария Лаах»²³⁸, Парш больше всего заботился о литургии для народа. В центре богословия Парша находится синтез Священного Писания, литургии и внимания к церковному календарю. «Мы знаем, что Библия ведет к литургии и наоборот. С Библией или литургией люди входят в сферу влияния нашего большого движения, которое стремится вновь найти дорогу к общинной структуре древней Церкви. Тот, кто углубляется в Библию, постепенно отдаляется от духа индивидуализма и субъективизма, присущего новому времени и не может долгое время находиться в стороне от литургического движения»²³⁹. Парш отмечал, что активное участие в литургии состоит во-первых, из слышания слова Божия и во-вторых, из принятия Святых Таин: «Народ должен... получать двойное

---

²³⁸ см.: *Poschmann A.* Op. cit. S. 123.

²³⁹ Цит. по: *Jeggle-Merz B.* “Gottesgaben zur Erneuerung religiösen Lebens“. Die Synthese von Bibelbewegung und Liturgischer Bewegung bei Pius Parsch (1884–1954) // *Wort des lebendigen Gottes. Liturgie und Bibel* FS Hansjörg Becker. Hg. v. Alexander Zerfuß u. Ansgar Franz. Mainz 2016 (PiLi 16). S. 4.

причащение: причащение слышания и причащение уст»²⁴⁰. В 1926 году Парш основал журнал «Библия и литургия», а в 1928 году — газету «Живи с Церковью».

В 1919 году около Парша образовалась небольшая община, с которой он начал проводить занятия, посвященные жизни Иисуса и литургии. На праздник Вознесения 1922 года в небольшом храме св. Гертруды рядом с монастырем он совершил первую «общинную» мессу, получившую название «хоровой» (*Chormesse*). Все богослужение совершалось на немецком языке: неизменяемые части (*Kyrie, Sanctus, Agnus Dei*) пел народ, остальные части ординария и проприя, чтения и молитвы священника читались вслух. На древнехристианский поцелуй мира указывало рукопожатие²⁴¹. «Народная литургия», составленная Паршем, получила широкое распространение: к 1930 году общий тираж брошюр с текстом литургии дошел до 25 миллионов экземпляров. Наивысшей точки своего успеха «литургия Парша» достигла в 1933 году, когда ее совершил (в виде «мессы молитвенного пения»)²⁴² кардинал Теодор Инницер во время общенемецкой католической конференции в Вене. На протяжении многих лет «народная литургия» Парша была основной моделью для приходского богослужения.

Большое значение Парш придавал освящению времени — ритму церковного календаря. Некоторые его мысли находят прямые аналогии в таинственном богословии Одо Казеля. «В годичном круге Церковь раскрывает перед нами всю тайну Христа от Воплощения и Рождества до Вознесения, Троицы и ожидания Его Второго Пришествия. Когда совершаются тайны нашего спасения, открываются богатства домостроительства Божия, так что они становятся некоторым образом современными нам и верующие, соприкасаясь с ними, наполняются благодатию Святого»²⁴³. Идя по стопам аббата Геранже, в 1923 году Парш

---

²⁴⁰ Ibid. S. 5

²⁴¹ Poschmann A. Op. cit. S. 126.

²⁴² Во время «мессы молитвенного пения» («Betsingmesse») вместо песнопений проприя исполняются немецкие церковные песнопения.

²⁴³ Цит. по: Buchinger H. Einführung zur Neuausgabe. Pius Parsch und das Kirchenjahr: Aspekte liturgischer Erneuerung // Pius Parsch, Das Jahr des Heiles. Neu eingeleitet von Harald Buchinger (PPSt 7), Würzburg 2008. S.

издал «Клостернойбургский литургический календарь», а с 1928 года, за двадцать лет до реформы Пасхального богослужения (так же, как и Одо Казель) стал совершать пасхальное всенощное бдение. Просветительские усилия Парша принесли и другие плоды: в 1924 году вокруг него возникло «литургическое сообщество священников», в котором было около 240 человек; в 1936 году в Клостернойбурге была проведена масштабная конференция «Литургия и душепопечение».

В строгом смысле слова община Парша не была приходской, сам он называл ее «семьей»: к 1933 году в ней было около трехсот человек, большинство из которых были девушки и женщины — «главные носители литургического обновления»²⁴⁴. Несмотря на это, в ее основу был положен принцип, который впоследствии взяли на вооружение приходские священники: «народная литургия» как основа приходской жизни и социальной деятельности прихода.

II.4.2. Лейпцигский ораторий

По мере своего развития литургическое движение овладевало умами все большего числа людей, однако сведений о приходской деятельности обычных священников сохранилось не так много. Отчасти это связано с тем, что приходская жизнь проходит под более строгим контролем епископа, чем экспериментальные движения, а отчасти с тем, что по своей природе приход более консервативен, включает в себя не только молодых, но и пожилых людей. Приход, в котором могли быть реализованы идеи литургического движения, должен был отвечать нескольким требованиям: (1) возникнуть не в центре, а на периферии, в таком месте, где церковная власть сама нуждается в поддержке и усилении; (2) там, где приход существует не очень долгое время и при этом имеет хороший миссионерский потенциал и (3) во

25.

²⁴⁴ *Poschmann A.* Op. cit. S. 124.

главе прихода должны стоять люди нового поколения, опирающиеся на опыт предшественников. Первой настоящей «приходской единицей» литургического движения стал Лейпцигский ораторий имени святого Филиппа Нери — приход храма Пресвятой Девы Марии (*Liebfrauenkirche*) в Лейпциге, образованный в 1930 году.

Основателями оратория стали студенты богословского факультета университета Иннсбрука Тео Гункель, Хайнрих Калефельд и Эрнст Музиаль (впоследствии к ним присоединились Йозеф Гюльден, Вернер Бекер, Вальтер Кравинкель и другие). Познакомившись с жизнью основателя ораторианцев св. Филиппа Нери и работами кардинала Дж. Х. Ньюмана (кстати, основателя оратория в Бирмингеме), они увлеклись идеей литургического братства, в котором была бы реализована идея о всеобщем священстве. Основанием общинной жизни братства должна была стать литургия, местом служения — большой город, а направлениями деятельности — просветительство и социальная помощь.

Прежде чем идея об основании «содружества совместной жизни и служения миру» получила свое воплощение, его создатели прошли довольно долгий путь ученичества — сначала в молодежном движении, потом в монастырях. Х. Калефельд и Й. Гюльден были членами молодежного движения «Новая Германия» и во время конференций участвовали в «литургической мессе» Йозефа Крампа. В 1928 г. Х. Калефельд и В. Бекер стали помощниками Гвардини в «Источнике». В 1926 г. будущие основатели оратория встретились с Юнгманном, который научил их критическому отношению к литургическим текстам. Калефельд проводил каникулы в аббатстве Мария Лаах, а в 1928–1929 гг. Й. Гюльден и В. Кравинкель проходили новициат в Бойроне. Они видели богослужения, совершавшиеся по древнему монастырскому чину, и были свидетелями совершения «песенной мессы» Пия Парша в монастырской крипте Бойрона. Гюльден, который учился в иезуитской коллегии «Канисианум», общался с униатскими священниками, изучал церковнославянский язык и даже

прислуживал во время совершения литургии свт. Иоанна Златоуста. Большое впечатление произвела на ораторианцев приходская община священника из Мюльхайма Конрада Якобса, который пытался осуществить на практике идею о связи литургии с социальным служением мирян.

В конце 20-х годов, когда основатели оратория получили священнический сан, началось их общее дело, придавшее новый импульс литургическому движению. «Я надеюсь, — писал Гункель, — быть настоящим, глубоким и простым, близким к народу, священником для бедных... Я очень жду того дня, когда буду стоять как простой рабочий фабрики «Баумволле» или «Майер&Вайхельт». Потому что мы сидим в наших красивых храмах и темных исповедальнях — а снаружи, мимо нас, течет настоящая жизнь»²⁴⁵.

Приход в Лейпциге-Линденау епархии Майссена, в котором оказались священники, с самого начала поставил перед ними самые трудные задачи. Во-первых, приход был частью маленькой католической диаспоры, окруженной лютеранскими храмами. Во-вторых, вследствие экономических проблем количество католиков уменьшалось, а те, которые оставались в городе, не посещали храмы. В 1925 году по сравнению с 1910-м количество исповедующих католическую веру уменьшилось втрое, а половина детей родителей-католиков даже не были крещены. Храм в Лейпциге-Линденау располагался в грязном фабричном районе, а большую часть прихожан составляли польские иммигранты и несколько сестер ордена св. Елизаветы.

Вскоре после основания оратория, которое получило поддержку епископа Майссена, на приходе было организовано «обновление миссии». Для каждого из «мирян-апостолов», составлявших ядро прихода, был разработан ежемесячный план, согласно которому он посещал близлежащие кварталы, беседовал с жителями и приглашал их на богослужения. На самом приходе была введена практика регулярных собраний, во время которых прихожане и все, кто желал придти, общались друг с другом, слушали

---

²⁴⁵ *Poschmann A.* Op. cit. S. 33.

катехизические наставления и обсуждали планы совместной работы. При приходе существовала народная кухня и детский сад, сюда обращались безработные и те, у кого не было жилья. В окрестностях Лейпцига прихожане устраивали миссионерские богослужения, сопровождаемые игрой на музыкальных инструментах. В течение нескольких лет приход в Лейпциге существенно увеличился.

Социальная деятельность городского прихода в условиях экономических трудностей отнюдь не была чем-то новым для Католической Церкви. Еще в 1891 г. Лев XIII издал энциклику *«Rerum novarum»*, в которой обращал внимание на бедственное положение рабочего класса. Заслуга основателей Лейпцигского ордена состоит в том, что они заложили богословские основы социально-ориентированного прихода и сделали решающий шаг по направлению к легитимизации новой редакции «немецкой мессы».

Богословие приходской общины

Община ораторианцев зиждется на трех основаниях: царственное священство мирян, взаимодействие литургии и диаконии и двойной характер богослужения.

- царственное священство мирян

Жизнь общины предполагает иное понимание положения мирянина в Церкви. Представление о мирянине как о «не-клирике» неверно и ведет к разделению общины. У мирянина есть свое, особое, служение, которое так же важно, как служение клирика. Понятие «апостолат мирян» предполагает не жесткую иерархию, но со-участие в общем деле. Обязанность священника в том, чтобы вести приход к реализации своего призвания и тем самым исполнять послушание Церкви.

- взаимодействие литургии и диаконии (богословие эллипса)

Первые христиане «постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2:42), поэтому христианская община является одновременно субъектом молитвы и местом братского служения и помощи: «Молитва и любовь как два взаимно обусловленных и принадлежащих друг другу центра образуют вершины эллипса»²⁴⁶. Эллипс объединяет верующих вокруг престола, на котором совершается совместная вечеря (или даже семейная трапеза) со Христом. От алтаря община совершает движение вовне, в мир, и отдает ему свою любовь.

- двойной характер богослужения

В богослужении две стороны: культовая и благодатная. Литургия — внешняя благодать (*gratia externa*), которая по мере своего действия на людей, приводит их к поклонению, к культуре (*gratia interna*). Культовая сторона неотделима от благодатной, внешние богослужебные действия (движения, песнопения, пространство, свет и т.д.) и молитвенное благоговение образуют единство. Совершая богослужение, община отвечает на призыв Божий, оказывается «способной к евхаристии» (*eucharistiefähig*).

С точки зрения ораторианцев, община представляет собой абсолютную ценность, первичный элемент церковного организма: в собственном смысле она и есть Церковь в ее конкретном проявлении, одновременно Тело Христово и «народ Божий». Община — это семья, в которой разрешается противоречие индивидуальной и совместной религиозной жизни: «Жизнь даруется одному и обновляется в единстве со всей общиной, глава которой — Христос, а душа — Святой Дух»²⁴⁷.

Особенности богослужения

²⁴⁶ Poschmann A. Op. cit. S. 84.

²⁴⁷ Ibid. S. 75.

Богослужение, которое совершалось на приходе в Лейпциге-Линденау, в значительной степени испытало на себе влияние социального богословия. Раз в месяц во время мессы совершалось «пожертвование общины», ставшее частью оффертория — принесения даров на престол. Во время «пожертвования» члены общины подходили к специальному столу и приносили дары для нуждающихся (деньги или вещи) или, собственно, дары для совершения мессы. Обряд принесения даров означал, что каждый верующий христианин становится вовлеченным в жертвоприношение Церкви, которое Христос во время совершения евхаристии делает Своим. Из практики Восточной Церкви были заимствованы ходатайственные прошения о членах общины, народе и Родине. Это позволило включить личные мотивы в богослужебную структуру, не нарушая ее общинный характер. В зависимости от событий, происходивших в общине или в стране, содержание прошений менялось.

Литургическое творчество ора토리анцев было научно обоснованным, интенсивным и разнообразным. В середине тридцатых годов в «арсенале» общины было несколько вариантов богослужений суточного круга, созданных для разных целей: детская месса, молодежная пасхальная месса, воскресная и ежедневная месса (трех разных редакций), повечерие и вечерня. При этом наибольшее внимание уделялось тем элементам богослужения, которые, так или иначе, подчеркивают его соборный характер: «Внутренняя динамика, участие общины, включенность в диалог вместе с диаконом, трапезный характер евхаристии, собрание вокруг престола и распределение ролей как выражение совместного праздника, в котором община участвует как совершитель литургии — все это стало ясно в текстах мессь»²⁴⁸. В примечаниях появляются указания на вариативность: то или иное место может быть изменено или опущено в зависимости от условий совершения богослужения. Переводя тексты на немецкий язык, ора토리анцы считали, что задачей перевода является прояснение непонятных мест, а не просто месса на

---

²⁴⁸ *Poschmann A.* Op. cit. S. 150.

немецком языке. Особое внимание уделяется символам: положению тела, молчанию, организации литургического пространства. В целом порядок ораторианской мессы ориентирован на высокую мессу (*Hochamt*) с совместным пением, диалогом священника и общины, использованием немецкого языка наряду с латинским.

Открытием Лейпцигского оратория стало использование служб дневного литургического круга (т.н. «литургии часов») в приходской практике. Накануне больших праздников ораторианцы совершали комплету (повечерие) и вечерню, рассматривая их как необходимую подготовку к утренней мессе. Здесь также использовались совместное пение, диалоги между священником и прихожанами, а в постовое время — молитвенное молчание. Пение иногда совершалось антифонно, двумя хорами, латинские тексты заменялись немецкими песнопениями, использовались ходатайственные прошения. Богослужения были общедоступными, на них охотно приходили простые люди. «Почти каждое воскресенье, а часто и на неделе [комплета] поется в различных группах и кружках... Каждый воскресный вечер фабричные юноши и девушки слушают 90-й псалом, исполняемый григорианским распевом»²⁴⁹.

Редакции литургических текстов, сделанные в оратории, издавались в местном издательстве и распространялись по всей стране. Особенную популярность они приобрели в молодежных движениях «Источник» и «Новая Германия», их использовали и приходские общины. «Текст нашей мессы вызвал всеобщий интерес, и нам нужно отправить в разные места еще порядка четырех с половиной тысяч экземпляров, хотя в открытую о нем никто не сообщал. Люди ищут пути к совершению общинного богослужения, но не знают, с чего начать. Отовсюду к нам обращаются с этими вопросами»²⁵⁰.

---

²⁴⁹ Цит. по: *Poschmann A. Op. cit. Ss. 176-177.*

²⁵⁰ *Poschmann A. Op. cit. S. 152.* О масштабе тиражей говорит, например, тот факт, что в 1934 году по всей Германии было отправлено более 15 тыс. экземпляров с текстом комплеты, а в 1935 году – 50 тыс.

Каждое ораторианское издание получало одобрение церковной власти, богослужения в общине неоднократно посещал администратор диоцеза Майссен епископ Петрус Легге. Когда в 1934 году в диоцезе Майссена рассматривался вопрос о единой форме общинной мессы, ораторианская редакция была признана самой удачной (потому что давала больше возможностей для совместного пения и молитвенного молчания). Однако слава ораторианцев, далеко выходящая за пределы диоцеза, вызывала и обратную реакцию. В 1933 году, когда в общине стали совершать пасхальное богослужение ранним утром, местные епископы забеспокоились: на изменения такого рода требовалось формальное разрешение Конгрегации священных обрядов. В 1936 году, когда Легге был арестован и его место занял епископ Берлина Конрад фон Прейзинг, ночное пасхальное богослужение было запрещено. Но это не остановило ораторианцев: в 1939 году в издательстве Вюрцбурга вышло в свет чинопоследование «Немецкого праздника Воскресения»²⁵¹ (*Deutsche Auferstehungsfeier*) под редакцией Х. Калефельда, основанное на богослужебной практике оратория и Бург Ротенфельса. Благодаря энтузиазму ораторианцев удалось «воцерковить» богослужение, которое находилось ближе к народному обычаю, чем собственно к литургии. На некоторое время совершение «Праздника Воскресения» стало заменой запрещенного пасхального бдения.

В 1933 году началось сотрудничество ораторианцев с Рудольфом Шварцем. По его проекту в поперечном нефе задней части Лейпцигского храма была построена небольшая часовня, из которой широкая лестница поднималась в главный храм. Небольшие размеры часовни позволяли лучше ощутить единство общины, а свободно стоящий престол позволял совершать богослужение в двух направлениях — в том числе со священником, обращенным «лицом к народу». Дарохранильница, стоявшая на главном престоле, была переставлена на престол бокового нефа. Этим ораторианцы

---

²⁵¹ «Праздником Воскресения» называлось паралитургическое народное богослужение, для которого было характерно использование немецкого языка и торжественное вознесение Креста или дарохранильницы. В отличие от уставного пасхального богослужения, оно могло совершаться и в пасхальную ночь.

подчеркивали различие между литургией и практиками индивидуального благочестия. Как и чинопоследования, храмовая архитектура была призвана формировать общинное сознание и служить иллюстрацией мысли Гюльдена: «Не только священник есть Церковь, но община, членом которой он является... Общине доверено троекратное служение: быть носителем истины, любви и совершителем богослужения»²⁵².

II.4.3. Кризис литургического движения и его разрешение

С приходом к власти национал-социалистов деятельность молодежных и академических союзов была приостановлена или направлена в идеологическое русло. Литургическое движение стало постепенно перемещаться на уровень епархий. К концу 30-х годов результаты, достигнутые в центрах литургического движения, получили поддержку приходских пастырей и некоторой части епископата. Однако вместе с увеличением участников литургическое движение приобретало все более хаотичный и неупорядоченный характер. Отсутствие управляющего центра, необходимое на первых этапах, в тридцатые годы привело к литургической анархии: священнослужители начали пренебрегать указаниями богослужебного устава, отрицали индивидуальные практики благочестия, увлекались самовольным редактированием текстов. Недовольство этими искажениями привело к кризису литургического движения.

В 1939 году известный проповедник и миссионер Макс Кассиепе издал брошюру «Ошибки и заблуждения в духовной жизни современности» (*«Irrwege und Umwege im Frömmigkeitsleben der Gegenwart»*), в которой подверг литургическое движение жесткой критике. От автора досталось и ученым-литургистам, и пастырям-практикам. Главными искажениями Кассиепе называет «литургизм» (поиск и изучение древнейших

---

²⁵² Цит. по: *Poschmann A.* Op. cit. S. 225.

литургических форм при полном пренебрежении приходской жизнью) и эксперименты, не получившие одобрения Церкви: самовольная редакция литургических текстов, служение священника «лицом к народу», использование немецких духовных песнопений вместо канонических латинских, пасхальное всенощное бдение, требование причащаться только во время мессы²⁵³. Кассиепе требовал, чтобы «широкое и беспокойное течение литургического движения было сдержано разумной материнской рукой Церкви и направлено в правильное русло»²⁵⁴. В 1941 г. священник из Трира Аугуст Дернер написал сатирический памфлет на литургическое движение «Чувствовать вместе с Церковью» («*Sentire cum ecclesia*»), которое направил не только немецким епископам, но и Пию XII.

Кризис литургического движения поставил под сомнения результаты работы многих его лидеров. В 1942 г. архиепископ Фрайбурга Конрад Гребер написал Т. Гункелю: «Вы знаете, что в течение десяти и более лет я со своими друзьями заступался за Лейпцигский ораторий. Между тем, к моему сожалению, вы развиваете такие идеи догматико-литургического свойства, с которыми я не могу согласиться. Из этого следует, что всякая деятельность члена оратория в пределах моей епархии нежелательна»²⁵⁵.

Приближение кризиса чувствовали не только противники литургического движения, но и его сторонники. В середине 30-х годов они начали работу по разработке критериев литургического развития и сближению с официальной церковной властью. В 1935–37 годах состоялось несколько встреч лидеров движения, на которых обсуждался вопрос о единой форме приходской мессы. Наиболее подходящим вариантом была признана «немецкая песенная месса» (*Hochamt*): она была понятна простым людям, давала возможность совместного пения и обеспечивала наиболее правильный «баланс участия» священника и прихожан.

---

²⁵³ см.: *Krieg R.A.* Op. cit. Pp. 82-83.

²⁵⁴ Цит. по: *Poschmann A.* Op. cit. S. 170.

²⁵⁵ Цит. по: *Poschmann A.* Op. cit. S. 3.

В 1940 году по просьбе Альберта Штора Р. Гвардини написал статью «Слово о литургическом вопросе», в которой изложил причины кризиса литургического движения и разрушающие его тенденции²⁵⁶. Гвардини предостерегал церковную власть от поспешных выводов и просил поддержать литургическое движение, вместе с тем требуя от его лидеров избегать «литургизма», «дилетантизма», «прагматизма» и «консерватизма» (См. Приложение 2).

В 1939 году немецкая конференция епископов назначила комиссию по литургическим вопросам, в которую вошли епископ Майнца Альберт Штор, епископ Пассау Конрад Ландерсдорфер, викарий Трирского диоцеза Хайнрих фон Мойрерс и эксперты, среди которых были Р. Гвардини, Й.А. Юнгманн, Х. Калефельд и Л. Волькер. Результатом работы комиссии стали «Указания о форме приходского богослужения» (1942), которые были представлены на рассмотрение конференции епископов и ее главе кардиналу Адольфу Бертраму. «Указания» рекомендовали использовать в качестве основы для приходского богослужения не «чтомую», а «песенную» мессу (в трех вариантах: «хоровая месса», многоголосая «высокая месса» и «Немецкая высокая месса», в которой священник совершал мессу на латыни, а прихожане пели немецкие духовные песнопения)²⁵⁷.

В 1942 году комиссия по литургическим вопросам представила результаты своей работы в Рим, а в апреле 1943 г., несмотря на сопротивление Гребера, кардинал Бертрам представил в Рим документ «О литургическом движении в епархиях Германии». 11 ноября 1943 года под председательством Пия XII состоялось заседание комиссии кардиналов, на котором присутствовал и Бертрам. Литургическое движение было признано достойным внимания и похвалы, хотя и говорилось о том, что некоторые нововведения были самовольными. Епископы Германии были призваны

²⁵⁶ см.: *Guardini R.* Ein Wort zur liturgischen Frage // *Liturgie und liturgische Bildung*. 2. Aufl., unveränd. Nachdruck der 1. Aufl., Mainz, Paderborn: Matthias-Grünwald, Schöningh 1992. (Romano Guardini Werke. Hrsg. von Franz Henrich. Sachbereich Liturgische Bildung). Ss. 171-189.

²⁵⁷ см.: *Kaczynski R.* Theologischer Kommentar zur Konstitution über die heilige Liturgie Sacrosanctum Concilium, // *Herders Theologischer Kommentar zum Zweiten Vatikanischen Konzil*, hg. von P. Hünemann. Verlag Herder, Freiburg im Breisgau 2004. S. 36.

уделять особое внимание литургическому движению и самостоятельно регламентировать чинопоследования «общинной» и «песенной» мессы. Было разрешено совершение «немецкой мессы» и выражено согласие на благосклонное рассмотрение новых привилегий для немецких епархий²⁵⁸. Кризис литургического движения был преодолен.

В 1947 году по инициативе литургической комиссии епископской конференции был основан Немецкий литургический институт в Трире, который возглавил Йоханнес Вагнер. Был основан журнал литургического института и возобновлено издание «Литургического альманаха». В 1950 году во Франкфурте прошел первый литургический конгресс Германии, который организовали Романо Гвардини и Пий Парш. Литургическое движение вступало в новый этап конгрессов и конференций, которые по сути дела, были площадками для обсуждения уже существующих идей и предложений. Большая и самая трудная часть пути литургического движения в Германии была пройдена в двадцатые — тридцатые годы XX века. По словам Й.А. Юнгманна, в сороковые года литургическое движение «прекратило быть только движением; в своих существенных программных пунктах оно стало частью общего строя церковной жизни»²⁵⁹.

II.4.4. Выводы

В начале 30-х годов из центров литургического апостолата идея активного и сознательного участия в богослужении была перенесена на приходскую почву, в результате чего получила некоторые важные особенности. Благодаря идее о всеобщем священстве всех христиан значительно возросла литургическая роль мирян, особенно женщин; литургия приобрела более выраженный катехизический и социальный

---

²⁵⁸ Ibid. S. 37.

²⁵⁹ Jungmann J.A. Unsere liturgische Erneuerung im Lichte des Rundschreibens "Mediator Dei" Rückblick und Wegweisung // Geist und Leben. – 21.Jg. S.251.

характер, идея о взаимосвязи литургии и служения миру получила практическое воплощение; многообразие условий, в которых находится каждый конкретный приход (неоднородность, различные нужды, местные особенности и традиции) привели к более свободному обращению с богослужебным текстом (включение просительной ектении, различное распределение ролей, использование пения и немецкого языка и т.д.) и литургическим пространством. Понятие традиции Церкви включило в себя историю; богослужение стало тесно связанным с нуждами конкретной общины.

Злоупотребления в использовании «пастырского» подхода и несогласованность с волей немецкого епископата привели к кризису литургического движения. Его благополучное разрешение, однако, оказалось возможным благодаря тому, что к началу 40-х годов XX века идеи литургического движения получили общецерковное признание.

ГЛАВА III. ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

III.1. Литургическое движение Германии и энциклика «*Mediator Dei*»

После окончания Второй Мировой войны литургическое движение возобновилось с новой силой. В 1947 году Пий XII обратился к Католической Церкви с энцикликой «*Mediator Dei*» (далее MD), которую часто называют «хартией вольностей» литургическому движению. В энциклике оно впервые получило оценку со стороны высшей церковной власти, которую можно охарактеризовать как сдержанное одобрение. Осуждая модернистские тенденции и сохраняя верность традиционному богословию, папа

высказывает суждения, касающиеся ключевых положений литургического движения:

- активное участие в литургии — право и обязанность всех христиан;
- литургия — это молитва, совершаемая мистическим Телом Христа в полноте ее Главы и членов (MD 20);
- причащение верных является неотъемлемой частью мессы и всячески поощряется (MD 115–120);
- Христос присутствует в евхаристии под различными видами (MD 28);
- литургия — жертвоприношение всей Церкви, в том числе и мирян (MD 90; 204);
- использование национальных языков «в некоторых обрядах» может быть полезным для людей (MD 60);
- закон молитвы не определяет закон веры, а сам определяется верой. Именно вероучение первично (MD 46–48);
- литургия не исключает использование индивидуальных практик благочестия (MD 132). Единство невозможно без существования отдельных личностей, каждая из которых получает в том числе индивидуальные дары и освящение. Христианская жизнь требует личной аскезы (MD 77–78; 124–125);
- литургия принадлежит не только вечности, но и истории, поэтому (1) она может быть предметом научного исследования и (2) под контролем и с разрешения папы в нее могут вводиться новые элементы и исключаться устаревшие. Как любой живой организм, литургия развивается во времени (MD 51–59);
- отрицание литургического антикварианизма, имитация якобы «древней» литургии (MD 62).

III.2. Литургическое движение Германии и II Ватиканский собор

Основы для кардинальных преобразований в жизни Католической Церкви были заложены на крупнейшем в ее истории Втором Ватиканском Соборе (11 окт. 1962 г. — 8 дек. 1965 г.). В четырех заседаниях собора участвовали 3058 епископов и генеральных настоятелей монашеских орденов и конгрегаций. Собором были приняты 16 документов, общий объем которых составил более 30% от объема соборных документов Католической Церкви за всю ее историю²⁶⁰.

Созывая собор, Иоанн XXIII руководствовался желанием обновления Церкви, одновременно оставаясь верным католической традиции. Этим же стремлением были охвачены те, кого называют лидерами литургического движения — Л. Бодуен, Ж. Даниелу, Л. Буйе, Р. Гвардини. Каждый из них задавался вопросами, которые, в конечном счете, создали атмосферу собора: «Что такое Церковь»; «Как создается церковная традиция»; «Что происходит, когда Откровение начинает звучать в истории»; «Может ли Церковь XX века изменить мир». При этом выражением веры Церкви, свидетельством о ее традиционности и Божественном происхождении выступает литургия. Церковь и литургия нераздельны.

Рассматривая вопрос об идейной преемственности литургического движения в Германии и соборного богословия, нужно помнить о наличии «подводных камней»: отсутствии полного единства внутри литургического движения, неоднородности содержания соборных документов, двадцатилетней дистанции между окончанием периода исследования и началом собора. Ответом на первые два возражения может быть то обстоятельство, что любое сколько-нибудь масштабное и значимое движение существует не только за счет внутреннего согласия его участников, но также и «благодаря» противоречиям, которые выявляют общее направление этого движения. Например, несогласие по поводу соотношения литургического и

---

²⁶⁰ См.: Gaillardetz R.R., Clifford C.E. Op. cit. P. xiv.

индивидуального благочестия обнаруживает общее стремление найти наиболее точный способ выражения правила церковной молитвы. Разность в подходах к Церкви, которую обнаруживают документы II Ватиканского собора, указывает на то, что в ее описании невозможно довольствоваться каким-то одним определением. Третье возражение отчасти опровергается тем, что на II Ватиканском соборе в качестве «отцов» или «экспертов» побывали те, кто или был непосредственным участником описываемых событий, или их учениками и сподвижниками: ораторианец Йозеф Гюльден, его ученик епископ Отто Шпюльбек, член литургической комиссии конференции епископов Германии Йозеф Пашер, монах аббатства Мария Лаах, литургист Буркхардт Нойнхойзер, директор литургического университета в Трире Йоханнес Вагнер. Карл Ранер не раз посещал молодежные конгрессы в «Источнике», а в 1963 году сменил Гвардини на должности профессора религиозной философии Мюнхенского университета²⁶¹. Один из четырех модераторов собора, кардинал Юлиус Депфнер, был убежденным последователем социального богословия учителя «академиков» Х. Шелля²⁶². Наконец, в 1962 году Романо Гвардини был приглашен стать членом подготовительной комиссии собора, но отклонил это предложение из-за ухудшения здоровья²⁶³.

Пожалуй, главное возражение состоит в том, что отделить специфически «немецкий» след в литургическом движении от «не-немецких» не представляется возможным. Зародившись в Бельгии и Франции (а точнее — в бенедиктинских монастырях), оно стало распространяться с такой быстротой, что говорить о вкладе той или иной страны можно с большой осторожностью. Если в этом утверждении и есть правда, то правда и то, что в таком случае чрезвычайно важно, кто и как передает идеи движения дальше — людям разных социальных и возрастных категорий. В этом смысле можно сказать, что немецкие монахи и богословы находятся в первых рядах

²⁶¹ См.: *Krieg R.A.* Romano Guardini...P. 61.

²⁶² *Mokry S.* Döpfner, Julius // *Personenlexikon zum Zweiten Vatikanischen Konzil.* Hg. v. Michael Quisinsky und Peter Walter. Freiburg 2013. S. 94.

²⁶³ См.: *Krieg R.A.* Romano Guardini...P. 85.

литургического движения: они не только были «производителями смыслов» и не только занимались их распространением, но и сами воплощали эти идеи в жизнь. Именно поэтому без немецкого богословия II Ватиканский собор потерял бы многое из того, что составляет сокровищницу мысли Католической Церкви XX века.

- соучастие верных в пасхальной Тайне Христа

Понятие «пасхальной тайны», введенное в богословский обиход Одо Казелем, находится в центре соборного богословия таинств. В то время, как Христос умер и воскрес однажды и за всех, дар, исходящий от Его Крестной Жертвы — тайна Его любви — продолжает действовать в Его Церкви. В таинствах мы встречаемся со Христом, Который в силу этой любви вовлекает нас в события Своих страданий, Крестной смерти и Воскресения и тем самым подает нам спасительную благодать. «Через Крещение люди включаются в пасхальную тайну Христову: с Ним умершие, с Ним сопогребенные и с Ним совоскресшие, они принимают «Духа усыновления, Которым взываем: Авва, Отче» (Рим. 8:15) и так становятся истинными поклонниками, которых ищет Себе Отец... Подобным образом всякий раз, как они вкушают вечерю Господню, они возвещают смерть Господа, пока Он не придёт... Церковь никогда не переставала собираться воедино для свершения пасхальной тайны... в которой "изображаются победа и торжество Его смерти ...» (SC 6).

Мотив включенности человека в спасительные деяния Христа присутствует в пастырской конституции о современном мире «*Gaudium et Spes*» (далее GS). Приняв вольную смерть за все человечество, Он призывает нас следовать за Ним в жертвенном служении ближним даже до смерти. «Страдая за нас, Он не только подал нам пример, чтобы мы пошли по Его стопам, но и проложил нам путь: если мы следуем по этому пути, жизнь и смерть освящаются и обретают новый смысл» (GS 22). Соотнося свою жизнь с пасхальной тайной, мы становимся соучастниками

Бога в Его домостроительстве, проводниками Его благодати, спасительной для всего человечества. «Поскольку Христос умер за всех, и так как высшее призвание человека в действительности одно, то есть Божие, мы должны твердо верить, что Святой Дух дает всем возможность приобщиться этой пасхальной тайны ведомым Богу образом» (GS 22).

В конституции о священной литургии подчеркивается пасхальный характер литургического года. Богослужения пасхального цикла находятся выше остальных (SC 102), а дни памяти святых указывают на Христа — единственный Источник полученной ими благодати: «В дни памяти святых Церковь проповедует пасхальную тайну в этих святых, пострадавших и прославленных вместе с Христом, предлагает их верующим как пример, влекущий всех через Христа к Отцу, и благодаря их заслугам молит о благодеяниях Божиих» (SC 104).

В декрете о миссионерской деятельности Церкви «*Ad Gentes*» (далее AG) богослужение Великого поста предлагается восстановить в таком виде, чтобы оно «предрасполагало души катехуменов к празднованию пасхальной тайны: при совершении этих торжественных обрядов они через Крещение возрождаются во Христе» (AG 14).

- актуализация присутствия Христа в литургическом воспоминании

В таинственном богословии Казеля подробно рассматривается вопрос о характере литургического воспоминания, которое актуализирует присутствие Христа. В характере этого воспоминания Казель видел ветхозаветный «след» еврейской пасхальной молитвы, в которой бегство из Египта выступает не просто как ностальгическое воспоминание, а вновь переживаемое событие. Через воспоминание о смерти и Воскресении Христа, совершаемое во время литургии, Церковь переживает Его деятельное присутствие, в котором преодолевается пространство и время. В документах собора говорится о том, что в

священнодействиях литургии, которая «и зрима, и наделена незримыми началами» (SC 2), Христос присутствует: в жертвоприношении мессы (как под видом хлеба и вина, так и в богослужении), в таинствах, в Его слове (SC 7; SC 51; SC 48), в молитве и псалмопении (SC 7), и особым образом — в воскресные и праздничные дни богослужебного годового цикла (SC 102).

- полное, сознательное и активное участие в литургии

«Литургия — это вершина, к которой стремится деятельность Церкви, а вместе с тем и источник, из которого исходит вся её сила» (SC 10). Словосочетание «активное и сознательное участие в литургии» — девиз литургического движения. Вне этого контекста его не существует. Термин «участие» (*participatio*) в отношении к богослужению занимает главное место и в литургическом богословии собора: он встречается в конституции о священной литургии 16 раз.

Вопрос об участии в богослужении в документах собора формулируется словами, в которых ясно присутствует полемический порыв, характерный для литургического движения. «Церковь усердно заботится о том, чтобы верные присутствовали при этой тайне веры не как посторонние и немые зрители, но, верно понимая её через обряды и молитвословия, сознательно, благочестиво и деятельно участвовали в этом священнодействии, поучались словом Божиим, подкреплялись трапезой Тела Господня, воздавали благодарение Богу, принося непорочную жертву, причём не только руками священника, но и вместе с ним» (SC 48). Эта глава вполне могла быть написана Гвардини или одним из ораторианцев: в ней то же внимание к совместному и сознательному действию, упоминание о символичности обряда и аллюзия на всеобщее священство, приносящее дары от имени предстоятеля.

Для того, чтобы активное участие верных было сознательным, собор устанавливает норму литургического образования — предмет особого

попечения деятелей литургического движения Германии — от «академиков» и Гвардини до Лейпцигского оратория. «Пусть пастыри ревностно и терпеливо заботятся о литургическом воспитании и деятельном участии верных — как внутреннем, так и внешнем — соответственно их возрасту, положению, образу жизни и уровню религиозной культуры» (SC 19).

Участие в литургии не рассматривается собором как сумма некоторых индивидуальных действий людей, одновременно оказавшихся в одном и тот же храме. Совершитель литургии — вся Церковь. «Литургические действия суть не частные действия, но свершения Церкви, представляющей собою "таинство единства", то есть народ святой, собранный и руководимый епископами» (SC 26); «...всякое литургическое служение — дело Христа Священника и Его Тела, которое есть Церковь» (SC 7). Тот же самый принцип Церкви как субъекта литургической молитвы находятся в основе творений Гвардини, Хервегена и Юнгманна. Общинной молитве отдается предпочтение перед частной, хотя обе они признаются Церковью. В конституции о священной литургии сказано, что совместное совершение обрядов «при стечении и деятельном участии верных... является более предпочтительным, чем отдельное и как бы частное» (SC 27).

В документе о священной литургии содержатся принципы богослужбной реформы: сохранение благородной простоты римской мессы; внимание к передаче смысла всего богослужения и его отдельных частей; включение проповеди как части богослужения; восстановление «молитвы верных»; причастие верных от того же самого Тела, Которое освящается на литургии и возможное причастие под обеими видами; использование народного пения и национальных языков; допустимость сослужения» (SC II). Большинство рекомендаций собора можно найти в истории литургического движения Германии. Бенедиктинцы и ученые Мария Лаах говорили о благородной простоте римской литургии,

Гвардини — о ее образовательном потенциале, ораторианцы — об использовании пения и немецкого языка. Кроме того, все они на практике делали то, что собор только рекомендовал: использовали проповедь, причащение верных во время мессы, просительные и ходатайственные молитвы, совместное пение и использовали сделанные ими же переводы на родной язык. Распределение частей мессы «по ролям», которое использовали в Германии, было также заимствовано соборным документом о литургии: «На мессах, совершаемых при участии народа, подобающее место может быть отведено современному местному языку, особенно в чтениях и во "всеобщей молитве", а в зависимости от местных условий — также и в частях, предназначенных для народа. Тем не менее следует позаботиться о том, чтобы верные Христу умели совместно произносить и петь, причём и также и по-латински, предназначенные им неизменяемые части чина мессы» (SC 54).

Опыт организации литургического пространства, примененный Рудольфом Шварцем, используется в главе SC о церковном искусстве: «При строительстве священных храмов нужно тщательно заботиться о том, чтобы они были пригодны для совершения литургических действий с активным участием верных» (SC 124).

Собор учел опыт немецкой конференции епископов, учредившей литургическую комиссию, предписав в каждом отдельном диоцезе учредить комиссию по священной литургии «для развития литургической деятельности под руководством епископа» (SC 45).

- литургическое благочестие и индивидуальные духовные практики

Духовная жизнь не состоит только из литургии (SC 12). «Паралитургические богослужения христианского народа, если они согласуются с законами и нормами Церкви, настоятельно рекомендуются... необходимо, чтобы эти богослужения, сообразованные

с литургическим годовым кругом, были упорядочены так, чтобы согласовываться с литургией, некоторым образом из нее проистекать и приводить к ней народ, поскольку по природе своей литургия значительно их превосходит». (SC 13).

Соотношение между личной и литургической молитвой — предмет особого интереса и споров внутри литургического движения в Германии (*Frömmigkeitsprobleme*). В Конституции о священной литургии упоминание об этом противостоянии несколько сглажено, но в постсоборных документах (например, апостольском послании Иоанна Павла II «*Vicesimus quintus annus*» (1988) и особенно указаний конгрегации богослужения и дисциплины таинств «О народном благочестии и литургии» (2002)) рассматривают «проблему благочестия» как требующую особого внимания и попечения.

- богословие Откровения и литургическая традиция

Собор акцентирует внимание на диалогической природе Божественного Откровения. Бог не просто сообщает человеку какую-то информацию о Себе, а делает его участником Своего естества и ожидает свободного ответа человека на Свой призыв. Становясь частью истории, вечное Откровение продолжает жить в предании Церкви. Предание не исчерпывается Священным Писанием, догматами и вероучением и не является собственностью епископов, но всех христиан. Чтобы предание не умирало, его носители используют для его передачи современные для них средства выражения. В Догматической конституции о Божественном Откровении «*Dei Verbum*» говорится: «Апостольское Предание развивается в Церкви при содействии Святого Духа, ибо возрастает понимание предметов и слов Предания — возрастает и через созерцание и исследование, осуществляемое верующими, слагающими всё это в сердце своем, и через глубокое постижение переживаемой ими духовной реальности, и через проповедь тех, кто с епископским

преемством принял достоверный благодатный дар истины» (DV 8). Понимание предания как развивающегося во времени Откровения приводит к выводу о том, что способы его изложения могут быть предметом критического анализа: «...истина излагается и выражается по-разному и различными способами в текстах исторических, пророческих, поэтических или в других «речевых жанрах». Поэтому нужно, чтобы толкователь исследовал смысл, который священнописатель хотел выразить и выразил в определённых обстоятельствах, соответственно условиям своего времени и своей культуры, посредством употреблявшихся в его время литературных жанров» (DV 12).

Концепция развития церковной традиции, которую развивали Дж. Х. Ньюман и Й.А. Мелер, была поддержана в работах лидеров литургического движения Германии. По сути дела, вся «наука о литургии» представляет собой иллюстрацию взгляда собора на соотношение вечного и временного в Церкви. Идея о развитии предания давала ее последователям право на изменение богослужения. То, что было важно для литургии XX века, было выделено и поставлено на первый план, а то, что утратило актуальность — отложено навсегда.

- Церковь — мистическое Тело Христово

Одной из особенностей соборного богословия является то, что феномен Церкви рассматривается в нем с разных сторон. Особенно это относится к Догматической конституции о Церкви «*Lumen Gentium*». О Церкви говорится одновременно как о «строении Божиим», «Невесте Агнца», «Небесном Иерусалиме», «социальной структуре», «зримой общине» (LG I), однако более всего как о «мистическом Телом Христовом», «народом Божиим» и «таинстве единства и спасения». «Дарованием Своего Духа Он мистически составил Своё Тело из братьев Своих, призванных из всех народов» (LG 7). Мистический, или таинственный, аспект Церкви вырастает из Воскресшего Христа и Его Духа: искупленное человечество

объединяется во Христе и становится единым Телом, Церковью. Вертикальное и горизонтальное измерение Церкви (связь со Христом и людей друг с другом) находят свое абсолютное выражение в евхаристии, которая называется «источником и вершиной всей христианской жизни» (LG 11). Участвуя в литургии, христиане приносят Жертву вместе со Христом, преображаются в образ и подобие Христа и все ближе соединяются друг с другом. Евхаристия и церковное единство неразрывно связаны, из евхаристии строится Тело Церкви.

В первую очередь Церковь проявляет себя в евхаристическом собрании местной общины (SC 41). Клирики и миряне не противопоставляются, а дополняют друг друга. В каждом, даже небольшом, приходе, есть все, чтобы Церковь проявилась в нем во всей полноте своих благодатных даров. «...Первостепенное проявление Церкви имеет место при полном и активном участии всего святого народа Божия в одних и тех же литургических действиях» (LG 41).

Церковь — видимый символ всего человечества. Приобретя Церковь Своею Кровью, Христос «дал ей подобающие средства достижения зримого и социального единства» (LG 9). Это единство проявляет себя в служении всему миру: свидетельстве об истине и материальной помощи нуждающимся. «Церковь окружает любовью всех удручённых человеческой немощью: более того, в бедных и страждущих она признаёт образ Своего Основателя, нищего и страждущего, старается облегчить их нужду и стремится послужить в них Христу» (LG 8).

В богословии литургического движения ясно прослеживаются некоторые важные элементы соборной экклезиологии: полифоничный подход к понятию «Церковь», смещение акцентов от институционального к соборному, отход от схоластического метода богословия в сторону мистического или экзистенциального. В литургическом движении Церковь и мир не рассматриваются как две противоположные реальности, но как сообщающиеся сосуды; Церковь призывается не только к

обслуживанию себя самой, но и к служению миру. И у Хервегена, и у Гвардини, и у ораторианцев Церковь проявляет себя прежде всего в литургии, таинственной реальности, которая преображает человека, делая его причастником божественного естества. Благодаря закону единства противоположностей, который использовал Гвардини, вертикальные (человек — Христос) и горизонтальные (человек — человек) отношения не противоречат, а дополняют друг друга, создавая тем самым Церковь — «сообщество истины» и «таинство единства».

- служение Церкви современному миру

С одной стороны, Церковь использует опыт предыдущих поколений, прибегает к философской мудрости и следит за результатами научных исследований (GS 44). С другой стороны, она несет этому миру благую весть: «Странствующая Церковь по природе своей является миссионеркой, ибо она берет свое начало в миссии Сына и в ниспослании, т. е. миссии, Святого Духа» (AG 2). Церковь не может отделиться и жить отдельно от мира, ее цель — открыть ему смысл существования и привести ко спасению. Диалог Церкви и мира строится через механизмы культуры: «Церковь, живя на протяжении веков в различных условиях, пользовалась достижениями различных культур, чтобы своей проповедью распространить Христову весть среди всех народов» (GS 58). Вступая на путь служения миру, Церковь не использует готовые шаблоны, каждый раз ищет новый подход к той или иной проблеме, сочетая Откровение с опытом всего человечества (GS 33).

Формирование «католического мировоззрения» — отправная точка литургического движения Германии. Откликаясь на социальные, экономические, политические изменения, Церковь продолжает свое свидетельство об истине. Она говорит с миром на языке современной культуры, не только задавая вопросы и назидая, но и вступая с ним в

диалог, находясь в постоянном поиске синтеза между верой и знанием, Откровением и историей.

Еще одна ключевая идея немецких католиков рассматриваемого нами периода — идея о социальном преображении мира через литургию. Отсюда возникает не только живой интерес к общественной и политической жизни страны, но и стремление воздействовать на умы и сердца большого количества людей.

- апостольство мирян

Особое место в деле благовествования занимают те, кто живет и трудится в секулярном мире. Призвание мирян то же, что у всей Церкви — преобразовать и освящать мир изнутри, являя Христа другим людям (LG 31). В соответствии с дарами, полученными при крещении и миропомазании, миряне, как священнослужители и монашествующие, имеют свое призвание: ведя мирские дела, устраивать их в согласии с божественной волей и осуществлять апостольское служение. Декрет об апостольстве мирян «*Apostolicam Actuositatem*» призывает мирян наравне со священниками и монашествующими «трудиться ради того, чтобы Божественную весть спасения познали и приняли все люди по всей земле» (AA 3). В служении мирян преодолевается разрыв между верой и повседневной жизнью. Жизнь, преображенная верой, свидетельствует о том, что христианские ценности существуют на самом деле.

Внимание к роли мирянина в Церкви, воскрешение понятия «апостольского служения мирян» — безусловная заслуга литургического движения. Зародившись в среде образованных мирян, оно занималось литургическим образованием мирян. Целью литургического движения было формирование приходской жизни, а не монашеской общины или религиозной «группы просвещенных».

В соборном декрете «*Perfectae Caritatis*», посвященном монашескому образу жизни, идет речь о церковных институтах,

составленных из клириков и мирян, известных у нас под именем братств. В Германии 20-30-х годов (когда жажда церковного и народного единства достигла своей кульминации), такими институтами были молодежные движения и немногочисленные приходы, которые стали носителями нового церковного сознания. Клирики и миряне в католических братствах Германии воспринимались как единое целое, в котором есть разные служения и разные дары.

- децентрализация церковного управления

Богословие местной Церкви (как проявления Церкви Вселенской через евхаристию) дало возможность поставить вопрос о том, чтобы наделить местную Церковь большими полномочиями. Так, в Кодексе канонического права Католической Церкви 1917 года право изменять чин литургии и одобрять богослужебные книги имеет только власть Апостольского Престола²⁶⁴. Эклесиология Конституции о священной литургии возвышает власть епископа как предстоятеля на литургии в своем диоцезе (SC 41), и предоставляет ему полномочия редактировать богослужебные тексты. «Руководить священной литургией может единственно власть Церкви; ею же располагает Апостольский Престол и епископ, по норме права. Благодаря власти, предоставляемой правом, осуществлять руководство в области литургии в установленных пределах могут также различные полномочные территориальные объединения епископов» (SC 22).

Официальный статус епископских конференций был определен в 1908 году, в то время как первое заседание Конференции католических епископов Германии в Фульде состоялось на полвека раньше. Сравнительно высокая степень автономности немецкого епископата способствовала тому, что епископы имели большую возможность

---

²⁶⁴ Can. 1257. Unius Apostolicae Sedis est tum sacram ordinare liturgiam, tum liturgicos approbare libros. См.: Codex iuris canonici (1917) [электронный ресурс]. URL: <http://www.intratext.com/X/LAT0813.HTM>. Дата обращения: 2.04.2018.

свободного высказывания, в том числе по отношению к литургическому движению, а когда потребовалось — защитить и возглавить его. Разрешение, полученное конференцией епископов в 1943 году, создало прецедент для начала похожих процессов в других странах: в 1950 г. позволение на использование национального языка на богослужении получила Франция, в 1954 году — США, в 1959 году — Англия и Уэльс²⁶⁵.

- своеобразие стиля и языка

Богословский язык собора отличается от языка официальных церковных документов XIX века. На смену сухому юридическому языку, характерному для схоластического трактата или догматического определения, пришел язык отцов неразделенной Церкви, в котором используются риторические приемы, направленные на то, чтобы убедить и найти общий язык с потенциальным читателем. В документах собора преобладают пастырский стиль и инклюзивный язык, непременным условием которых является диалог и взаимный интерес к предмету обсуждения. Впервые в истории соборов используется литературный жанр панегирика — намеренная идеализация изображаемого с целью вызвать восхищение и вовлеченность²⁶⁶.

В своих статьях и книгах лидеры литургического движения старались использовать язык, который как можно дальше был бы удален от языка схоластических сумм. Откликаясь на конкретные проблемы Церкви и общества, они использовали язык таинственного богословия, отчасти похожий на язык апостола Иоанна Богослова (как Казель), писали публицистические статьи (как Хервеген), создавали философские эссе, рассказы или даже стихотворения (как Гвардини), но в любом случае они ориентировались на контекст современной культуры. Языковое и стилистическое смещение, которое мы видим в соборных документах, произошло во многом благодаря литургическому движению.

²⁶⁵ Reid A. Op. cit. Pp. 268-269.

²⁶⁶ см.: O'Malley J.W. What happened at Vatican II... Pp. 47-50.

III.3. Литургическое движение и богослужебные реформы Католической Церкви

В среде литургического движения издание энциклики «*Mediator Dei*» было воспринято как начало нового этапа его истории, который можно назвать «практическим» или «пастырским». «Как любой живой организм, — писал Й.А. Юнгманн, — литургия должна адаптироваться к условиям современной жизни. Как правило, это достигается медленным ростом: но бывают времена почти полного застоя, а бывают времена стремительного движения вперед... Религиозная ситуация нашего времени требует такие формы церковной жизни, которые существуют в соборно совершаемой литургии»²⁶⁷.

После окончания II Мировой войны для богослужебного устава Католической Церкви началось время перемен. Реформы до II Ватиканского собора готовила созданная в 1946 г. папская комиссия по литургической реформе, после собора — Совет по исполнению конституции о священной литургии. Основными принципами при подготовке преобразований были верность традиции, упрощение обрядовых норм и пастырская целесообразность²⁶⁸. Это означало, что будущие реформаторы должны были принимать во внимание результаты исторических исследований и учитывать современное состояние церковной жизни.

(1) Реформы, восстанавливающие древнюю литургическую традицию:

- перенесение пасхального богослужения на ночь, предшествующую дню праздника (1951 г.);

²⁶⁷ Jungmann J.A. "The Pastoral Idea in the History of the Liturgy". The Assisi Papers: Proceedings of the First International Congress of Pastoral Liturgy. Assisi-Rome, 1956. P. 91-94 // Reid A. The Organic Development of the Liturgy. Ignatius Press, San Francisco, 2005. P. 170.

²⁶⁸ Reid A. Op. cit. P. 225.

- перенесение богослужения великого четверга на вечернее время, а богослужения великой пятницы — на дневное, упразднение мессы преждеосвященных даров (1955 г.);
- восстановление молитвы верных и процессии офертория, в которой участвуют миряне.

(2) Пастырские реформы:

- допущение перенесения совершения мессы на вечернее время (1953 г.);
- перенесение престола ближе к центру храма и служение священника «лицом к народу» (1964 г.);
- поощрение «диалоговой мессы» и народного литургического пения (1955 г.);
- использование национальных языков (начиная с 1943 г.);
- увеличение количества литургических чтений;
- вариативность (введение четырех вариантов евхаристического канона, возможность выбора текстов);
- изменение норм для литургического года и календаря (1969 г.);
- удаление повторяющихся молитв, неуставных песнопений (например, секвенции *Dies Irae*) и последнего Евангелия.

То обстоятельство, что литургические комиссии руководствовались именно этими нормами и то, что их удалось осуществить на практике, стало возможным благодаря литургическому движению. Реформа была продумана и подготовлена, ей предшествовали долгие годы исследований и экспериментов: сначала изучение истории литургии, затем — создание «адаптивных» редакций богослужения и в конце концов — его совершение вместе с народом. Весь этот путь прошли деятели литургического движения Германии.

Внимательный взгляд на содержание реформ показывает сочетание исторического и системного подхода к богослужению, которое стало основой «науки о литургии» (*Liturgiewissenschaft*). Это хорошо видно на таком примере, как служение мессы «лицом к народу». Историки свидетельствуют о том, что в некоторых римских базиликах III–IV вв. алтарная апсида была направлена не на Восток, а на Запад, престол был выдвинут к середине храма и священник, обращенный к Востоку, одновременно находился лицом к народу. Системный подход объясняет служение «*versus populum*» смещением акцентов в представлении о евхаристии — от жертвоприношения к совместной трапезе учеников со Спасителем.

III.4. Романо Гвардини и литургическое богословие Бенедикта XVI

Общецерковное признание, которое получило литургическое движение в начале 40-х годов, не означало решения всех вопросов, связанных с богослужебной реформой. Кризис литургического движения показал, что понятие «активное и сознательное участие» далеко не всегда понимается правильно и нуждается в дальнейшем прояснении. Развивая концепцию католического мировоззрения, начатую со времен «Духа литургии», Романо Гвардини придал литургическому богословию Католической Церкви новый интеллектуальный импульс. Поставленные им вопросы о кризисе культуры и «способности к литургическому действию» не только не потеряли свою актуальность, но становились все более важными для следующего поколения католических богословов — тех, кто должен был оценить результаты реформ, инициированных II Ватиканским собором.

III.4.1. «Конец нового времени» и проблема «способности к литургии»

В 1950 г. вышла книга Гвардини «Конец нового времени» («Das Ende der Neuzeit»)²⁶⁹, в которой автор показал три образа культуры, которые формировали общество на протяжении его существования. В центре средневековой культуры находилась истина о Боговоплощении, которая просвещала изнутри все сферы человеческой жизни — быт, искусство, общественное устройство. В XVII в. на смену средневековому пришел современный мир, в котором стремление к единству и гармонии уступило место разделению и автономии. В результате того, что культура потеряла связь с Откровением, а «я» и «мои желания» стали мерой всех вещей. По мере отдаления человека от Бога культура становилась все более эгоистичной, замкнутой на самой себе (Гвардини называет ее «второй культурой»²⁷⁰). Земная мудрость пришла на смену Евангельской, альтруизм пришел на смену любви, благодать уступила место индивидуальному опыту, научный прогресс подчинил себе природное развитие.

Охваченный идеей научного прогресса, дающего власть над природой, человек не замечает, как сам становится вещью, которой управляет чужая воля — воля техники или тоталитарного государства. Предрекая окончание эпохи нового мира, Гвардини с горечью говорит о том, что в дальнейшем человечество ожидают «без-культурная культура», «без-природная природа» и «без-человечный человек»²⁷¹.

Гвардини утверждает, что остановить культурный (и, следовательно, человеческий) распад можно только путем преобразования культуры светом христианского Откровения. Трансцендентный «Логос», спасающий мир — это Сам воплотившийся Христос, а литургия — «место встречи» Христа и Его Церкви. Совершение литургии, в котором «видение», «созерцание», «существование» первичны, а любое действие вторично («этос» следует за «логосом») — принцип преобразования культуры и восстановления человека в первоначальном достоинстве.

²⁶⁹ *Guardini R.* Das Ende der Neuzeit. Ein Versuch zur Orientierung. Werkbund-Verlag Würzburg, 1950.

²⁷⁰ *Balthasar H.U. von.* Romano Guardini: Reform from the Source. Communio, Ignatius Press. San Francisco 2010. P. 14.

²⁷¹ *Guardini R.* Das Ende der Neuzeit... S. 93.

В 1964 году, после выхода в свет конституции о священной литургии и незадолго до своей смерти, Гвардини написал письмо «Культовое действие и современная задача литургического образования» («*Der Kultakt und die gegenwertige Aufgabe der liturgischen Bildung*»)²⁷², адресованное участникам литургической конференции в Майнце. Опасаясь, что предложения, высказанные в конституции о литургии, будут восприняты неправильно или односторонне, Гвардини обозначает центральную проблему, стоящую на пути преобразований: способность современного человека к литургическому акту.

Опираясь на свое видение современной культуры, Гвардини констатирует, что уже в XIX веке чувство литургического акта было утеряно, а то, что пришло ему на смену, представляет собой индивидуальное молитвенное упражнение, которое сопровождают внешние обряды. Гвардини объясняет, что в литургическом акте всякому внешнему действию соответствует соответствующее движение ума и сердца. Литургический акт представляет собой осмысленное «делание», которое начинается с «видения» (*Schauen*) — считывания и распознавания символа или обряда. В качестве примера Гвардини приводит процессию офертория: с утилитарной точки зрения, это обычное действие, в котором на престол приносятся хлеб и вино для совершения евхаристии. С точки зрения литургического акта, приближаясь к престолу, община выражает свою готовность для служения Богу. Внутреннее (означаемое) и внешнее (означающее) представляют собой единое целое, которое находит свое выражение в совместном действии. «Только таким образом литургическое действие может быть правильно понято: например, умывание рук или простираание рук над чашей. Нет необходимости про себя добавлять: «это означает то и то»; служащий должен «производить» символ как религиозный акт, а христиане — уметь его прочесть путем такого же акта; они должны видеть внутреннее содержание внешнего знака. Без этого все будет только потерей времени и энергии, и

---

²⁷² *Guardini R. The Liturgical Act Today // Introibo ad altare Dei [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecclesiadei.nl/docs/guardini.html> (дата обращения: 28.04.2018).*

проще будет просто сказать словами, что имеется в виду»²⁷³. В литургическом акте участвует каждый верующий и община как единое целое.

Задачей литургического образования Гвардини видит возрождение подлинного «активного участия»: «Наша проблема в том, чтобы подняться над чтением и писанием и научиться смотреть и понимать... Если не принимать этого во внимание, реформы текстов и обрядов нам не помогут. Может даже случиться так, что люди, по-настоящему заботящиеся о благочестии, почувствуют, что случилась беда — в точности так, как сказал один старый приходской священник: «Пока не начались все эти дела с литургией, мои прихожане умели молиться. А теперь только много разговоров и беготни»»²⁷⁴.

Завершая письмо и, в каком-то смысле подводя итог своей жизни, Гвардини задает один из своих главных вопросов: «Не лучше ли будет признать, что в наш индустриальный и научный век, с его новой структурой общества, человек более не способен к литургическому акту? И вместо того, чтобы говорить об обновлении, не лучше ли нам позаботиться о том, чтобы совершать таинства таким образом, чтобы современный человек мог понимать их значение, самостоятельно приближаясь к истине?»²⁷⁵

Письмо Гвардини не получило единодушного одобрения участников конгресса. В то время, когда разговоры о реформе становились реальными делами, когда почти всеобщее воодушевление достигло своего апогея, негромкий голос Гвардини предупреждал об опасностях и предостерегал от ошибок. О том, насколько глубокими оказались затронутые им вопросы, говорит то, что похожая интонация насточиво звучит в работах его младшего современника, немецкого богослова и папы Римского на покое Бенедикта XVI (Й. Ратцингера).

---

²⁷³ Ibid.

²⁷⁴ Ibid.

²⁷⁵ Ibid.

III.4.2. Литургическое богословие Бенедикта XVI

В предисловии к своей книге «Дух литургии» Бенедикт XVI пишет: «В начале 1946 г. я стал изучать богословие и одной из первых прочел тоненькую первую книгу Романо Гвардини «О духе литургии», вышедшую на Пасху 1918 г. Весьма существенный вклад книги Гвардини состоял в том, что была заново открыта литургия в ее красоте, скрытом богатстве и вневременном величии как воодушевляющее средоточие Церкви и христианской жизни. Книга эта способствовала тому, что появилось стремление служить литургию более «сущностно» (любимое слово Гвардини), захотелось научиться понимать ее исходя из ее внутреннего притязания и внутреннего образа как производимую и направляемую самим Святым Духом молитву Церкви»²⁷⁶.

Между двумя немецкими богословами существуют очевидные параллели: оба писали диссертации, посвященные св. Бонавентуре, обоим принадлежит авторство книг об основаниях христианства, о литургии и о личности Христа²⁷⁷. Одна из тем, которые объединяют Гвардини и Ратцингера — тема главенства логоса над этосом в христианской культуре. Для Бенедикта XVI в правильном соотношении этих двух понятий (красоты, созерцания, видения, духа (логос) — и дела, действия, воли, тела (этос)) находится ключ к пониманию христианства. Церковь осуществляет миссию милосердия в мире (этос), однако она должна произрастать из евхаристии (логос); богослужение, сообразное с Логосом, означает не внешний культ с его жертвоприношениями, а словесную жертву, в котором человеческий дух собирает и выражает себя²⁷⁸. Понятие «логоса» у Ратцингера наиболее адекватным образом описывает евхаристию. «Логос творения, логос в человеке и истинный, вочеловечившийся вечный Логос-Сын встречаются

²⁷⁶ Ратцингер Й. (Бенедикт XVI, папа Римский). Богословие литургии. Сакраментальное обоснование христианского существования; [пер. с нем. О.С. Асписова]. – М.: Благотворительный фонд имени святителя Григория Богослова, 2017. С. 20.

²⁷⁷ см.: Millare R. The Primacy of Logos over Ethos: the Influence of Romano Guardini on Post-Conciliar Theology // The Heythrop Journal 54 (6) 2013. P. 8.

²⁷⁸ Ратцингер Й. (Бенедикт XVI, папа Римский). Указ. соч. С. 507.

друг с другом. Все остальные определения образа литургии недостаточны. Если, например, описывать евхаристию, исходя из феномена литургии как «соборания» или исходя из акта ее основания во время последней Пасхи Иисуса как «трапезы», то охватить удастся только отдельные элементы, а великая историческая и богословская взаимосвязь упускается. И наоборот, слово «евхаристия», указывающее на поклонение, а именно на универсальную форму поклонения, заключенную в вочеловечении, Распятии и Воскресении Христа, вполне может служить краткой формулой идеи *logiké latreia* и по праву служит уместным обозначением христианской литургии»²⁷⁹.

Говоря об итогах реформ, последовавших после II Ватиканского собора, Ратцингер занимает критическую позицию: «Старое здание снесли, построили новое, но с использованием старых строительных материалов и даже старого плана строительства»²⁸⁰. Причиной того, что изначально разумные соборные предписания получили слишком «топорное» воплощение, он видит в том, что реформа была отдана в руки кабинетных ученых, стремившихся воссоздать древнюю литургию и при этом нарушивших закон ее органического развития. Непонимание того, что значит выражение «активное участие» в литургии, привело к тому, что оно стало применяться только по отношению к внешним обрядовым действиям. С точки зрения Ратцингера, «активное участие» относится прежде всего к совместной молитве и внутреннему деланию: «Настоящее действие совершается в глубине человеческих сердец»²⁸¹. Литургия стала «полезной», в результате чего из нее ушла тайна и красота.

Критическая позиция Бенедикта XVI по отношению к реформам не должна отменять того факта, что он видел и ее положительные стороны (например, он хорошо отзывается о новых вариантах евхаристического канона, одобряет использование некоторых новых молитв и использование

---

²⁷⁹ Там же. С. 59.

²⁸⁰ Цит. по: *Kürnyek R. The Concept of Liturgical Reform in the Writings of Romano Guardini and Joseph Ratzinger: A Comparative Analysis. Ottawa, Canada 2016. P. 118.*

²⁸¹ Цит. по: *Ibid. P. 120.*

национальных языков, особенно в чтении Священного Писания)²⁸². Однако именно им был поставлен вопрос о разрыве с литургической традицией после осуществления реформ 1969–1970 гг.; именно им были инициированы ряд дискуссий о возвращении к некоторым до-соборным литургическим практикам²⁸³. Наконец, в 2007 г. им было издано апостольское письмо «*Summorum Pontificum*», в котором священникам была предоставлена большая свобода использовать мессу латинского обряда (т.н. «тридентскую» форму мессы).

В книге своих воспоминаний Ратцингер пишет о необходимости восстановить литургическую традицию и принцип органического развития, лежащий в ее основе: «Я убежден, что кризис Церкви, который мы переживаем сегодня, во многом вызван разрушением литургии..., в которой становится неважно, есть ли Бог, говорит ли Он с нами и слышит ли нас... Община совершает служение сама для себя — то есть абсолютно бесплодное действие. Но поскольку церковная община не происходит сама из себя, но от Бога, через веру, все это может привести к возникновению сектантских партий всякого рода, которые начнут разрывать Церковь изнутри. Поэтому нам нужно новое литургическое движение, которое оживит наследие II Ватиканского собора»²⁸⁴.

III.5. Выводы

Литургическое движение в Германии оказало серьезное воздействие на общецерковные процессы второй половины XX века. Во многом благодаря немецким священникам и богословам в фокусе II Ватиканского собора находится Церковь в многообразии ее проявлений и свойств — как Тело Христово, народ Божий, над-индивидуальное единство христиан, область

---

²⁸² см.: Ibid. P. 121.

²⁸³ Подробнее об этом см.: *Baldovin J.F. Reforming the Liturgy. A Response to the Critics.* Pueblo Book. Liturgical Press Collegeville, Minnesota. Pp. 65-90.

²⁸⁴ Цит. по: *Baldovin J.F. Op. cit.* P. 87.

божественного Присутствия. Видимым и наиболее совершенным проявлением Церкви в этом контексте выступает литургия — источник и вершина, к которой стремится вся деятельность Церкви.

Благодаря историческим исследованиям Й.А. Юнгманна, Р. Гвардини и ученых круга И. Хервегена история и культура были включены в понятие «церковная традиция», а историко-критический метод с его идеей развития стал неотъемлемой частью научного инструментария ученого-католика. Благодаря таинственному богословию О. Казеля литургия и литургический год стали восприниматься как соединение со спасительными деяниями Христа, а Пасха получила центральное место в сознании Католической Церкви. Заслуга литургического движения не только в том, что оно «привело» в католическое богословие понятие «активного и сознательного участия в богослужении», но и в том, что оно возвысило служение мирян, расширяя литургию до пределов общества и всего мира. Благодаря практической деятельности Р. Гвардини, П. Парша и священников Лейпцигского орастория литургия стала частью процесса катехизации и керигмы — проповеди, обращенной к секулярному миру. Таким образом, во многом благодаря литургическому движению в Германии, в послесоборном богословии литургия получила новые — историческое, мистическое и пастырское, — измерения. Наиболее ярко они выражены в Конституции о священной литургии, Догматической конституции о Церкви и Пастырской конституции о современном мире.

На практике исторический и пастырский подход означали возможность изменения и редакции богослужебных чинопоследований (на основе законов литургического развития), использования пения и национальных языков, а мистическое богословие открывало ценность литургического благочестия и показывало истинное место пасхального цикла в богослужении и в жизни Церкви в целом.

Сегодняшний диалог внутри Католической Церкви развивается в контексте соборного богословия, а значит, в контексте вопросов, впервые

поставленных сто лет назад. Даже традиционалистские течения вынуждены иметь дело с парадигмой мышления, которую начали формировать деятели литургического движения. Сегодня уже не возникает вопроса о правомерности использования национальных языков в богослужении — только о качестве и количестве переводов; не подвергается сомнению автономность национальных епископских конференций и приходов — речь идет лишь о степени контроля со стороны Рима; всерьез не обсуждается вопрос о том, могут ли миряне приносить дары или причащаться под обоими видами — возникает лишь вопрос о границах их служения. О взаимосвязи литургии и диаконии написаны сотни томов специальной литературы. По-прежнему актуален вопрос о сочетании индивидуального и литургического благочестия — но его история берет свое начало еще в двадцатые годы прошлого века. Наконец, даже опасения, которые выражали деятели литургического движения Германии, находят свои параллели в современной дискуссии о развитии литургической традиции. Рассмотрев, как идеи обновления жизни Церкви первой половины XX века соотносятся с идеями II Ватиканского собора, можно утверждать, что без литургического движения (в том числе немецкого) представить современную жизнь Католической Церкви невозможно.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Литургическим движением Католической Церкви (1909–1963 гг.) называется процесс обновления христианской жизни из духа литургии и в соответствии с ее законами. В основе этого явления находится стремление поставить литургию в центр христианской жизни, вновь сделать ее

выражением веры Церкви и познакомить с богатством ее содержания как можно большее количество людей. Благодаря тому, что идея об активном и сознательном участии христиан в богослужении получила поддержку в среде образованной части клира и монашествующих, литургическое движение распространилось в странах Европы, Англии и США, со временем расширяя область своего влияния — от монастырей до академических сообществ, от молодежных союзов до приходов. Идеи литургического движения получили дальнейшее развитие в документах II Ватиканского собора и богослужебных реформах Католической Церкви второй половины XX века. Несмотря на то, что литургическое движение носило международный характер, одним из самых весомых вкладов в его становление и развитие был сделан в Германии.

В своем развитии литургическое движение Германии 1913–1943 гг. прошло несколько стадий. Задачей «академического» этапа было возвращение к истокам литургии древней Церкви. С одной стороны, речь шла о новом открытии римской литургии, не искаженной позднейшими вставками, а с другой стороны — о литургии как объективной норме религиозной жизни. Итогом соединения исторического и системного подхода стала «наука о литургии», ставшей предметом ученых занятий монахов-бенедиктинцев и их соратников — профессоров немецких университетов. Содержанием второго этапа было образование центров литургического апостолата в аббатстве Мария Лаах и Бург Ротенфельсе, в состав которых входили образованные миряне и молодежь. В это время издавалось множество научных и периодических изданий, читались лекции, проводились семинары, целью которых было распространение идей движения и литургическое образование мирян. В 20-е годы лидеры литургического движения стали использовать «пастырский» подход, предполагавший адаптацию некоторых частей богослужения (устаревшие, повторяющиеся, непонятные) к пониманию современного человека. Его плодами стали «общинная месса» (*Gemeinschaftsmesse*), «общинная молитва» (*Gemeinschaftliche Andacht*) и «месса молитвенного пения» (*Betsingmesse*), в

которых идея активного и сознательного участия христиан была реализована через диалоги священника и народа, изменение структуры литургического пространства, избирательное использование национального языка и совместное пение. С образованием Лейпцигского оратория в 1930 г. опыт, накопленный в монастырях и молодежных движениях Германии, был перенесен на приходскую почву. В своем подходе к богослужению основатели оратория Т. Гункель, Х. Калефельд и Й. Гюльден руководствовались идеей адаптации богослужения к нуждам конкретной общины. Социальная деятельность Лейпцигского прихода рассматривалась как продолжение литургии, которая не только формирует приход, но посылает христиан свидетельствовать о Спасителе всему миру. Для литургического движения «приходского» периода характерен акцент на просветительское служение мирян и стремление установить более тесные отношения с епископатом. Практическим итогом рассматриваемого нами периода стало право на использование чинопоследования «высокой мессы» (*Hochamt*) в пределах немецких диоцезов, которое было даровано Римом национальной епископской конференции Германии в 1943 г.

Литургическое движение Германии носило преимущественно внутрицерковный характер, хотя всегда было включено в общественно-политические процессы, сначала в кайзеровской Германии, затем в Веймарской республике и в национал-социалистическом «Третьем Рейхе». Стремление к возрождению народного единства, чувство исторической и культурной общности, возникшие после Первой мировой войны в Германии, были «воцерковлены» литургическим движением, одной из задач которого было преобразование общества на основах католического мировоззрения. Политическая активность образованных католиков-мирян, которые были одной из движущих сил литургического движения, во многом способствовала формированию и реализации идеи объединения Европы. Чрезмерное увлечение идеями политической теологии и сближение с национал-социализмом привело некоторых лидеров литургического

движения в тупик. Богословие, пытавшееся построить симфоническую модель Церкви и фашистского государства, в целом не получило одобрения иерархов Католической Церкви.

Вслед за Э. Николсом можно повторить, что немецкое католическое богословие XX в. «обладало пятью выдающимися характеристиками: оно было литургическим, церковным, историчным, миссионерским и внимательным к философии»²⁸⁵. Литургическое движение в Католической Церкви Германии было достаточно глубоким, чтобы ставить вопрос не о богослужбной реформе, а об изменении церковного сознания, и достаточно гибким, чтобы преодолеть на первый взгляд противоречивые представления о богослужении (например, как об объективном законе — и как о совершенном проявлении индивидуальной свободы). В центре движения находилась Церковь — органическое, живое единство, община, таинственное Тело Христово, выражающее себя через литургию, существующее одновременно и в вечности, и в истории. «В литургическом движении Церковь уже не понимается как институциональная величина, как религиозно-правовое учреждение, которая наставляет отдельных верующих и раздает благодать, а как религиозная ценность сама по себе»²⁸⁶.

Огромную роль в литургическом движении Германии играли личности. Р. Гвардини, К. Мольберг, О. Казель, И. Хервеген, Й.А. Юнгманн, П. Парш, священники Лейпцигского оратория, члены Католической ассоциации выпускников вузов зачастую шли против привычных представлений о Церкви и богослужбной традиции. Успех их начинаний был бы невозможен без поддержки обычных клириков и мирян, без осознания важности перемен, которое существовало в Католической Церкви Германии и в литургическом движении в целом.

Литургическое движение Германии было неоднородным по составу: к академическому подходу с его поиском совершенной литургии, который практиковали ученые-бенедиктинцы, добавился «пастырский», который

²⁸⁵ Николс Э. Контуры католического богословия... С. 392.

²⁸⁶ Baumgartner A. Op. cit. S. 132.

своим разнообразием и вниманию к простым людям больше подходил для приходской жизни.

История литургического движения Германии знает два кризиса: первый связан с вопросом о сочетаемости литургического благочестия и индивидуальных молитвенных практик, а второй — с самовольной редакцией богослужебных текстов. «Проблема благочестия» была разрешена только в документах II Ватиканского собора (которые допускали и ту, и другую практику); литургические эксперименты закончились после того, как была образована специальная комиссия при национальной епископской конференции Германии.

В истории Католической Церкви XX века литургическое движение Германии занимает самостоятельное и важное место. Благодаря немецким богословам и священникам задолго до II Ватиканского собора принцип «активного и сознательного участия» получил богословскую разработку и практическое воплощение. Впоследствии в документах Собора и в богослужебных реформах после его окончания было использовано многое из того, что составляло суть литургического движения Германии: богословские концепции («соучастие верных в пасхальной тайне»), методы работы с историческим и богословским материалом (историко-системный подход в «науке о литургии»; использование принципа единства противоположностей; новые языковые средства для выражения бытия Церкви и литургии), конкретные рекомендации по редактированию богослужебных текстов. Центральные темы литургического движения Германии — «литургия как объективная норма христианской жизни» и «литургия как выражение веры Церкви» — получили свое дальнейшее развитие в документах Католической Церкви второй половины XX века.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что цель настоящей работы достигнута: на основании исследования источников и современной литературы, посвященной литургическому движению в Католической Церкви Германии 1913–1943 гг., показана тесная и глубокая

взаимосвязь между литургическим движением и жизнью Католической Церкви второй половины XX века.

Список источников и литературы

Источники

Источники на русском языке

1. *Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси.* Послание архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви по случаю отмечаемого 100-летия Поместного Собора 1917–1918 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4991606.html> (дата обращения: 25.06.2018).
2. *Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси.* Доклад на Епархиальном собрании города Москвы (23 декабря 2014 г.) [электронный документ]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3889092.html> (дата обращения: 02.09.2018).
3. *Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси.* Доклад на Епархиальном собрании города Москвы (21 декабря 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/109387.html> (дата обращения: 5.04.2018).
4. Темы к рассмотрению комиссиями Межсоборного Присутствия Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/intersobor/temy> (дата обращения: 25.07.2018).
5. Журналы заседания Священного Синода от 25.06.2014 г. (Журнал №74) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3695943.html> (дата обращения: 23.08.2018).
6. *Баумитарк А.* Сравнительная литургика. Принципы и методы исторического исследования христианского богослужения (пер. с фр. С. Голованова). – Омск: Амфора, 2014. 256 с.
7. Документы II Ватиканского собора. – М.: Паолине, 2004. 710 с.

8. «*Pastor Aeternus*». Догматическая конституция I Ватиканского собора [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/5/124> (дата обращения: 19.07.2008).

Источники на иностранных языках

9. *Casel O.* The Mystery of Christian Worship. A Herder & Herder Book, New York : Crossroad Pub., [1999]. 99 p.
10. *Guardini R.* Briefe an den Laacher Abt Ildefons Herewegen aus den Jahren 1917 bis 1934. Br. 2f. // Archiv für Liturgiewissenschaft, Jahrgang 27. Heft 3. Verlag Friedrich Pustet, Regensburg, 1985. Ss. 410–411.
11. *Guardini R.* Das Ende der Neuzeit. Ein Versuch zur Orientierung. Werkbund–Verlag Würzburg, 1950. 133 S.
12. *Guardini R.* Das Erwachen der Kirche in der Seele // Vom Sinn der Kirche. Mainz: Matthias Grünewald, 1922. Ss. 1–19.
13. *Guardini R.* Ein Wort zur liturgischen Frage // Liturgie und liturgische Bildung. 2. Aufl., unveränd. Nachdruck der 1. Aufl., Mainz, Paderborn: Matthias–Grünewald, Schöningh 1992. (Romano Guardini Werke. Hrsg. von Franz Henrich. Sachbereich Liturgische Bildung). Ss. 171–189.
14. *Guardini R.* Über die systematische Methode in der Liturgiewissenschaft // Guardini R. Auf dem Wege. Matthias Grünewald Verlag in Mainz, 1923. Ss. 95–110.
15. *Guardini R.* Vom Geist der Liturgie. Herder Bücherei. Freiburg. Basel. Wien, 1962. 143 S.
16. *Hammenstede A.* Die Liturgie als Erlebnis. Freiburg im Breisgau 1921. 3 u 4 verb. Aufl., Herder & Co. G.m.b.h. Verlagbuchhandlung. 100 S.

17. *Herwegen I.* Alte Quellen Neuer Kraft. Gesammelte Aufsätze. Düsseldorf, 1922. 212 S.
18. *Herwegen I.* Lumen Christi. Gesammelte Aufsätze von Dr. Ildefons Herwegen, Abt von Maria Laach (Der katholische Gedanke, Veröffentlichungen des Verbandes katholischer Akademiker, Band VIII). München: Theatiner-Verlag 1924. 162 S.
19. *Hammenstede A.* Erinnerungen eines Laacher Mönches: Autobiographische Aufzeichnungen. Maria Laach 1996. 256 S.
20. *Jungmann J.A.* Unsere liturgische Erneuerung im Lichte des Rundschreibens "Mediator Dei" Rückblick und Wegweisung // Geist und Leben. – 21. Jg. Ss. 249–259.
21. *Münch F.X.* Der Katholische Gedanke. Sinn und Ziel // Der Katholische Gedanke. Theatiner Verlag, München, 1924. Ss. 1–12.
22. *Platz H.* Zeitgeist und Liturgie. M. Gladbach: Volksvereins-Verlag, 1921. 117 S.
23. *Platz H.* Erste Begegnung mit Maria Laach. Erlebnisse aus der Zeit der beginnenden liturgischen Erneuerung // Hermann Platz 1880–1945. Eine Gedenkschrift. hrsgb. von Vincent Berning. Patmos Verlag Düsseldorf, 1980. – Ss. 276–284.
24. *Platz H.* Von Schell zu Festugiere. Wie wir zur Liturgie gekommen sind. Beitrag zur Entwicklung unserer Erkenntnis-Gemeinschaft // Das Wort in der Zeit, Heft 7/8, Jg. 2 (1935). Ss. 89–97.
25. *Codex iuris canonici (1917)* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.intratext.com/X/LAT0813.HTM> (дата обращения: 11.05.2018).

26. *Die Betende Kirche*. Ein liturgisches Volksbuch. Sankt Augustinus Verlag, Berlin 1924. 509 S.
27. *Gemeinschaftliche Andacht zur Feier der Heiligen Messe* von Dr. R. Guardini. L. Schumann Druckerei und Verlag. Düsseldorf, 1920. 40 S.
28. *Missale Romanum. 2004*. Ex decreto concilii tridentini. S. Pii V. Pontificis maximi jussu editum aliorumque pontificum cura recognitum a s. Pio X. reformatum et Benedicti XV. auctoritate vulgatum. Bonnæ ad Rhenum — ædibus palmarum MMIV. 1220 P.
29. *Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis "Kultbuch" der Liturgischen Bewegung* / hrsgb. von S. Langenbahn. Erzbischöfliche Diözesan- und Dombibliothek. Köln, 2017. 314 S. : Ill. – (Libelli Rhenani ; Bd 68).

Литература

Литература на русском языке

30. *Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001. 509 с.
31. *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 336 с.
32. *Винклер Г.А.* Веймар 1918—1933: история первой немецкой демократии = Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. — М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.
33. *Гайденко П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

34. *Кириянов Д. В.* Томистская философия XX века / Д. В. Кириянов. — СПб.: Алетейя. — (Серия «Богословская и церковно-историческая библиотека»). 2009. 168 с.
35. *Николс Э.* Контуры католического богословия / Пер. с англ. (Серия «Современное богословие») – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009. 432 с.
36. *Ратцингер Й. (Бенедикт XVI, папа Римский).* Богословие литургии. Сакраментальное обоснование христианского существования; [пер. с нем. О.С. Асписова]. – М.: Благотворительный фонд имени святителя Григория Богослова, 2017. 648 с.
37. *Руссо О.* История литургического движения. Издательство «Дю Серф», Париж, 1945. 178 с.
38. *Седакова О.А.* О времени. О традиции. О писаном и неписаном праве // Седакова О. А. Стихи. Переводы. Poetica. Moralia. В 4 т. : Т. 4. Moralia / О. А. Седакова .— М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Сс. 221–246.
39. *Сапрыкин Д.Л.* Концепция образования и науки в «Идее Университета» Джона Генри Ньюмана // История науки в философском контексте. Под ред. А.А. Печенкина. – СПб.: РХГУ, 2007.
40. *Тафт Р. Ф.* Возвращаясь к сравнительной литургике Антона Баумштарка // Тафт Р.Ф. Статьи. Т.2 Голованов. Омск, 2011. Сс. 188–239.
41. *Шмитт К.* Политическая теология. Сборник / Переводы с нем. Заключит. статья составление А. Филиппова — М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. 336 с.

42. Святейший Патриарх Кирилл: На приходах должна быть правильно поставлена работа по приобщению к общине тех, кто только входит в храм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3888293.html> (дата обращения: 2.09.2018).
43. Святейший Патриарх Кирилл: Внимание к приходящим в храм — наша обязанность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3748144.html> (дата обращения: 31.08.2018)

Литература на иностранных языках

44. *Baumgartner A.* Die Auswirkungen der Liturgischen Bewegung auf Kirche und Katholizismus // *Religiös-kulturelle Bewegung im deutschen Katholizismus seit 1800* / hrsgb. von Anton Rauscher. Paderborn; München; Wien; Zürich; Schöningh, 1986. Ss. 121–36.
45. *Baldovin J.F.* *Reforming the Liturgy. A Response to the Critics.* Pueblo Book. Liturgical Press Collegeville, Minnesota. 188 p.
46. *Balthazar H. Urs von.* Romano Guardini. *Reform from the Source.* A Communion Book, Ignatius Press, San Francisco, 2010. 122 p.
47. *Belsole K.* Gueranger, Prosper // *Encyclopedia of Monasticism: A-L* (Edited by W.M. Johnson). Fitzroy Dearborn Publishers, 2000. Chicago and London. – Pp. 558–59.
48. *Bogler T.* *Liturgische Erneuerung in aller Welt.* Verlag Ars Liturgica. Maria Laach, 1950. 174 S.

49. *Buchinger H.* Einführung zur Neuauflage. Pius Parsch und das Kirchenjahr: Aspekte liturgischer Erneuerung // Pius Parsch, Das Jahr des Heiles. Neu eingeleitet von Harald Buchinger (PPSt 7), Würzburg, 2008. Ss. 11–25.
50. *Coen H.* Lebensbild. Pater Odo Casel // Abtei Herstelle. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.abtei-herstelle.de/wp-content/uploads/2012/09/Pater-Odo-Casel.pdf> (дата обращения: 5.04.2018).
51. *Congar Y.* True and False Reform in the Church. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 2011. 132 p.
52. *Conrad M.* Die “Krypta-Messe” in der Abtei Maria Laach. Neue Untersuchungen zu Anfang, Gestaltungsformen und Wirkungsgeschichte // Archiv für Liturgiewissenschaft 41. Jahrgang 1999, Heft 1/2. Ss. 1–40.
53. *Conze V.* Das Europa des Deutschen. Ideen von Europa in Deutschland zwischen Reichstradition und Westorientierung (1920–1970). Institut für Zeitgeschichte. Oldenbourg Verlag München, 2005. 453 S.
54. *Chupungco A.* Handbook for Liturgical Studies: Introduction to the liturgy. The Pontifical Liturgical Institute. A Pueblo Book. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota. 1997. Vol. 1. 440 p.
55. *Franklin R. William.* Johan Adam Möhler and N. F. S. Grundtvig: The Bridge of Romanticism’, Grundtvig–Studier 1996, Copenhagen. Pp. 128–45.
56. *Gaillardetz R.R., Clifford C.E.* Keys to the Council. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 2012. 198 p.
57. *Gorevan P.* Romano Guardini: Liturgy, Style, Church // Christian Wisdom Meets Modernity. Kenneth Oaks, ed. London: Bloomsbury T&T Clark 2016. Pp. 59–70.

58. *Griener G.E.* Hermann Schell and the Reform of the Catholic Church in Germany. *Theological Studies* (54) 1993. Pp. 427–54.
59. *Grillo A., Meyer-Blanck M.* Einführung in die liturgische Theologie. Zur Theorie des Gottesdienstes und der christlichen Sakramente. *Arbeiten zur Pastoraltheologie, Liturgik und Hymnologie.*, Band 049 1. Auflage 2006. Ss. 102–105.
60. *Guardini R.* Von Heiligen Zeichen. Matthias Grünewald Verlag. 1927. 62 S.
61. *Häußling A.* Die Gabendarbringung // *Ecclesia Lacensis*. Aschendorff Münster, 1993. Ss. 272–302.
62. *Häussling A.* Odo Casel—Noch von Aktualität: Eine Rückschau in eigener Sache aus Anlass des hundertsten Geburtstages des ersten Herausgebers // *Archiv für Liturgiewissenschaft*, 28 (1986). Ss. 357–87.
63. *Heinz A.* Die Liturgische Bewegung Zwischen dem Ersten und dem Zweiten Vatikanischen Konzil // *Roczniki Teologiczne*. Tom LXII, zeczyt 8–2015. Ss. 5–18.
64. *Jeggle-Merz B.* “Gottesgaben zur Erneuerung religiösen Lebens“. Die Synthese von Bibelbewegung und Liturgischer Bewegung bei Pius Parsch (1884–1954) // *Wort des lebendigen Gottes*. Liturgie und Bibel FS Hansjörg Becker. Hg. v. Alexander Zerfaß u. Ansgar Franz. Mainz 2016 (PiLi 16). Ss. 1–20.
65. *Kaczynski R.* Theologischer Kommentar zur Konstitution über die heilige Liturgie *Sacrosanctum Concilium*, // *Herders Theologischer Kommentar zum Zweiten Vatikanischen Konzil*, hg. von P. Hünemann. Verlag Herder, Freiburg im Breisgau 2004. Ss. 1–228.
66. *Krieg R. A.* Romano Guardini. A Precursor of Vatican II // *University of Notre Dame Press*. Notre Dame, Indiana, 2009. 270 p.

67. *Kuehn R.* Romano Guardini in Berlin // Krieg R.A. Romano Guardini: Proclaiming the sacred in the modern world. Archdiocese of Chicago 1995. Pp. 87–98.
68. *Kürnyek R.* The Concept of Liturgical Reform in the Writings of Romano Guardini and Joseph Ratzinger: A Comparative Analysis. Ottawa, Canada 2016. 271 p.
69. *Kurth H.H.* Achtzig Jahre Katholischer Akademikerverband // Renovatio. Zeitschrift für das Interdisziplinäre Gespräch. Heft 1. 50 Jahrgang. März 1994. Ss. 1–6.
70. *Lamberts J.* Active Participation as the Gateway towards an Ecclesial Liturgy // Omnes circumstantes. Contributions towards a history of the role of the people in the liturgy. Pres. by H. Wegman. Ed. by Ch. Caspers and M. Schneiders. Uitgeversmaatschappij J.H. Kok. Kampen, 1990. Pp. 235–61.
71. *Langenbahn S.K.* Burkhard Gottfried Neunheuser OSB (1903–2003). Archiv für Liturgiewissenschaft. 56 (2010) Ss. 833–53.
72. *Langenbahn S.K.* Für Archiv des “Archivs”. Die Vorgeschichte des Jahrbuch für Liturgiewissenschaft (1918–1921) // Archiv für Liturgiewissenschaft 50, 2008. Ss. 31–61.
73. *Langenbahn S.K.* Romano Guardini und Maria Laach aus der Perspektive Kunibert Mohlbergs. Drei unbekannte Quellentexte zu den Anfängen der Liturgischen Bewegung und systematischer Liturgiewissenschaft in Deutschland // Archiv für Liturgiewissenschaft 55. 2013. Ss. 24–64.
74. *Leggett R. G.* Lambert Beauduin, OSB [Электронный ресурс]. – URL: <http://liturgicalladers.blogspot.ru/2011/10/lambert-beauduin-osb.html> (дата обращения: 17.04.2018).

75. *Linner M.M.* Lied und Singen in der konfessionellen Jugendbewegung des frühen 20. Jahrhunderts. Peter Lang. Internationaler Verlag der Wissenschaften Frankfurt am Main, 2009. 209 S.
76. *Lob B.* Albert Schmitt O.S.B. Abt in Grüssau und Wimpfen. Sein kirchengeschichtliches Handeln in der Weimarer Republik und im Dritten Reich. Böhlau Verlag, Köln/Weimar/Wien 2000. 391 S.
77. *Maas-Ewerd T.* Die Krise der liturgischen Bewegung in Deutschland und Österreich: zu den Auseinandersetzungen um die "liturgische Frage" in den Jahren 1939 bis 1944. Verlag: Pustet: Regensburg 1981. 724 S.
78. *O'Malley J.* The Style of Vatican II // America. The Jesuit Review. Vol.188 / No.6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americamagazine.org/issue/423/article/style-vatican-ii> (дата обращения: 23.03.2018).
79. *O'Malley J.* What Happened at Vatican II. Cambridge: Belknap Press, 2008.
80. *Marmetschke K.* «Nicht mehr Jugendbewegung, sondern Kulturbewegung!» Die Zeitschrift Die Schildgenossen in der Weimarer Republik // Das katholische Intellektuellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871–1963). Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien, 2006. Ss. 281–318.
81. *McDermott J.* The Collapse of the Manualist Tradition // Faith. January and February 2014. Tudor Printing. Glasgow. Vol. 46 no. 1. Pp. 14–19.
82. *Mijic S.* Die pastoral-liturgische Entwicklung in Kroatia. Dargestellt am Beispiel der Messe vom Beginn des 20. Jahrhunderts bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges// Dissertation. Wien, 2009.

83. *Millare R.* The Primacy of Logos over Ethos: the Influence of Romano Guardini on Post-Conciliar Theology // *The Heythrop Journal* 54 (6) 2013. Pp. 2–10.
84. *Miller J.H.* The Nature and Definition of the Liturgy // *Theological Studies* 18 (1957). Pp. 325–356.
85. *Mitchell N.* Liturgy and the Social Sciences. Collegeville, Minnesota 1999. 96 p.
86. *Mokry S.* Döpfner, Julius // *Personenlexikon zum Zweiten Vatikanischen Konzil*. Hg. v. Michael Quisinsky und Peter Walter. Freiburg 2013. S. 94.
87. *Müller G., Plichta V.* Zwischen Rhein und Donau. Abendländisches Denken deutsch-französischen Verständigungsinitiativen und konservativ-katholischen Integrationsmodellen 1923–1957 // *Zeitschrift für Geschichte der europäischen Integration*. 5 (1999). Ss. 17–23.
88. *Neunheuser B.* Die Philosophische Hochschule der Abtei Maria Laach. 1894/95– 1965/66 // *Ecclesia Lacensis. Beiträge zur Geschichte des alten Mönchtums und des Benediktinertums*. Hrsgb. von Emmanuel von Severus. Aschendorff Münster, 1993. Ss. 241–245.
89. *Neunheuser B.* Odo Casel in Retrospect and Prospect, *Worship* 50 (1976). Ss. 489–504.
90. *Neunheuser B.* Die Klassische Liturgische Bewegung (1909–1963) und die Nachkonziliare Liturgiereform // *Mélanges Liturgiques Offerts au R. P. Dom Bernard Botte O.S.B de l'Abbaye du Mont César. À l'occasion du cinquantième anniversaire de son ordination sacerdotale (4 Juin 1972)*, Louvain 1972. Ss. 401–416.
91. *Neunheuser B.* Towards a History of Maria Laach Between the Wars 1918–1939 // *Monastic Studies* 13 (1982). Pp. 217–226.

92. *Owen F. Cummings*. Eucharistic Doctors: A Theological History. New York: Paulist Press, 2005. 150 p.
93. *Pacik R.* Josef Andreas Jungmann. (Liturgiegeschichtliche Forschung als Mittel religiöser Reform) // Liturgisches Jahrbuch 43. 1993. Herausgegeben vom Deutschen Liturgischen Institut Trier. Ss. 62–84.
94. *Pierce J. M., Downey M.* Introduction // Source and Summit: Commemorating Josef A. Jungmann S.J. The Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 1999. Pp. 10–14.
95. *Poschmann A.* Das Leipziger Oratorium. Liturgie als Mitte einer lebendigen Gemeinde. Erfrurter Theologische studien. Band 81. Keipzig: Benno Verlag 2001. 280 S.
96. *Quartier Th.* Monastische Gütesiegel Spirituell-liturgische Explorationen zu Benediktinischem Stil und Sakralität // Jaarboek voor liturgieonderzoek 27 (2011). Ss.113–137.
97. *Reid A.* The Organic Development of the Liturgy. The principles of liturgical reform and their relation to the 20-th century liturgical movement prior to the Second Vatican Council. 2nd edition. Ignatius Press, San Francisco 2005. 374 p.
98. *Rosselli Anthony J.* Kerygma and the Liturgy: Encountering the Risen Christ in Dom Casel O.'s Mystery Theology, University of Dayton, OH. 2015.
99. *Ruppert G.* Liturgie und Kunst. Theologischegeschichte und kunsthistorische Anmerkungen zum Verhältnis Romano Guardini – Rudolf Schwarz // Das Münster. Zeitschrift für christliche Kunst und Kunstwissenschaft 34 (1981). Ss. 32–38.
100. *Scherzberg L.* Die Katholische Liturgische Bewegung – ein Diskurs über Form, Stil und Gestalt // theologie.geschichte. Nordamerika. Bd. 11

2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://universaar.uni-saarland.de/journals/index.php/tg/article/viewArticle/840/884> (дата обращения: 1.12.2017).
101. *Scherzberg L.* Liturgie als Erlebnis und Kirche als Gemeinschaft / theologie.geschichte Beiheft 1/2010. Ss. 253–74.
102. *Schloßmacher N.* Heinrich Schrörs (1852–1928), Kirchenhistoriker [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rheinische-geschichte.lvr.de/persoenlichkeiten/S/Seiten/HeinrichSchrörs.aspx> (дата обращения: 13.11.2017).
103. Severus E. Herwegen, Ildefons [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd11855011X.html> (дата обращения: 2.09.2018).
104. *Stegers R.* Räume der Wandlung. Wände und Wege. Studien zum Werk von Rudolf Schwarz. Braunschweig/Wiesbaden 2000. 203 S.
105. *Tyldesley M.* No heavenly delusion? A comparative study of three communal movements. Liverpool University Press, 2003. 224 p.
106. *Waldstein E.* Politics and the Liturgical Movement [Электронный ресурс]. URL: <https://sancrucensis.wordpress.com/2014/02/08/politics-and-the-liturgical-movement> (дата обращения: 28.05.2018).
107. *West F.* Introduction // Baumstark A. On the Historical Method of the Liturgy. Pueblo Book. Liturgical Press, Collegeville, Minnesota, 2011. Pp. 1–39.
108. *Willbricht Stephen S.* Virgil Michel, OSB. The 50th Anniversary of the Constitution on the Sacred Liturgy: A Parish Celebration. Archdiocese of Chicago, 2013: Liturgy training Publications.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

История литургического движения в Католической Церкви Германии

Хронологическая таблица

Год	Событие
1909	Доклад Ламбера Бодуена «Истинная молитва Церкви» (“La vraie priere de l’Eglise”) на католической конференции в Мехелене. Начало литургического движения.
1912	Встреча бенедиктинского монаха Ильдефонса Хервегена с нарождающейся интеллектуальной элитой немецкого католицизма, членами будущей «Католической ассоциации выпускников высших учебных заведений»
1913	Посещение членами «Католической ассоциации выпускников высших учебных заведений» аббатства Мария Лаах. Начало литургического движения в Католической Церкви Германии

	Избрание Ильдефонса Хервегена аббатом монастыря Мария Лаах
1913	Публикация статьи И. Хервегена «Идея преобразования в литургии»
1914	Первая литургическая конференция в аббатстве Мария Лаах
1913	Образование «Католической ассоциации выпускников высших учебных заведений» (“Katholischer Akademikerverband”)
1918	Выход первого тома просветительской серии аббатства Мария Лаах «Церковь молящаяся» (“Ecclesia Orans”)
	Публикация книги Р. Гвардини «О духе литургии» (“Vom Geist der Liturgie”)
	Публикация статьи К. Мольберга «Цели и задачи литургического исследования» (“Ziele und Aufgaben der liturgiegeschichtlichen Forschung”)
	Выход первых номеров сборников «Историко-литургические источники» (“ <i>Liturgiegeschichtliche Quellen</i> ”) и «Историко-литургические исследования» (“ <i>Liturgiegeschichtliche Forschungen</i> ”)
1919	Публикация статьи Р. Гвардини «О систематическом методе в науке о литургии», в котором представлены теоретические основы новой «науки о литургии» (“Liturgiewissenschaft”)
	Публикация статьи приора аббатства Мария Лаах А. Хамменштеде «Литургия как переживание» (“Liturgie als Erlebnis”)
1920	Первое совершение т.н. «общинной мессы» (“Gemeinschaftsmesse”)
	Публикация текста «общинной молитвы» (“Gemeinschaftliche Andacht”) под редакцией Р. Гвардини
1921	Начало совершения «общинной мессы» в крипте аббатства Мария Лаах. Первый визит епископа.
1921	Выход первого тома «Литургического альманаха» (“Jahrbuch für Liturgiewissenschaft”)
1922	Выход книги Р. Гвардини «Смысл Церкви» (“Vom Sinn der Kirche”)
	Совершение первой «хоровой мессы» в общине Пия Парша (монастырь Клостернойбург, Австрия)
1923	Р. Гвардини занимает должность профессора религиозного мировоззрения в Берлинском университете. Начало его сотрудничества с молодежным движением «Источник»
1924	Издание текста «хоровой мессы» (“Chormesse”) в издательстве аббатства Мария Лаах
1924	Издание сборника трудов ученых монахов Мария Лаах «Церковь молящаяся» (“Die Betende Kirche”)
1927	Р. Гвардини становится духовным лидером молодежного движения «Источник»
1928	Дарование Пием XI «Католической ассоциации выпускников высших учебных заведений» право осуществлять апостольство

	мирян
	Первое совершение пасхального всеобщего бдения в общине Пия Парша
1930	Образование Лейпцигского оратория имени св. Филиппа Нери
1932	Публикация книги О. Казеля «Таинство христианского богослужения» (“Das Christliche Kultmysterium”)
1933	Совершение «хоровой мессы» на немецком языке во время католического конгресса в Шенбрунне, Австрия.
1933-1936	Издание трех редакций текста мессы Лейпцигского оратория на немецком языке
1939	Выход книги Й.-А. Юнгманна «Литургия» (“Die liturgische Feier”)
	Публикация статьи М. Кассиепе «Ошибки и заблуждения в духовной жизни современности» (“Irrwege und Umwege im Frömmigkeitsleben der Gegenwart”). Начало кризиса литургического движения
	Назначение комиссии по литургическим вопросам Немецкой конференцией епископов
1940	Публикация статьи Р. Гвардини «О литургическом вопросе» (“Ein Wort zur liturgischen Frage”)
1942	Появление «Указаний о форме приходского богослужения», подготовленное епископской комиссией Католической Церкви Германии по литургическим вопросам
1943	Заседание комиссии кардиналов в Риме под председательством Пия XII. Официальное признание литургического движения в Германии

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

О литургическом вопросе

письмо Романо Гвардини епископу Майнца Альберту Штору

Майнц, 1940 г.

Уважаемый досточтимый друг,

Ты попросил меня изложить точку зрения, которая необходимо учитывать при оценке обсуждаемых с некоторых пор литургических вопросов. Сделать такое изложение – непростая задача, потому что ситуация развивается, и многое находится пока в стадии становления. Несмотря на это, я хотел бы попытаться – и тем охотнее, что тем самым я смогу отчитаться

сам перед собой; прошло почти тридцать пять лет с тех пор, как я начал заниматься теоретической и практической работой в этой области.

То, что сейчас называется неопределенным термином «литургическое движение», изначально не представляло собой нечто единое. В его содержательной части речь идет о том, чтобы привести богослужение к такой чистоте и полноте смысла, какие оно должно иметь, когда воздается слава Богу и верные вводятся в царство благодати. Но вместе с этим пришло нечто субъективное и странное, затемнившее смысл целого... Речь идет о попытке некоторых историков «откопать» старые богослужебные тексты и формы, которые не используются в настоящее время; или о желании эстетов сформировать религиозную жизнь согласно своим притязаниям и тем самым построить рядом с церковной общиной свой особый религиозный мир.

Сегодня невозможно защищать подобные воззрения со спокойной совестью. Каждый непредвзятый человек знает, что литургия – это не историческое или эстетическое увлечение, но что-то абсолютно сущностное, а точнее – официальное богослужение Церкви, выросшее из сердцевины христианской истории; «закон молитвы», который находится в нерасторжимой связи с «законом веры». Везде существуют неприятности, и литургическое движение их не избежало; но в целом его намерение было правильным и необходимым. Забота о том, чтобы ввести верующих в литургическую жизнь Церкви едва ли меньше заботы о том, чтобы помочь им прийти к познанию христианской истины – точное исследование покажет, что сущностное понимание этой истины открывается в литургической жизни.

За последние несколько лет для всякого непредубежденного человека стало ясно, что эпоха пастырской деятельности подошла к концу. Методы, которые раньше работали хорошо, потеряли силу своего воздействия; во-первых, потому, что изменились внешние обстоятельства; но более всего потому, что изменился способ мышления и чувства. Время прежних методов прошло, и было бы губительно не видеть, что эти временные и изменяющиеся вещи принадлежат сущности Церкви.

Если это предположение верно, в будущем пастырская работа ограничится решением непосредственно религиозных задач. Тем важнее сделать это специфически-религиозное здоровым и сильным. Оно не может быть направлено только на решение практических задач. Оно не должно скатываться в излишнюю назидательность и морализаторство. Оно должно наполниться богатством истины, которая содержится в Откровении. Его должны определять библейское слово и богословская мысль. Внутри него должно находиться картина христианского совершенства. Его должны освещать святые, полные смысла символы Церкви. Оно должно нести в себе чувство церковной общности. Но первое и необходимое условие для этого – чтобы литургия претерпела необходимые ей изменения. О его законных границах нужно еще говорить, но важность предстоящих перемен должна быть хорошо видна. Алтарь всегда находился в центре литургической жизни – и всегда должен там оставаться – но, возможно, скоро он будет не только центром, а воплощением этой жизни... Литургия должна в первую очередь заботиться о приходской общине, если она хочет быть настоящей. Она должна учитывать потребности прихода и не может требовать ничего, что противоречит его природе...

В таком случае можно ли говорить о «литургическом вопросе»? Если литургия – это то, о чем только что было сказано, то она должна стать основой и формой религиозной жизни. Это действительно так; но литургия – это историческая действительность и потому у нее есть такие особенности, которые возникают и меняются с течением времени, и вот здесь начинаются вопросы. Действительны ли богослужебные формы и тексты, возникшие в определенный исторический период, для более позднего времени? Не теряют ли свою значимость некоторые психологические и мыслительные мотивы, если меняется сущностная форма, и все такого рода. В древности литургия определяла всю богослужебную жизнь; позже получили значение религиозные чувства народа, а еще позже – индивидуальные чувства. В противовес этим чувствам литургия стала более пониматься как

официальный культ Церкви, и возник вопрос, как разные религиозные сферы соотносятся друг с другом там, где они составляют сущностное, и где пролегают их границы.

Все эти вопросы очень глубокие и непростые. Заниматься ими – значит исследовать теорию и историю христианской жизни. Я хотел бы только указать на них, чтобы можно было увидеть контекст, в котором находятся вещи, о которых идет речь. Я буду исходить из оценки тех направлений, которые возникли с самого начала литургического движения, и опасностей, которые в них заключаются. Здесь не обойтись без ключевых слов. Вряд ли их можно рекомендовать к употреблению, потому что они легко искажают смысл, но я не вижу, каким образом их можно избежать, и потому вынужден мириться с их недостатками.

Я бы начал с «литургизма», который сам развился из этого движения. К слову хочу заметить, что я беру этот термин не из повседневной литературы, но использую его в том значении, в котором он уже долгое время употреблялся в отношении исследуемого нами предмета.

Литургическое движение возникло потому, что должно было возникнуть. Под влиянием индивидуализма и рационализма нового времени культ Церкви с его величественными формами, глубокими мыслями и ориентацией на Откровение еще более отодвинуто в сторону. Религиозная жизнь в значительной степени была сведена к субъективному и частному. Поэтому изнутри Церкви должна была пробудиться жажда к тому, что оказалось в пренебрежении. Началась научная и практическая работа, целью которой было вновь возродить литургию в ее незамутненной форме, и дать ей место в религиозной жизни, которого она заслуживает; вместе с этим стремлением литургии стали приписывать значение, которого у нее нет.

Эта склонность понятна; она возникает, когда что-то важное, долгое время бывшее в пренебрежении, открывается заново. Возникает воодушевление, работа становится жертвенным служением, начинается дискуссия, и в результате совершенно произвольно переоценивается то,

что удалось открыть. Так иногда литургию рассматривают как просто религиозную жизнь, при этом забывая о том, что существуют другие формы. Было решено, что монашеское сообщество с его особенными условиями представляет собой прообраз христианской общины. В результате недооценили границы, в которые в действительности вовлечена литургическая работа; не увидели, как живет настоящий приход, каковы его религиозные потребности и возможности и от чего они зависят. При этом не заметили особенностей не только народной религиозной жизни, но и персонального молитвенного опыта и потребовали от человека, чтобы он сделал литургические формы и тексты основой своей внутренней жизни. Отсюда возникло нечто неестественное и преувеличенное – особенно когда пришла подчеркнутая эстетическая чувствительность, которая не видела нужд и задач действительной жизни. Это придало литургическим усилиям неблагоприятный характер.

Но эти убеждения принадлежали не тем людям или группам людей, которые делали особенную, ответственную работу. Однако преувеличенное всегда воспринималось как умеренное, и иногда казалось, что литургическое движение защищало картину религиозной жизни, которая не была связана с действительностью и потому должна была вызывать серьезные сомнения. Эти защитники требовали, чтобы латинский хорал нужно сделать песнопением общины. Они отказались от «народной молитвы», которую увидели в молитвах крестного пути, розарии и всевозможных книгах приходских песнопений, тем самым недооценив значение немецкого церковного песнопения. Они не увидели, что в каждом человеке есть свои особенности, которые должны отразиться в его индивидуальной молитвенной жизни; что личность как таковая не только является частью целого, но и есть живое и исключительное «ты», которое Бог говорит человеку и отсюда строится его молитвенный мир, не зависящий от литургии. Отсюда иногда вытекают неправильные вещи, чуждые действительности. Но если сомнительны преувеличения, которые делали те,

кто стоял у истоков движения, тем более сомнительны взгляды тех, кто их заимствовал, особенно те из них, которые касаются людей, чья здоровая работа была заменена на термины, а настоящее воодушевление – на ложное рвение.

Если долгое время совершать какое-либо правильное усилие, в какой-то момент оно становится всеобщим достоянием. И если до этого оно с трудом должно было отстаивать себя, в один момент оно становится востребованным – важнейший и коварный момент, потому что он приносит с собой опасность поспешных, плохо осознанных и бессвязных действий. Так произошло и с литургической работой. Ее значение за последние несколько лет открылось многим клирикам и мирянам, но ее сторонники так неудачно использовали ее хорошие качества, что на практике это привело к печальным последствиям. Давно замечено, что основание общинной жизни находится не в поверхностной, внешней работе, которой занимается некоторая общность людей, а в собственно-религиозном; теперь поняли, что литургия образует нерв религиозной жизни и исходя из этого начали выстраивать богослужение. Но с течением времени сложились различные традиции, которые полюбил церковный народ; отсюда возникли задачи переустройства и нового «введения в литургию», для которого порой не хватало педагогических возможностей. Особенность литургических текстов и обрядов заключается в том, что они не могут быть просто так перенесены в условия жизни общины; а поскольку было сделано именно так, то опять встала задача, для решения которой отсутствовали два первых требования. Из всего этого возникло то, что можно назвать «литургическим дилетантством».

Убежденность в том, что человек может молиться только на языке той страны, где он живет, привело к тому, что возросло значение немецкого, стали переводиться тексты для совместного произношения народом. Мысль о том, что литургия совершается не только священником, но и всей общиной, привела к тому, что богослужение попытались сделать более доступным для

понимания верующих. Когда увидели, как важно в религиозной и духовной жизни живое внешнее выражение, стали заботиться о том, чтобы прояснить значение литургических символов. Когда была открыта духовная сила григорианского хорала, была сделана попытка сделать его «перевод», то есть приспособить его мелодическую составляющую к строению и тонике немецкого языка. Результатом этих многочисленных усилий стало то, что с меньшим или большим основанием можно назвать «народной литургией». К сожалению, не все в ней было хорошо продумано и правильно понято. Нередко эти попытки были бессвязными и своевольными, и в результате возникла путаница. Выбирали, то, что хорошо смотрится и отделяли друг от друга взаимосвязанные вещи. Часто не соблюдали самых необходимых условий. Для того, чтобы хорошо перевести текст, требуется не только филологическая и богословская подготовка, но и не меньшие речевые способности. К сожалению, иногда, кроме усердного желания, в этой работе ничего нельзя было найти; порой казалось, что не только не знали латынь, но даже немецкий. Отсюда возникли фактически и лингвистически невозможные вещи. Чтобы правильно извлечь смысл из богослужебных символов, требуется не только знание истории литургии, но и соответствующее чувство формы. И того, и другого часто не хватало; в результате многие выразили желание, чтобы литургия оставалась, как была, по крайней мере в уже существующих рамках. То же самое относится и к утверждению о том, что нужно вовлекать в богослужение всю полноту верных. Это требует терпения, рассудительности и такта; а если они отсутствуют, остаются только беспорядок и раздражение. Наконец, задача написать мелодию в традиции григорианского хорала и одновременно воспринимаемую народом, требует, кроме понимания этого чудесного искусства, не только музыкальных, но и педагогических знаний, о которых никто не может сказать, что их легко приобрести.

Дальше было еще хуже, когда на литургию стали оказывать влияние ложные представления о положении мирян в Церкви, об отношении

этического к религиозному и тому подобное. Свое лепту внесли противоречия между старшим и молодым поколением; напряженность в отношениях настоятеля и клирика или духовенства разных общин... Все это ни в коей мере не затрагивает важность литургических задач, но это мешало серьезной работе, создавало путаницу и в глазах тех, кто не понимал, откуда все это произошло, представляло в плохом свете все литургические усилия.

Можно увидеть, что литургическая работа породила не только пристальное внимание, но и враждебность – однако в основе этой враждебности лежала не только несправделивость, но и некомпетентность.

Литургизм подвергся серьезному противодействию, которое исходило из практических требований современности. Направление, о котором идет речь, можно назвать «практицизмом». Слово не очень красивое, но лучшего у меня нет.

Литургизм забыл о том, что «суббота для человека»; и если он мог бы с полным правом сказать, что нет ничего важнее в настоящей религиозной жизни, чем находящиеся внутри него вещи, которые нужно совершать во славу Божию, и он недооценил необходимость повседневной жизни. Сторонник практики мог бы с полным правом указать на последствия. Они говорили, что у богослужения есть задача выстраивать; и потому оно должно произрастать из духовных предпосылок современности. Оно должно заботиться о том, чтобы быть более нравственным; а для этого оно должно быть основано на этическом действии. Только такое богослужение правильно, которое «работает» в жизни; и потому литургия с ее ориентированной на вечность, созерцательной направленностью оказывается недействительной, и все такого рода.

Критика, направленная против замкнутого на самом себе литургизма, справедлива, но она не должна относиться к живой литургии Церкви. Не учитывая этого последнего, она впадает в противоположную крайность, что не менее опасно, чем то, против чего она выступала. «Практицизм» возник в новое время как результат актуальных для него социальных, экономических

и нравственных проблем. В стремлении помочь людям решить новые задачи по-христиански «практицизм» перенес центр тяжести пастырской работы в область организации и педагогики; и считал, что ценность церковной деятельности заключается в том, чтобы помочь преодолеть эти проблемы. Но от него тоже ускользнула сущность религиозной жизни. Он забыл о том, что богослужение есть самостоятельная ценность, которая состоит в общении с Богом. «Практицизм» зашел так далеко, что для его сторонников любое созерцательное делание и погружение в вечность, равно как богослужение перед лицом Божиим казалось бесполезной тратой времени.

Теперь полагалось видеть в литургии что-то устаревшее и излишнее; говорили о необходимости дать дорогу более современным формам богослужения и «работающим» методикам, или видеть в ней лишь средство нравственного совершенствования. Между тем было упущено главнейший смысл литургии – прославлять Господа, а для людей создавать такую атмосферу, в которой они могли бы дышать и расти. В то же время было разрушено незаменимое средство душепопечения, потому что литургия тем благодатней, чем меньше прикладных задач с ней связывается. Она действует как непрестанно горящий, ровный свет, как несильно обжигающее пламя, как неслышная и при этом господствующая и формирующая сила, которая приносит покой и свободу необычайной глубины. Всего этого практицизм не заметил. Стремящийся разрешить проблемы нового времени, он искал быстрые и конкретные результаты и тем самым пренебрег важнейшим, средством, приносящим лучшие плоды.

Другое направление, которое следует назвать «консерватизмом», одобряло самостоятельную ценность созерцательной жизни. Консерватизм знал о том, что в молитве и богослужении важны не только их нравственное и формирующее действие, но что они важны сами по себе, как средства, связующие с Богом и воспевающие Его величие. Он знал о том, какое значение имеет традиция; чувствовал достоинство традиционного и мудрость, которая заключается в многовековом опыте. Он боролся с тем, что

практицизм с такой легкостью захотел подчинить молитву и богослужение сиюминутным задачам, и с поспешными попытками литургизма сформировать богослужение согласно правилам литургической науки. Последнее служило основанием для того, чтобы в дело вмешались благонамеренные, но некомпетентные дилетанты; однако было неправильно и губительно соединять такие эксперименты с серьезной и ответственной работой по обновлению богослужения. Здесь обнаруживается опасная склонность отвергнуть все то, что не было привычным.

Консерваторы считали, что все привычное хорошо по определению, а все новое заведомо носит нецерковный характер. И когда кто-либо делал не то, что принято, консерваторы считали его революционером. При этом они часто не учитывали истинное положение вещей: например, то, что от чего нужно отказаться или изменить, является продуктом религиозно бесплодного XIX века и само вытеснило древнейшие и ценнейшие элементы литургического благочестия. Не замечали и то, что вследствие долгого употребления вышеупомянутые тексты и формы богослужения потеряли в содержании и утратили прежнюю силу, в результате чего стали восприниматься как самые заурядные. Древность и обычай действительно важны; однако они не должны им слепо повиноваться, особенно если «традиционное» второсортно или даже непригодно. В противном случае придется отвечать на вопрос святого епископа Киприана: «Неужели обычай важнее истины?»

Но более всего консерваторы упустили из виду тот факт, что литургия в приходской жизни литургия стала занимать неподобающее ей место. Противники литургических нововведений всячески подчеркивают свою «церковность» и, как правило, очень строго относятся ко всему, что касается догматики и церковной дисциплины. При этом они «не замечают», что литургия является упорядоченным и восходящим к первым временам Церкви культом, у которого есть свои ясные и строгие законы. Не удивительно ли, что люди, которые так твердо стоят за соблюдение позднейших обычаев и

форм религиозного поклонения и при этом отказываются от более благородных элементов, которые предлагает древняя и святая традиция. Или когда они призывают к закону веры, отвергая всякую непривычную для них мысль, и совсем забывают о том, что существует еще закон молитвы, который не исчерпывается исполнением определенных рубрик, а сопряжен с религиозным порядком жизни, который предполагает любовь и постоянно углубляющееся понимание. Вызывает тревогу тот факт, что в Церкви существует мир богослужения, произрастающий из богатой и почтенной традиции, имеющий строгие и понятные законы, который не ценится так, как того заслуживает; а каждый, кто заступает за его сохранение, попадает под подозрение в модернизме и недостаточной «церковности»... Религиозную жизнь часто наполняют народные и индивидуальные практики благочестия, часто сомнительного качества; в то время как в литургии нет ничего незначительного. Богослужения более высокого ранга оттесняются на второй план, и тем самым упускаются уникальные возможности для пастырской работы. Евхаристия многократно уподоблялась народному молебну. Вместо многообразия богослужебной жизни возникла монотонность, губительные последствия которой еще не осознаны. Практическая сторона таинств совершенно отделилась от содержательной, что привело к ее изменению. Многое можно было бы еще сказать.

Консерваторы объясняют: «Это для народа слишком высоко, а то – слишком чуждо». Однако есть повод усомниться в том, пытаются ли они вести дальше этот народ. Они говорят, что для женщин некоторые вещи в литургии недостижимы, и что для мужчин якобы нужна более твердая религиозная пища; однако очень сомнительно, каким мужчинам и каким женщинам дают возможность высказаться, и действительно ли есть стремление к тому, чтобы пробудить мужской ум к восприятию величия литургической формы и женское чувство – к ее глубокой и обогащающей тайне. «Народ» понимает гораздо больше, чем зачастую хочется считать; кто искренне и с терпением будет с этим разбираться, обретет как приятный, так

и постыдный для своей самооценки опыт. Сначала он сам должен узнать, о чем идет речь, и потом начинать работу с готовностью и убежденностью. Ни консерваторы, ни практики на самом деле далеко не так хорошо, как может показаться, знают фактические религиозные нужды людей, особенно молодых, хотя они и без конца подчеркивают свой богатый опыт.

Иначе бы они увидели, что люди уходят из Церкви, когда им навязываются устаревшие и второсортные богослужебные формы, и что литургия для многих людей просто жизненно необходима. Когда им об этом говорят, они начинают рассказывать о высокомерии образованных, у которых всегда есть что-то особенное, и о заносчивости молодых людей, которые хотят больше обо всем знать – банальный и вместе с тем опасный способ отодвигать от себя все незнакомое и относиться к другим с предубеждением.

Иногда у самих сторонников литургических преобразований нет правильного понимания, что такое, собственно, литургия. Пусть не считают бесплодной критикой, когда я указываю на то, как недостаточно было (а отчасти и есть) литургическое образование духовенства. Долгое время литургика входила в состав группы дисциплин, объединенных понятием «пастырского богословия» и воспринималась как нечто второстепенное. Поэтому неудивительно, что многие под этим понятием подразумевают что-то существенное, но основной его смысл ускользает. Способ религиозной репрезентативности, которая сформировалась с течением времени: литургика должна быть, ее нужно изучать, но лишь для того, чтобы можно было перейти к более важным и практическим вещам. К этому добавляются вышеупомянутые трудности, и нужно сказать, что, со своей стороны консерваторы, выступающие против сторонников литургических преобразований, правы: то, что они думают о литургии и в самом деле сомнительно – но только это не о настоящей литургии Церкви. Они борются с призраком и не видят, что происходит на самом деле и что действительно имеет значение для спасения души, о котором они так пекутся.

Мой возлюбленный и достопочтенный друг! Выше я попытался указать четыре пункта, на которых стоит литургический вопрос. Надеюсь, что это было сделано объективно, с осознанием всей сложности ситуации. Поверьте, я с уважением отношусь к сомнениям тех, кто несет ответственность за дело. Но позвольте мне высказать еще одну, связанную с этими людьми озабоченность: опасность неверных выводов.

Церковные власти несут ответственность за порядок религиозной жизни; у них есть вполне обоснованное недоверие к самоуправству и недисциплинированности, ко всему искусственному и странному. Вместе с тем возникает опасение, что они могли бы в случае необходимости обеспечить «порядок любой ценой» и тем самым остановить ценные начинания. Я уже упоминал, что занимаюсь литургической работой около 35 лет и у меня есть основания полагать, что понимаю важность вещей, о которых идет речь. Многих из тех, кто прилагает усилия в этом направлении, я знаю лично, отчасти благодаря близкому знакомству в течение многих лет. Я знаю, сколько любви и усилий они вложили в это дело по своей преданности Церкви, в которой невозможно сомневаться, как и в каждом отдельном человеке. Не все можно делать в любое время и потому важно, чтобы то, что требуется сделать сейчас, было сделано правильно. Опираясь на доверие, которое ты мне оказал, настоятельно прошу тебя способствовать тому, чтобы обозначенная здесь опасность не стала реальностью.

Само собой разумеется, что церковные власти выступают против произвольных нововведений, которые не оправданы ни богослужением, ни талантами. Более чем справедливо, что они требуют от молодого духовенства сдержанности. С другой стороны, многое зависит и от того, чтобы те, кто серьезно и ответственно работали в течение долгого времени, не были лишены доверия и чтобы они были ограждены от нападений, которые ставят под сомнение их убеждения и работу.

Время – вот в чем нуждается литургическая работа. Нужно сделать очень многое, а задачи трудны. Чтобы двигаться вперед, нужно много

теоретических знаний, много практического опыта, много специалистов в области богослужебного языка и церковной музыки. Всем, кто занимается литургическим делом, требуется терпение. Безусловно, крайне желательно всегда сохранять сдержанность; но иначе ничего хорошего возникнуть не может.

В последнее время литургические преобразования стали подвергаться нападениям, которые получили широкий резонанс. Без сомнений, эта критика вызвана подлинной заботой о Церкви и возникла не без повода, но я боюсь, что до добра она не доведет. Самая большая их ошибка в том, что они не видят литургию такой, какая она есть. Здоровая критика должна быть основана на всестороннем понимании подлинной картины литургии, - но здесь совсем не тот случай. Критиков поощряют и поддерживают, а в результате возникает так много ограничений и опасений, что, в конце концов, создается впечатление, что литургическая работа подозрительна и лучше всего оставить все, как есть. Что же касается самой критики, то нередко она пользуется методом, который заставляет каждого задуматься над обыденным порядком исполнения привычного. С усердием были собраны единичные случаи, которые заслуживают критики, поощряется непримиримость в борьбе с ними, и при этом не замечаются мотивы, которые лежат в основании этих ошибок. Вместо этого ошибки сразу толкуются как результат субъективистских, необоснованных, с церковной точки зрения сомнительных убеждений.

Особенно неправильно то, что смешивается все неосмотрительное, безрассудное, экстравагантное, искаженное, прежде не замеченное по причине ошибок более ранней методологии. Если изучить литературу и практику старых общин, союзов и миссий, исследовать способы их говения и паломничества, то можно составить какой угодно длины список вещей, которые, по меньшей мере, были так же плохи, как и те, которые критикуются сейчас – и, как минимум, плохи из-за того, что они растянуты

на намного больший промежуток времени, имеют намного больший опыт и отсюда имеют намного большие возможности для исправления.

Критика – хорошее дело; но она должна быть справедливой и объективной, иначе она не создает, а разрушает. Ошибки досадны, однако они есть везде, и если о чем нужно говорить, то о причинах этих ошибок. Где не злоупотребляли правильными мыслями? Что бы сказали критики, если бы им привести все сомнительные места, которые находятся в литературе и практике религиозной жизни? Они бы возмутились. Они бы потребовали, чтобы их понимали правильно. Они бы сказали, что глупо судить о каком-либо явлении исходя из его слабых сторон или второстепенных признаков. Когда человек хочет бороться, то он должен это делать честно, и это означает повергнуть противника в его глубинном существе. Их требования правильны; но было бы лучше, если бы они относили их и к себе. Из теории и практики я знаю достаточно, чтобы ответить так, что мои слова нельзя будет пропустить мимо ушей, но только в том случае, если того безусловно требует дело, которое подвергается нападкам, и которое есть само дело Церкви. Я полностью доверяю тебе, а в твоём лице нашим епископам, в убеждении, что они различают подлинное от ложного, существенное от несущественного, вечное от преходящего, и не позволяют, чтобы чьи-то изменчивые настроения поставили подо сомнение достоинство и результаты работы, которая совершается долгое время и которой движет искренняя любовь к Церкви.

Мое изложение было недостаточным и вынужденным. С его помощью невозможно понять все стороны вопроса. Каждый скажет, что правильное в нем выявлено неполно, а сомнительное рассмотрено недостаточно подробно. Но, чтобы избежать этого недостатка, я должен был бы написать книгу. Принципиальные вопросы не рассмотрены до конца и остаются с нами во всей своей сложности.

Может быть, теперь нужно спросить: «Как все должно быть реализовано на практике?» К сожалению, этот вопрос я тоже должен

оставить открытым, указав лишь работу, которая либо совершается сейчас, либо предстоит в будущем. Что я могу сделать здесь, так это показать перспективные направления, и показать, какое место они занимают в жизни всей Церкви. Если подводить итог, то я бы сформулировал его так: литургическая жизнь всегда была важной для Церкви, а будет важна еще больше. По этой причине требуется тщательная о ней забота и ее развитие. Пастырь должен терпеливо и самоотверженно вести своих прихожан к литургической жизни. Но он сможет это сделать только в том случае, если он сам проник в ее сущность. Для этого литургия должна получить соответствующее место в системе образования. Важно позаботиться и о том, чтобы она не уступала по своему теоретическому и практическому значению ни догматике, ни нравственному богословию.

За образец литургии нельзя брать монашеское или кафедральное богослужение (которые сами по себе очень важны), нужно исходить из потребностей и возможностей приходской общины.

Все это должно происходить не под влиянием субъективных мнений и желаний, а в соответствии с «правилом молитвы» Церкви; и в то же время с подлинной творческой свободой – там, где это допускает закон Церкви. Некоторые подробности требуют тщательного прояснения. Для этого нужно искать людей, которые обладают соответствующими качествами.

Литургия важна; но также важна и обязательна религиозная жизнь каждого христианина в отдельности. Она связана с литургической жизнью, но не совпадает с ней, а находится с ней в отношениях живого и плодотворного напряжения. Поэтому литургическое образование должно идти параллельно личной молитве, созерцанию, чтению Священного Писания, религиозному отношению к повседневной жизни и исполненному веры пониманию бытия.

Между личной и литургической молитвой находится особая область «молебна» (Volksandacht), содержание которого более всего отражено в книгах церковных песнопений для народа. Молебен совершается по

правилам и указаниям, взятым из смежных с ним областей литургии и личной молитвы, но существует по своим законам.

Эта область также требует тщательной заботы, и я полагаю, что здесь тоже предстоит сделать еще очень многое. Будут продолжать появляться плохие тексты; нужно будет поднимать значение бесценного древнего наследия. Это могло бы стать творческой задачей для способных к этому людей.

Особенного внимания требует немецкое церковное песнопение. К сожалению, его состояние не обнадеживает. Лучшие песнопения используются реже всего. Можно смело утверждать: чем чаще песнопение употребляется, тем менее содержателен его текст и тем сентиментальнее его мелодия. Хорошие мелодии находятся отчасти в плохом состоянии; манера, в которой они исполняются, нежизнеспособна. Нужно вспомнить о забытом древнем наследии и написать новые песни – но теми, кто способен это сделать, и таким образом, чтобы они «работали».

Больше сказать по этому поводу мне нечего. И я хотел бы заверить тебя, уважаемый и досточтимый друг, что я старался изложить мои мысли честно и с благоговением к церковной власти, которую ты для меня представляешь.

С надеждой на то, что ты отнесешься к этому таким же образом, прошу тебя принять уверения в моей преданности.

Романо Гвардини

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Евхаристический канон традиционной латинской мессы и немецкой мессы Лейпцигского оратория

Сравнительная таблица

В таблице использован текст миссала 1920 года (по изд.: Missale Romanum. 2004. Ex decreto concilii tridentini. S. Pii V. Pontificis maximi jussu editum aliorumque pontificum cura recognitum a s. Pio X. reformatum et Benedicti XV. auctoritate vulgatum. Bonnæ ad rhenum — ædibus palmarum mmiv. Pp. 335-340).

Текст согласно миссалу 1920 г.	Русский перевод	Текст мессы Лейпцигского оратория 1936 г.	Русский перевод
<i>Представление даров и поминовение Церкви</i>			
<p>Te igitur, clementissime Pater, per J̄esum Christum, Filium tuum, D̄ominum nostrum, s̄upplices rogāmus ac p̄timus, ūti acc̄pta h̄abeas et bened̄icas, h̄æc d̄ona, h̄æc m̄nera, h̄æc s̄ancta sacrificia illib̄ata, in primis, qūæ t̄ibi off̄erimus pro</p> <p>Eccl̄esia tua s̄ancta cath̄olica: qūam pacific̄are, custod̄ire, adun̄are et r̄egere dign̄eris t̄oto orbe terr̄arum: ūna cum f̄amulo tuo P̄apa nostro N. et</p>	<p>Итак, Милостивейший Отче, ради Иисуса Христа, Сына Твоего, Господа нашего, смиренно молим и просим Тебя, прими и благослови эти дары, эти приношения, эту святую, непорочную жертву, которую приносим Тебе, во-первых, за Твою Святую Вселенскую Церковь, которую благоволи умирить, оградить, соединить и управлять ею по всей земле, вместе со служителем Твоим Папой нашим</p>	<p>Dich also, gn̄adigster Vater, rufen wir in Demut an durch Jesus Christus, deinen Sohn, unsern Herrn, und bitten: in Gnaden nimm an und weihe Diese Gaben, Diese Spenden, diese heiligen unbefleckten Opfergaben Vor allem, da wir sie darbringen für deine heilige katholische Kirche – ihr wolle Frieden geben, sie beh̄uten, einen und regieren auf dem ganzen Erdkreis – in Gemeinschaft mit deinem Diener, unsern Papste... und unsern</p>	<p>Итак, милостивейший Отец, смиренно взываем к Тебе, через Христа, Твоего Сына, и просим: милостиво прими и благослови эти Дары, эти приношения, эти Святые непорочные жертвенные Дары которые мы во-первых приносим за Твою Святую вселенскую Церковь – которой даруй мир, огради, соедини и управляй ею по всей земле – вместе с Твоим слугой, нашим папой... и нашим епископом...</p>

Antístite nóstro N. et ómnibus orthodóxis, átque cathólicæ et apostólicæ fidei cultóribus.	N. и Владыкой нашим N., и всеми православными исповедниками вселенской и апостольской веры.	Bischof... und allen, die rechtgläubig sind und Hüter des katolischen, apostolischen Glaubens.	и всеми правоверными и хранителями вселенской и апостольской веры.
<i>Поминовение живых</i>			
Meménto, Dómine, famulórum famularúmque tuárum N. et N. et ómnium circumstántium, quórum tibi fides cógnita est et nóta devótio, pro quíbus tibi offérimus: vel quí tibi offerunt hoc sacrificium láudis, pro se suisque ómnibus: pro redemptióne animárum suárum, pro spe salútis et incolumitátis súæ: tibi que réddunt vóta súa ætérno Déo, vívo et véro.	Помяни, Господи, рабов и рабынь Твоих N. и N. и всех присутствующих, вера которых Тебе известна и благочестие которых Тебе ведомо, за которых мы приносим Тебе или которые приносят Тебе сию жертву хвалы за себя и всех своих, во искупление своих душ, в надежде на спасение и благополучие свое, и воздают обеты свои Тебе, вечному, живому и истинному Богу.	Gedenke, Herr, deiner Diener und Dienerinnen... und aller den Altar Umstehenden, deren Glaube dir bekannt und bekannt die Hingabe; für sie bringen wir dar, und sie selbst bringen dir dieses Opfer der Lobpreisung, für sich und alle die Ihren, zur Erlösung ihrer Seelen, für die Hoffnung auf ihr Heil und ihre Rettung, - und weihen ihre Gaben Dir, dem ewigen Gott, dem lebendigen und wahren.	Вспомни, Господи, Твоих рабов и рабынь... и всех, стоящих перед алтарем, чья вера Тебе известна и известна преданность; за которых мы приносим или которые Тебе сами приносят эту жертву хваления, за себя и всех своих, во спасение своих душ, в надежде на свое спасение и избавление, - и посвящают свои дары Тебе, вечному Богу, живому и истинному.
<i>Поминовение святых</i>			
Communicántes, et memóriam venerántes, in prímis gloriósæ sémpet Virgínis Mariæ, Genitricis Déi et Dómini nóstri Jésu Chrísti: sed et et beatórum apostolórum ac mártýrum tuórum, Pétri et Páuli, Andréæ, Iacóbi, Ioánnis, Thómæ, Iacóbi, Philíppi, Bartholomæi, Matthæi, Simónis et Thaddæi: Líni, Cléti, Cleméntis, Xýsti, Cornélii, Cypriáni, Lauréntii,	Пребывая в общении и почитая память, во-первых, Преславной Приснодевы Марии, Матери Бога и Господа нашего Иисуса Христа, и блаженных апостолов и мучеников Твоих Петра и Павла, Андрея, Иакова, Иоанна, Фомы, Иакова, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Симона и Фаддея; Лина, Клета, Климента, Сикста, Корнилия, Киприана, Лаврентия,	Da wir Gemeinschaft haben und das Gedächtnis ehren, vor allem Mariens der glorreichen, allzeit jungfräulichen Mutter unseres Gottes und Herrn Jesus Christus, auch deiner heiligen Apostel und Martyrer Petrus und Paulus, Andreas, Jakobus, Johannes, Thomas, Jakobus, Philippus, Bartholomäus, Matthäus, Simon und Thaddäus, Linus, Kletus, Klemens, Xystus, Kornelius, Cyprianus, Laurentius,	Пребывая в общении и почитая память, во-первых, Преславной Марии, Приснодевы и Матери Бога и Господа нашего Иисуса Христа, а также святых апостолов и мучеников Петра и Павла, Андрея, Иакова, Иоанна, Фомы, Иакова, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Симона и Фаддея, Лина, Клета, Климента, Сикста, Корнилия, Киприана, Лаврентия,

Chrysógoni, Ioánnis et Páuli, Cósmae et Damiáni: et ómnium sanctórum tuórum; quórum méritis precibúsq;ue concédas, ut in ómnibus protectióriis túa muniámur auxílio. Per éundem Chrístum, Dóminum nóstrum. Ámen.	Хрисогона, Иоанна и Павла, Космы и Дамиана и всех святых Твоих, заслугами и молитвами их даруй нам во всем помощь и ограждение Твоим покровом. Ради того же Христа, Господа нашего. Аминь.	Chrysogonus, Johannes und Paulus, Kosmas und Damianus und aller deiner heiligen, so gewähre uns durch deren Verdienste und Fürbitten, dass wir in allen Dingen behúhrt seien durch deinen hilfreichen Schutz, Durch Christus, unsern Herrn.	Хрисогона, Иоанна и Павла, Космы и Дамиана и всех Твоих святых, даруй нам их заслугами и молитвами, чтобы мы во всем были ограждены Твоим всегдашним покровом. Ради Христа, нашего Господа.
<i>Прошение о принятии предложения</i>			
Hanc ígitur oblatióriem servitútis nóstræ, sed et cúctæ familiæ túæ, quæsumus, Dómine, ut placátus accípias: diésque nóstros in túa páce dispónas, átque ab æténa damnatióriem nos éripi, et in electórum tuórum iúbeas grége numerári. Per Chrístum Dóminum nóstrum. Ámen.	Итак, сие приношение смирения нашего и всей Церкви (<i>дословно: семьи Твоей – А.С.</i>) Твоей, молим Тебя, Господи, милостиво прими, и дни наши устрой в мире Твоем, и благоволи избавить нас от вечного осуждения и сопричислить к стаду избранных Твоих. Ради Христа, Господа нашего. Аминь.	Was also darbringen wir, deine Diener, und auch dein ganzes Haus, nimm gnädig an, wir bitten dich, Herr, und unsre Tage lenke in deinem Frieden und verfüge, dass wir der ewigen Verdammnis entrissen und zur Herde deiner Auserwählten mögen gezählt werden. Durch Christus. Unsern Herrn.	Итак, что мы приносим, твои слуги и также весь Твой дом, милостиво прими, просим Тебя, Господи, и наши дни управь в мире Твоем и сделай так, чтобы мы избавились от вечного осуждения и к стаду Твоих избранных были бы сопричислены. Ради Христа, Господа нашего.
<i>Прошение о пресуществлении предложения</i>			
Quám oblatióriem tu, Déus, in ómnibus, quæsumus, benedíctam, adscríptam, rátam, rationábilem, acceptabilémque fácere dignéris: ut nobis Córpus et Sanguis fiat dilectíssimi Filii túi Dómini nóstri Jésu Chrísti.	Молим Тебя, Боже, сподоби сделать это приношение всецело благословенным, приемлемым, угодным, разумным и благоприятным; да станет оно нам Телом и Кровью возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа.	Diese Darbringung wollest du, o Gott, wir bitten dich, ganz gesegnet, dir gehörig, gültig, geistlich und wohlgefällig machen, dass sie uns werde Leib und Blut deines vielgeliebten Sonnes, unsern Herrn Jesus Christus.	Просим Тебя, Боже, соделай это приношение всецело благословенным, приемлемым, угодным, духовным, благоприятным, чтобы оно сделало нас Телом и Кровью Твоего возлюбленного Сына, нашего Господа Иисуса Христа.
<i>Пресуществление хлеба</i>			
		<i>Unsere Feier wird zum Abendmahl des Herrn, unser Opfer zum Opfer</i>	<i>Наша служба становится Тайной вечерей Господа, наша</i>

<p>Quí pridie quám paterétur, accépit pánem in sánctas ac venerábiles mánu sús, et elevátis óculis in cælum ad te Déum, Pátrém súm omnipoténtem, tibi grátias ágens, benedíxit, frégit, dedítque discípu lis súis, dícens: Accípíte, et manducáte ex hoc ómnes.</p> <p>HOC EST ÉNIM CÓRPUS MÉUM.</p>	<p>Который накануне Своих страданий взял хлеб в святые и досточтимые Свои руки и, воззрев к небу, к Тебе, Богу Отцу Своему Всемогущему, возблагодарив Тебя, благословил, преломил и подал ученикам Своим, говоря: примите и ядите от него все.</p> <p>ИБО СИЕ ЕСТЬ ТЕЛО МОЕ.</p>	<p><i>Christi.</i></p> <p>Welcher am Vorabend seines Leidens Brot in seine heiligen, verehrungswürdigen Hände nahm und die Augen erhoben zum Himmel, zu dir, Gott, seinem allmächtigen Vater, dir danksagend es segnete, brach und seinen Jüngern gab und sprach:</p> <p>Nehmet hin und esset davon alle; DAS IST MEIN LEIB.</p>	<p><i>жертва – Жертвой Христа.</i></p> <p>Который накануне Своих страданий взял хлеб в Свои святые и досточтимые руки, поднял очи к небу, к Тебе, Боже, Своему всемогущему Отцу, возблагодарив Тебя, благословил его, преломил, дал Своим ученикам и сказал: Примите и ешьте от него все: ЭТО ТЕЛО МОЕ</p>
<p><i>Пресуществление вина</i></p>			
<p>Símili módo póstquam cœnátum est, accípiens et hunc præclárum Calícem in sánctas ac venerábiles mánu sús: ítem tibi grátias ágens, benedíxit, dedítque discípu lis súis, dícens: Accípíte et bíbite ex eo ómnes.</p> <p>HIC EST ÉNIM CÁLIX SÁNGUINIS MÉI, NÓVI ET ÆTÉRNI TESTAMÉNTI: MYSTÉRIUM FÍDEI: QUÍ PRO VÓBIS ET PRO MÚLTIS EFFUNDÉTUR IN REMISSIÓNEM PECCATÓRUM.</p> <p>Нæс quotiescúmque fecéritis, in méi memóriam faciétis.</p>	<p>Подобным образом после вечери, взяв и сию преславную чашу в святые и досточтимые руки Свои, также возблагодарив Тебя, благословил и подал ученикам Своим, говоря: примите и пейте от нее все,</p> <p>ИБО СИЯ ЕСТЬ ЧАША КРОВИ МОЕЙ, НОВОГО И ВЕЧНОГО ЗАВЕТА: [ТАЙНА ВЕРЫ], КОТОРАЯ ЗА ВАС И ЗА МНОГИХ ПРОЛЬЕТСЯ ВО ОСТАВЛЕНИЕ ГРЕХОВ.</p> <p>Всякий раз, когда будете творить сие, будете творить в Мое воспоминание.</p>	<p>In gleicher Weise nahm er nach dem Mahle auch diesen herrlichen Kelch in seine heiligen, verehrungswürdigen Hände, segnete ihn, widerum dir danksagend, und gab ihn seinen Jüngern und sprach: Nehmet und trinket aus ihm alle; DAS IST DER KELCH MEINES BLUTES DES NEUEN UND EWIGES BUNDES – GEHEIMNIS DES GLAUBENS! – VERGOSSEN FÜR EUCH UND DIE VIELEN ZUR VERGEBUNG DER SÜNDEN.</p> <p>So oft ihr dieses tut, als mein Gedächtnis tuet es.</p>	<p>Подобным образом после вечери он взял эту преславную чашу в Свои святые, досточтимые руки, благословил ее, также возблагодарив, и подал Свои ученикам и сказал: Примите и пейте из нее все: ЭТО ЧАША МОЕЙ КРОВИ НОВОГО И ВЕЧНОГО ЗАВЕТА – ТАЙНА ВЕРЫ! ИЗЛИТАЯ ЗА ВАС И МНОГИХ В ПРОЩЕНИЕ ГРЕХОВ.</p> <p>Всякий раз, когда это будете совершать, будете делать это в Мое воспоминание.</p>
<p><i>Возношение Чаши для поклонения Святой Крови</i></p>			

		<i>Christus, unser Hohenpriester, ist nun unter uns gegenwärtig in seinem Erlösungsopfer: in seinem Leiden, seiner Auferstehung und seiner Herrlichkeit.</i>	<i>Христос, наш Первосвященник, сейчас присутствует среди нас в Своей спасительной Жертве: в Своих страданиях, Своем Воскресении и Своей Славе.</i>
<p>Únde et mémoires, Dómine, nos sérví túi, sed et plebs túa sáncta, eíúsdem Chrísti Fílii túi, Dómini nóstri, tam beátæ passiónis, nec non et ab ínferis resurrectiόnis, sed et in cáelos gloriósæ ascensiόnis: offérimus præcláræ maiestáti túæ de túis dónis ac dátis, hóstiam púram, hóstiam sánctam, hóstiam immaculátam,</p> <p>Pánem sánctum vítæ ætérnæ, et Cálicem salútis perpétuæ.</p>	<p>Посему и мы, Господи, рабы Твои и народ Твой святой, памятуя благословенное страдание и воскресение от преисподних и славное на небо вознесение того же Христа, Сына Твоего, Господа нашего, приносим преславному Величию Твоему от Твоих благ и даров жертву чистую, жертву святую, жертву непорочную,</p> <p>хлеб святой вечной жизни и чашу вечного спасения.</p>	<p>Daher auch, Herr, bringen wir, deine Diener, und auch dein heiliges Volk – das Gedächtnis feiernd des seiligen Leidens desselben Christus, deines Sohnes, unsern Herrn, seiner Auferstehung von den Toten und glorreichen Auffahrt zum Himmel – deiner erhabenen Majestät aus deinen Geschenken und Gaben ein reines Opfer, ein heiliges Opfer, ein makellooses Opfer dar, das heilige Brot des ewigen Lebens und den Kelch des immerwährenden Heils.</p>	<p>Поэтому и мы, Господи, Твои рабы, и Твой святой народ, празднуя воспоминание блаженных страданий того же Христа, Твоего Сына, Господа нашего, Его Воскресение из мертвых и преславное Вознесение на Небо – приносим Твоему благородному величию из Твоих благ и даров Жертву чистую, святую Жертву, непорочную Жертву, святой Хлеб вечной жизни и чашу вечного спасения.</p>
<i>Прошение о принятии Жертвы</i>			
<p>Súpra quæ propítio ac seréno vultu respícere dignéris: et accépta habére, sicuti accépta habére dignátus es múnera púeri túi íusti Ábel,</p> <p>et sacrificium Patriárchæ nóstri Ábrahæ: et quod tibi óbtulit súmmus sacérdos túus Melchisedech, sánctum sacrificium, immaculátam hóstiam</p>	<p>Благоволи воззреть на сие милостиво и благоприятно и прими, как сподобил принять дары отрока Твоего, праведного Авеля и жертву патриарха нашего Авраама, и то, что принес Тебе первосвященник Твой Мельхиседек: святое жертвоприношение, непорочную жертву.</p>	<p>Auf sie wollest du gnädigen, freundlichen Angesichtes herniederblicken und in Gnaden sie annehmen, wie dir gefallen hat, in Gnaden anzunehmen die Weihgaben deines gerechten Knechtes Abel und das Opfer unsers Erzvaters Abraham, und was dein Hohenpriester Melchisedech dir dargebracht, das heilige Opfer, die makelloose Spende.</p>	<p>Милостиво и благоприятно благоволи воззреть на нее и прими в благодати, как Тебе было угодно принять в благодати святыя дары твоего отрока Авеля и жертву нашего праотца Авраама, и что Твой первосвященник Мелхиседек жертвоприношение святое, непорочную жертву.</p>
<i>Прошение о единении с Жертвой Христа</i>			

<p>Súpplīces, te rogámus, omnípotens Déus: júbe hæc perférrī per mánus sáncti Ángeli túi in sublīme altáre túum, in conspéctu divínæ maīestátis túæ: ut, quótquot ex hac altáris participatióne sacrosánctum Filii túi Córpus, et Sánguīnem sumpsérimus, ómni benedictiÓne cælésti et grátia repléamur. Per eúndem Chrístum, Dóminum nóstrum. Ámen.</p>	<p>Смиренно молим Тебя, Всемогущий Боже, да будет принесено сие руками святого Ангела Твоего на горный жертвенник Твой, пред лице Божественного Величия Твоего, дабы мы все, от сего жертвенника причащаясь святейшего Тела и Крови Сына Твоего, исполнились всякого небесного благословения и благодати. Через Того же Христа, Господа нашего. Аминь.</p>	<p>In Demut flehen wir zu dir, allmächtiger Gott, laß diese Gaben durch die Hände deines heiligen Engels hintragen zu deinem himmlischen Altar vor das Angesicht deiner göttlichen Hoheit: damit wir alle, die durch den Anteil an diesem Altar den hochheiligen Leib und das Blut deines Sohnes empfangen, mit aller Segnung und Gnade des Himmels erfüllt werden. Durch denselben Christus, unsern Herrn.</p>	<p>Смиренно молим Тебя, всемогущий Боже, да будут эти Дары принесены руками твоего святого ангела на Твой небесный алтарь пред Лицо Твоего Божественного величия: чтобы мы все, имея часть от этого алтаря, причастились святейшего Тела и Крови Твоего Сына, и исполнились всякого благословения и небесной благодати. Через Того же Христа, Господа нашего.</p>
<i>Поминовение усопших</i>			
<p>Meménto étiam, Dómine, famulórum famularúmque tuárum N. et N., quí nos præcessérunt cum sígno fidei, et dórmīunt in sómno pácis. (Orat aliquantulum pro iis defunctis, pro quibus orare intendit.) Ípsis, Dómine, et ómnibus in Chrísto quiescéntibus lócum refrigérii, lúcis et pácis, ut indúlgeas, deprecámur. Per eúndem Chrístum, Dóminum nóstrum. Ámen.</p>	<p>Помяни также, Господи, рабов и рабынь Твоих N. и N., которые предварили нас со знаменiem веры и почивают сном мира. (Здесь священник молится о поминовении усопших.) Молим, Господи, даруй им и всем во Христе почивающим место прохлады, света и покоя. Через Того же Христа, Господа нашего. Аминь.</p>	<p>Gedenke auch, Herr, deiner Diener und Dienerinnen..., die uns vorausgegangen sind mit dem Zeichen des Glaubens und ruhen im Schlafe des Friedens. – Ihnen, Herr, und allen, die in Christus ruhen, gewähre in Gnaden, so flehen wir, den Ort der Erquickung, des Lichtes und des Friedens. Durch denselben Christus, unsern Herrn.</p>	<p>Помяни также, Господи, Твоих рабов и рабынь..., которые предшествовали нам со знаменiem веры и упокоились сном мира. Их, Господи, и всех, кто упокоевается во Христе, подай во благодати, молим, место прохлады, света и покоя. Через Того же Христа, Господа нашего.</p>
<i>Прошение о единении со святыми</i>			
<p>Nóbis quóque peccatóribus fámulis túis, de multítúdine miseratiÓnum tuárum sperántibus, pártē aliquam et societátem donáre dignéris, cum túis sánctis Apóstolis et Martýribus: cum Ioánne, Stéphano, Matthía,</p>	<p>И нам, грешным рабам Твоим, уповающим на обилие милости Твоей, благоволи даровать некоторую часть и общение с Твоими святыми Апостолами и Мучениками: с Иоанном,</p>	<p>Und auch, deinen Dienern, die wir Sünder sind und hoffen auf deines Erbarmens Fülle, schenke in Gnaden einen Anteil und Gemeinschaft mit deinen heiligen Aposteln und Martyrern, mit</p>	<p>И нам, твоим грешным рабам, которые надеются на обилие Твоей милости, даруй некоторую часть и общение с Твоими святыми апостолами и мучениками, с</p>

<p>Bárnaba, Ignátio, Alexándro, Marcellíno, Pétro, Felicitáte, Perpétua, Ágatha, Lúcia, Agnéte, Cæcília, Anastásia et ómnibus Sánc̄tis túis: íntra quórum nos consórtium, non æstimátor mériti, sed véniāe, quæsumus, largítor admítte. Per Christum, Dóminum nóstrum.</p>	<p>Стефаном, Матфием, Варнавой, Игнатием, Александром, Марцелином, Петром, Фелицитатой, Перпетуей, Агатой, Луцией, Агнией, Цецилией, Анастасией и всеми святыми Твоими, в сообщество которых прими нас, молим Тебя, не как воздаятель заслуг наших, но как податель прощения. Ради Христа, Господа нашего.</p>	<p>Johannes, Stephanus, Matthias, Barnabas, Ignatius, Alexander, Marcellinus, Petrus, Felicitas, Perpetua, Agatha, Lucia, Agnes, Cäcilia, Anastasia und allen deinen Heiligen: nicht wäge das Verdienst, vielmehr in Gnaden gewähre Verzeihung und laß uns zu in deren Kreis. Durch Christus, unsern Herrn.</p>	<p>Иоанном, Стефаном, Матфием, Варнавой, Игнатием, Александром, Марцеллином, Петром, Фелицитатой, Перпетуей, Агатой, Луцией, Агнией, Цецилией, Анастасией и всеми святыми Твоими: не по заслугам нашим, но по благодати подай прощение и прими нас в их сообщество. Ради Христа, Господа нашего.</p>
<p><i>Завершение канона</i></p>			
<p>Per quem hæc ómnia, Dómine, sémper bóna créas, sanctíficas, vivífi cas, benedícis et præstas nóbis.</p> <p>Per ípsum, et cum ípso, et in ípso est tibi Déo Pátri? omnipoténti, in unitáte Spíritus Sánc̄ti, ómnis hónor, et glória. Per ómnia sæcula sæculórum.</p>	<p>Через Которого, Господи, всегда творишь все сии блага, освящаешь, животворишь, благословляешь и подаешь нам.</p> <p>Через Него, с Ним и в Нем, Тебе, Богу Отцу Всемогущему, в единении со Святым Духом, всякая честь и слава.</p>	<p>Durch ihn machst du alles dieses allzeit gut, heilig, lebenspendend, segensvoll und schenkst es uns.</p> <p><i>Der Priester erhebt Kelch und Hostie und faßt zum Schluß der Opferdarbringung alles zusammen in den Worten (die aus besonderen Gründen, z.B. in der Kindermesse, auch vom Vorbeter laut gesprochen werden können):</i></p> <p>Durch Ihn und mit Ihm und in Ihm wird Dir Gott, dem allmächtigen Vater, in der Einheit des Heiligen Geistes alle Ehre und Lobpreisung dargebracht. Per omnia sæcula sæculorum. – von Ewigkeit zu Ewigkeit. Amen.</p>	<p>Через Которого Ты всегда творишь все благим, святым, животворящим, исполненным благодати и подаешь нам.</p> <p><i>Священник возвышает Чашу и Хостию и объединяет к концу Жертвоприношения всех вместе словами (которые в особенных случаях, например, в мессе для детей, могут быть произнесены вслух предстоятелем):</i></p> <p>Через Него, с Ним и в Нем, Тебе, Господи, всемогущему Отцу, в единении со Святым Духом приносится всякая честь и хваление. Во веки веков. Аминь.</p>

